

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

Тыткескень-VI, кург. 26.

В целом череп обнаруживает значительное сходство с неолитическими монголоидами из Нижнетыткескенской-1 и Каминной пещер Алтая, антропологический тип которых Т.А. Чикишева выделяет в самостоятельную древнюю монголоидную форму, равноценную в таксономическом плане палеосибирскому типу Прибайкалья, а также типам, представленным на черепках из Туой-Хая, Диринг-Юряха и Шилкинской пещеры (Ким А.Р., Чикишева Т.А., 1995; Чикишева Т.А., 1995).

Кор-Кобы-І, кург.8.

136

монголоидов. Лицо в верхней части широкое. Скуловой диаметр по приблизительной оценке также большой. Высоту лица из-за небольшой помертвенной деформации, не позволяющей точно зафиксировать сохранившийся фрагмент лицевой части, восстановить не удалось. Однако в любом случае она была не ниже средней величины. Горизонтальный профиль на уровне назиона плоский. Орбиты визуально невысокие. Нижняя челюсть крупных размеров, с относительно вертикально поставленными ветвями.

В целом несмотря на отсутствие ряда важных для расовой диагностики признаков череп с достаточной уверенностью можно отнести к монголоидным формам. Горизонтальная уплощенность на уровне лба и орбит сочетается у него с высоким затылочно-теменным индексом и малым висотно-продольным указателем. При этом по форме свода он значительно отличается от черепа из Тыхтескена и скорее сближается с палеосибирским монголоидным типом.

Кор-Кобы-1, кург.1 (впускное погребение)

Женский череп средних размеров, по соотношению основных диаметров брахи-, орто- и метриокранный. Сглаженный рельеф лобной и затылочной области сочетается у него с крупными сосцевидными отростками заостренной формы. Лобная часть сагитальной дуги относительно короткая, затылочно-теменной указатель средний, попадает в пределы варьирования европеоидных значений. Лоб прямой, выпуклый, широкий в абсолютном измерении и среднеширокий относительно поперечного диаметра черепа. Угол поперечного изгиба лба соответствует значениям, характерным для метисных групп. Лицо широкое, высокое, мезопрозрачное, среднепрофилированное в назомаллярной области, с ортогнатным вертикальным профилем. Орбиты средневысокие, мезоконхные. Нос высокий, очень широкий, хамеринный, угол выступания его близок к большому. Переносье высокое. Расовый тип — брахикранный европеоидный. В эпоху поздней бронзы брахикранный европеоидный тип с широким уплощенным лицом и сильно выступающим носом имел распространение среди карасукцев Минусинской котловины /Рыкушина Г.В., 1980/, а также населения культуры безвещевых погребений Западной Тувы и Западной Монголии /Алексеев В.П., 1974/.

Машенка-1, кург.1

Женский череп небольших размеров (короткий, узкий, низкий), долихо-, орто-и метриокранный по соотношению диаметров, имеющий сглаженный рельеф. Сагитальная дуга короткая, ее лобный, теменной и затылочный отрезки практически равновелики. Затылочно-теменной индекс высокий. Лоб среднеширокий в абсолютном измерении и широкий относительно поперечного диаметра черепа, слабоизогнутый в продольном и поперечном сечении, наклонный. Лицевая часть крайне высокая, среднеширокая, резко лептопрозрачная, плоская на уровне назиона и хорошо профилированная в зигомаксиллярной области. Фациоцеребральные указатели большие, особенно вертикальный, величина которого приходится на мировой максимум. Вертикальный профиль прогнатный, как по углам, так и по указателю Флауэра. Орбиты широкие, очень высокие, гипсиконхные. Нос очень высокий, среднеширокий, ленторинный. Переносье в абсолютном измерении высокое, симотический указатель большой, дакриальный средний. Носовые кости относительно линии профиля лица выступают очень слабо. Нижняя челюсть длинная, узкая, особенно на уровне мыщелков, с крайне наклонными ветвями. В целом данный морфологический комплекс признаков можно охарактеризовать как типично монголоидный. Сочетание таких особенностей как долихо- и ортокrania, высокое, но неширокое лицо с прогнатным вертикальным профилем позволяет отнести череп из Машенки к восточноазиатской (дальневосточной) расе в составе тихоокеанской ветви монголоидов. Наибольшее сходство он обнаруживает с черепами северных китайцев.

Специфической особенностью восточноазиатских монголоидов, и в частности северных китайцев, является узкое (в масштабе монголоидных значений) лицо. Важно отметить, что у черепа из Машенки не только сравнительно узкое, но и крайне высокое лицо. Верхнелицевая высота его достигает мирового максимума /Алексеев А.А., Дебед Г.Ф., 1964/. Поскольку высота и ширина лица связаны тесной положительной корреляцией «размера», следует полагать, что узколицесть данного черепа является не столько индивидуальным отклонением, сколько типовой характеристикой.

Из других краниологических признаков, дифференцирующих континентальных и тихоокеанских монголоидов, наиболее эффективным считается лобно-сагитальный индекс-ЛСИ /Биссеновская Ю.Д., 1987/. Для тихоокеанских монголоидов характерны его значения меньше 35,0. Самые низкие величины ЛСИ имеют северокитайские группы, в пределы вариаций которых по этому признаку укладывается и череп из Машенки (33,4).

Восточноазиатский расовый тип, характерный для современных северных китайцев, прослеживается в некоторых районах Китая, в частности в верхнем течении р.Хуанхе, по-видимому, уже с эпохи неолита. Сопоставление неолитической серии черепов из провинций Ганьсу и Хэнань, сборной «доисторической» серии черепов из Северного Китая, серии черепов неолита-ранней бронзы из Люваня (в восточной части провинции Цинхай), серии из Аньяпа (провинция Хэнань) эпохи Шан (XIV-XI вв. до н.э.), а также черепов современных северных китайцев выявило их значительное сходство (Пань Цифэн, Хань Каньсинь).

Как уже отмечалось, у черепа из Машенки лицевой скелет сильно уплощен только на верхнем уровне — в назомаллярной части (147,2), зигомаксиллярный же угол имеет малую величину (128,9), свойственную обычно европеоидам. Соответственно мал и указатель соотношения углов горизонтальной профилировки (87,6). По-видимому, малая величина зигомаксиллярного угла в данном случае обусловлена тем, что разность в проекционной высоте зигомаксиллярной хорды и точки субспинала едва ли не превосходит по величине проекционное расстояние, разделяющее их в горизонтальной плоскости. Значения зигомаксиллярного угла на черепах северных китайцев в литературе отсутствуют. Однако публикация Пань Цыфена и Хань Каньсиня позволяет отметить аналогичную дисгармоничность горизонтального профиля на разных уровнях лицевого скелета у древних представителей восточноазиатской расы. Так, на женских черепах из Люваня назомаллярный угол равен 147,6, зигомаксиллярный — 132,2, на мужских — 146,5 и 132,3 соответственно /Пань Цыфен, Хань Каньсинь/.

Чесноково-I, кург.2, погр.1 (основное)

Мужской череп с разрушенным основанием — брахикранный, короткий, среднеширокий, очень низкий (b-po). Рельеф лобной и затылочной части хорошо развит, сосцевидные отростки средней величины. Лоб среднеширокий, наклонный, слабоизогнутый в горизонтальном сечении и резко профилированный в поперечном. Лицо в верхней части очень широкое, скуловой диаметр по приблизительной оценке также большой, верхнелицевая высота на границе малых и средних величин. Горизонтальная профилировка на уровне орбит выражена достаточно резко. Вертикальный профиль лицевой части по общему углу прогнатный, однако альвеолярная часть мезогнатна. Орбиты широкие, очень низкие, выраженно хамекопхные. Нос низкий, очень широкий, крайне хамеринный, с высоким переносьем, выступает очень сильно. Нижняя челюсть небольших размеров с вертикально поставленными ветвями. Расовый тип сходен с протоевропеоидным, однако его более детальная характеристика в данном случае затруднена. Можно отметить лишь, что такие особенности черепа, как наклонный лоб и низкий свод, совершенно не характерны для андроновцев.

Чесноково-I, кург.2, погр.2

Женский череп короткий, широкий, очень низкий. Поперечно-продольный указатель обнаруживает тенденцию к гипербрахикрании. Рельеф выражен слабо. Лоб узкий, выпуклый, средненаклонный, угол его поперечного изгиба соответствует монголоидным значениям. В пределы варьирования типично монголоидных величин попадают также индексы, характеризующие соотношение лобного, теменного и затылочного отрезков сагитальной дуги. Фациоцеребральные указатели средние. Лицо широкое, очень низкое, резко зурипрозопное, плоское. Вертикальный профиль по общему углу ортогнатный, в альвеолярной части прогнатный. Указатель Флауэра большой. Орбиты среднеширокие и крайне низкие. Клыковая ямка очень мелкая. Мезоринный нос с низким переносом выступает очень слабо. Нижняя челюсть короткая, среднеширокая, со средненаклонными низкими ветвями. Характерными особенностями данного монголоидного варианта являются общая грацильность и низкое, сильно уплощенное лицо с тенденцией к альвеолярному прогнатизму. Происхождение этого типа связывается с таежной зоной Западной Сибири /Дремов В.А., 1981, с.10/. В качестве одного из компонентов низколицы монголоиды входят в состав новосибирских андроновцев /Молодин В.И., Чикишева Т.А., 1988, с.169, 197-198/ и еловско-ирменского населения Томского Приобья /Дремов В.А., 1967; 1981, с.16/. В V-III вв. до н.э. они встречаются уже не только в лесостепном Приобье /Дремов В.А., 1970, с.105/, но и значительно западнее — среди саков Восточного Казахстана и Алайской долины /Тур С.С., 1997/.

Чесноково-I, кург.2, погр.3 (под бровкой)

Череп женщины в возрасте 30-35 лет. Альвеолярный край нижней челюсти атрофирован вследствие полной прижизненной утраты зубов. Все зубы верхней челюсти в сохранности, стертость их незначительна, за исключением первого левого моляра, сильная изношенность которого может иметь иное происхождение (не от жевания пищи). Швы свода черепа не облитерированы даже изнутри.

Череп крупных размеров, мезо-, орто- и метриокранный. Лобный и затылочный рельеф сглаженный, сосцевидные отростки крупные. Лоб широкий (среднеширокий относительно поперечного диаметра черепа), выпуклый и прямой, угол его поперечного изгиба имеет типично европеоидную величину. Затылочно-теменной индекс средний, попадает в пределы вариаций монголоидных значений. Вертикальный фациоцеребральный указатель имеет малую величину, поперечный — большую. Лицо немного ниже среднего, очень широкое, зурипрозопное, среднепрофилированное на назомаллярном уровне и плоское — на зигомаксиллярном. Вертикальный профиль ортогнатный по общему углу, мезогнатный по указателю, с небольшим прогнатизмом в альвеолярной части. Орбиты очень широкие и низкие, резко хамеконхные. Клыковая ямка мелкая. Невысокий, широкий, хамеринный нос с высоким переносом выступает выше среднего. Расовый тип метисный — европеоидный с монголоидной примесью. Данный комплекс признаков возникает, по-видимому, при смешении протоевропеоидов с брахикранными низколицами монголоидами. Следует отметить также наличие на черепе следов искусственной деформации — правостороннюю уплощенность затылочной области и слабо выраженную овальную вдавленность в задней половине сагитального шва. Вдавленность вдоль сагитального шва на уровне обелионов отмечалась Т.А.Чикишевой на неолитических черепах из могильников Протока и Сонка-2 в Северной Барабе, а также ирменских черепах из могильника Журавлево-4 в Кузнецкой котловине. Помимо этого несколько черепов из могильника Журавлево-4 имеют левосторонне уплощенный затылок /Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балусева Т.С., 1989, с.58-59; Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993, с.101/.

Бийке, кург.4

Неполный свод черепа юношеского возраста визуально долихокранный формы. При осмотре костных фрагментов в полевых условиях А.Р.Ким отметил на верхнем латеральном резце, впоследствии утраченном, лопатообразность.

Бийке, кург.7

Фрагменты свода женского черепа, предположительно долихокранный формы. Сосцевидные отростки маленькие, надглазничный рельеф сглаженный. Лоб скорее прямой или средне-наклонный. Лицевая часть не сохранилась за исключением небольшого фрагмента нижней челюсти, на котором может быть отмечен альвеолярный прогнатизм.

Бийке, кург.18

Фрагменты мужского черепа с хорошо развитым лобным рельефом и большими сосцевидными отростками. Измерить удалось только продольный диаметр, остальные особенности морфологического облика оцениваются визуально. Величина продольного диаметра довольно большая (190), поперечный диаметр не меньше среднего, форма черепа долихокранный. Лицо скорее широкое, орбиты невысокие.

Бойтыгем-II, кург.19

Фрагменты женского черепа со среднеразвитым рельефом. Поперечный диаметр (147) и ширина затылка (113), которые удалось измерить, имеют очень большую величину. Скуловой диаметр визуально также большой.

Сальдар-I, погр.2

Свод женского черепа без боковых стенок и фрагменты лицевой части. Продольный диаметр средний (172), поперечный по приблизительной оценке также не меньше среднего, форма свода визуально мезокранный. Лоб неширокий, скорее средненаклонный. С левой стороны сохранилась скуловая дуга, судя по которой, лицо было нешироким. О небольших широтных размерах лица косвенным образом свидетельствует и визуально очень узкая нижняя челюсть. Нижний край орбиты отсутствует, но форма сохранившегося контура близка к мезоконхной. Переносье в симотической части средневысокое в абсолютном и относительном измерении. Отмечается альвеолярный прогнатизм.

Сальдар-I, кург.23

Неполный свод черепа (от лобной кости сохранилась лишь часть, прилегающая к венечному шву) визуально долихокранный формы.

Карбан I, кург.5, мог.1

Неполный свод женского черепа без боковых стенок. Продольный диаметр очень большой (182), форма свода визуально определяется как долихокранный. Лицевая часть не сохранилась, за исключением носовых костей. Переносье в симотической части невысокое. Ширина лица, судя по очень узкой нижней челюсти, должна быть небольшой.

Карбан-I, кург.26

Неполный свод мужского черепа со сглаженным рельефом. Размеры черепной коробки визуально средние, форма мезокранный, лоб средненаклонный.

Таким образом, имеющиеся краниологические материалы свидетельствуют о крайней морфологической и, соответственно, генетической неоднородности раннескифского населения Алтая. Типологически различаются не только черепа, происходящие из разных могильников, но также черепа из одного могильника (Кор-Кобы-1) и даже одного кургана (Чесноково-1, к.2). Серия неоднородна по черепному указателю и наравне с брахикранными формами (Тыткескень-VI, к.26; Кор-Кобы-1, к.1; Чесноково-1, к.2, п.1-2) включает долихокренные (Кор-Кобы-1, к.8; Машенка-1, к.1; Бийке, к.4, к.7, к.18; Сальдар-1, к.23; Карбан-1, к.5), мезокренные формы относительно немногочисленны (Сальдар-1, к.2; Карбан-1, к.26; Чесноково-1, к.2, п.3). В составе ее выделяются монголоидные (Тыткескень-VI, к.26; Кор-Кобы-1, к.8; Машенка-1, к.1; Чесноково-1, к.2, п.2) и европеоидные (Кор-Кобы-1, к.1; Чесноково-1, к.2, п.1) комплексы признаков, а также европеоидно-монголоидные типы (Чесноково-1, к.2, п.3) метисного происхождения. Монголоидные черепа из разных могильников морфологически неоднородны. Тыткескенский череп относится к монголоидному типу, представленному на неолитических черепах Алтая и Красноярско-Канского региона, череп из Машенки сближается с восточноазиатскими монголоидами Северного Китая, обитающими в данном регионе с эпохи неолита, череп из второго погребения кургана Чесноково наиболее близкие аналогии находит среди грацильных низколиких монголоидов предтаежной зоны Западной Сибири. Два европеоидных черепа (Кор-Кобы-1, к.1; Чесноково-1, к.2, п.1) также различаются на уровне типологических вариантов. Женский череп из Кор-Кобы можно сопоставить с брахикранным европеоидным типом карасукцев Минусинской котловины и населения культуры безвещевых погребений Западной Тувы и Западной Монголии, мужской череп из Чесноково скорее связан с протоевропеоидами, хотя и выбивается из их среды более короткой и особенно более низкой формой свода.

Решение вопроса о местных или пришлых истоках тех или иных морфологических типов в составе ранних скифов Алтая значительно осложняется недостатком соответствующих краниологических материалов эпохи бронзы. Вполне определенно можно говорить о местном происхождении монголоидного типа из могильника Тыткескень-VI. Данный монголоидный вариант отмечен на Алтае не только в неолите (Нижнетыткескенская-1 и Каминная пещеры), но и на черепах каракольской культуры, относящейся к началу II тыс. до н.э. /Чижишева Т.А., 1995, с.104-105/.

Согласно публикации В.А.Дремова два мужских черепа эпохи бронзы из плоского кургана в Онгуде (раскопки В.В.Радлова 1865 г.) морфологически сходны с черепами неолита и бронзы Центральной и Восточной Монголии, а также современных представителей североазиатских монголоидов. Близкие черты отмечены им и на двух синхронных черепах из могильника Нижний Тоботой II (мужской из ограды 2 и женский из ящика 2), раскопанных В.А.Посредниковым в 1977-78 гг. /Дремов, 1990, с.134-135/. Однако датировка этих безинвентарных погребений, по мнению А.А.Тишкина, недостаточно определена. Они могут относиться как к эпохе бронзы, так и к раннескифскому времени. В любом случае морфологические типы монголоидов из Машенки (к.1) и Чесноково (к.2, п.2) аналогий среди населения Алтая более раннего времени не имеют и представляют, судя по всему, пришельцев. Генетические истоки восточноазиатского типа (Машенка) следует связывать с территорией Китая (провинции Хенань, Ганьсу, Цинхай). Грацильные низколикие монголоиды (Чесноково) могли появиться с севера, из лесостепного Приобья. Следует однако иметь в виду, что они отмечаются и значительно западнее — в составе саков Восточного Казахстана и Алайской долины.

Участие потомков местных афанасьевцев в формировании антропологического состава раннескифского населения Алтая по имеющимся материалам сколько-нибудь отчетливо не выявляется.

Использованная литература

- Алексеев В.П. Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С.370-390.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. М., 1964.
- Беневоленская Ю.Д. Дифференциация народов Сибири и Дальнего Востока по некоторым краниологическим признакам // СЭ. №.2. 1981. С.68-77.
- Беневоленская Ю.Д. Расовая дифференциация на территории Азии (по строению лобного отдела) // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации народов Азии. М., 1987. С.39-50.
- Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск, 1993. 156 С.
- Гохман И.И. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // ВА. Вып.8. 1961. С.88-98.
- Дремов В.А. Древнее население лесостепного Приобья в эпоху бронзы и железа // СЭ. №.6. 1967. С.53-66.
- Дремов В.А. Материалы к антропологии большебереченской культуры // ИЛАИ. Вып.2. 1970. С.99-108.
- Дремов В.А. Антропология населения Верхнего Приобья в эпоху неолита и бронзы: Автореф. дис. ... кан.ист.наук. М., 1981. 24 С.
- Дремов В.А. Центрально-азиатские связи населения Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С.132-142.
- Ким А.Р., Чикишева Т.А. Погребение из Нижнетыткескенской пещеры-1 — первая доафанасьевская могила на территории Горного Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры 1. Барнаул, 1995. С.95-117.
- Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 — памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 125-206).
- Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балужева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск, 1989. 103 С.
- Рыкушина Г.В. Население Среднего Енисея в карасукскую эпоху (краниологический очерк) // Палеоантропология Сибири. Новосибирск, 1980. С.47-63.
- Тур С.С. Кочевники Кыргызстана сако-усуньского времени (по материалам палеоантропологического исследования). Автореф. дис. ... кан. ист. наук. Барнаул, 1997. 25 С.
- Чикишева Т.А. Некоторые новые палеоантропологические материалы эпохи неолита и ранних этапов эпохи бронзы с территории Сибири // III годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995 г. Новосибирск, 1995. С.103-106.
- Пань Цыфен, Хань Каньсинь. Исследование костных останков людей из могильника Лювань (провинция Цинхай). Ксерокопия данной статьи была любезно предоставлена Н.П.Мамоновой, перевод с китайского выполнен Г.П.Супруненко, за что, пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность. К сожалению, на ксерокопии отсутствовали сведения, касающиеся даты выхода в печать и названия того периодического издания, в который включена статья Пань Цыфена и Хань Каньсиня.

Таблица 1. Индивидуальные измерения черепов из раннескифских погребений Алтая

Могильник курган (погребение)	Тыткеев- хенз-Уу к. 26	Кор-Коба-1		Мален- ка-1 к. 1	Чеснокозов-1, к. 2		
		к. 8	к. 1. п. 1		п. 1	п. 2	п. 3
пол, возраст	м., ad.	м., mat.	ж., ad.	ж., ad.	м., ad.	ж., ad.	ж., ad.
1	2	3	4	5	6	7	8
Размеры:							
1. Продольный диаметр	174	193	172	167	174	169	180
8. Поперечный диаметр	140	128?	140	128	140?	142	143
17. Высотный диаметр ba-br	133	136?	129	122	-	113	131
20. Высотный диаметр po-br	113	-	117	110	107?	103	117
5. Длина основания черепа	98	110?	95	97	-	93	101
9. Наименьшая ширина лба	92	94?	97	92	94,7	89,6	97,3
Высота поперечного изгиба лба	16,3	16,3	13,9	15,6	20,0	16,1	20,2
10. Наибольшая ширина лба	117	111?	120	112	115	115	121
11. Ширина основания черепа	125	120	124	114	131?	123	127
12. Ширина сатылка	108	112	105	103	108?	104	106
29. Лобная хорда	113	112	105	97,3	103,6	101,4	110,0
Sub.N. Высота продольного изгиба лба	27,5	-	25,7	19,0	21,1	25,2	26,4
20. Теменная хорда	103	114	117	99,5	99,5	96,9	113,2
31. Сатылочная хорда	93	95	83	90,7	-	89,7	99,0
23a. Горизонтальная окружность черепа ofrion	500	-	500	458	499	491	515
24. Поперечная дуга po-br-po	320	-	314	-	295	293	315
25. Сакральная дуга	353	271	365	323	-	331	370
26. Лобная дуга	129	126	122	103	113	116	125

Таблица 1 (продолжение)

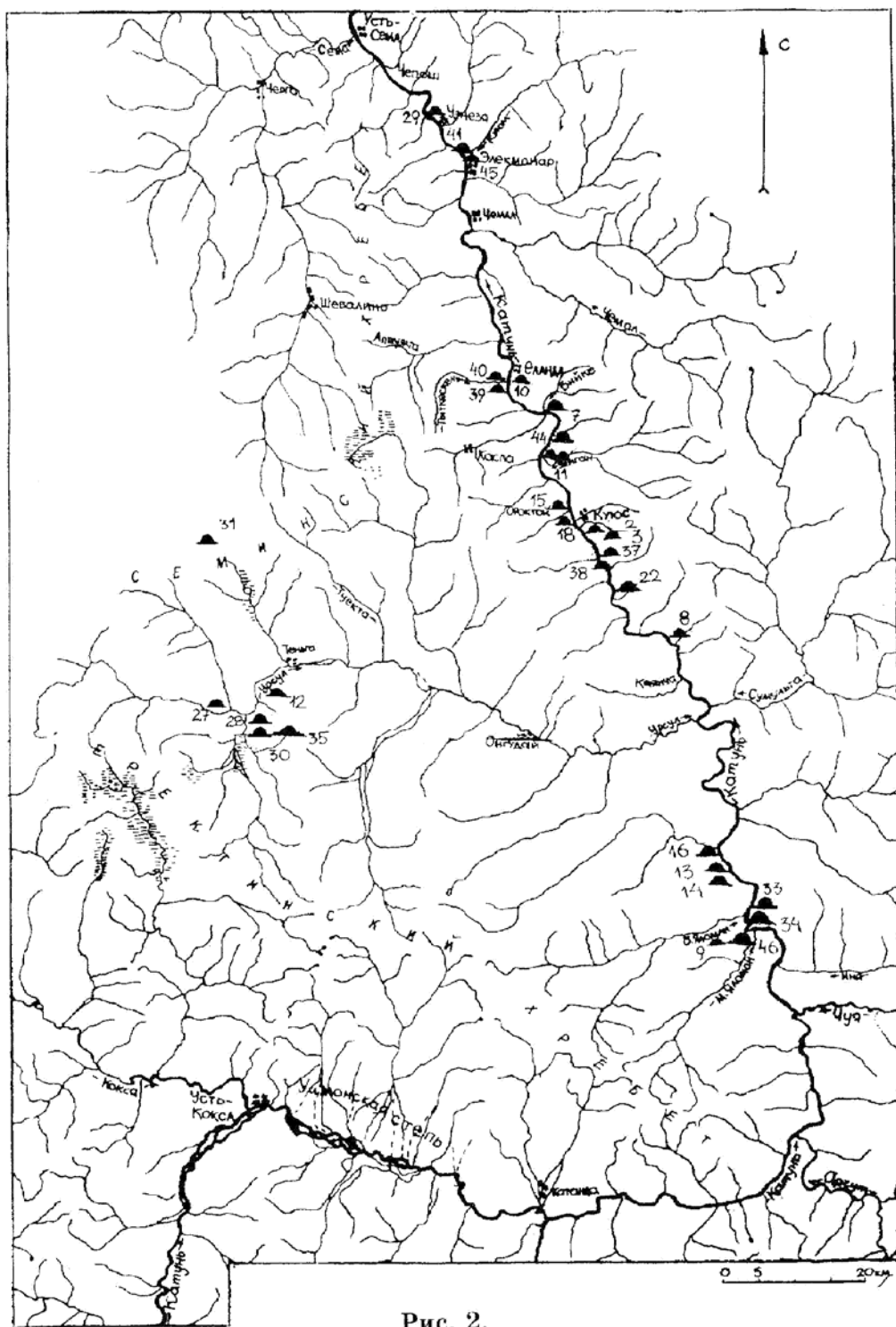
1	2	3	4	5	6	7	8
27. Теменная дуга	114	124	130	107	110	108	125
28. Затылочная дуга	110	121	112	108	-	107	120
7. Длина гатылочного отверстия	38,5	-	32,3	35,4	-	32,7	32,8
16. Ширина гатылочного отверстия	31,9	-	27,5	27,1	-	26,7	28,2
45. Окуловый диаметр	137	-	132,7	123	-	128,7	137
40. Длина основания лица	94	-	90,7	104	-	94	101,7
42. Верхняя высота лица	71	-	70,7	79,1	68	59	63,7
47. Полная высота лица	119	-	-	126	110	95	-
43. Верхняя ширина лица	109	110	106	104	109,7	104	109
46. Средняя ширина лица	107	-	-	99	-	98	95
60. Длина альвеолярной дуги	49	-	-	58	54,2	50,3	53,7
51. Ширина альвеолярной дуги	67	-	-	61	55	62	62
62. Длина неба	41,0	-	-	51	44,7	44,5	47,0
63. Ширина неба	48,0	-	-	40	40,8	40,9	48,7
55. Высота носа	50,0	-	-	40	47,6	45,3	47,5
54. Ширина носа	25,0	-	52,3	55	48,5	23,3	25,5
51. Ширина орбиты от mf	43,4	-	27,5	24,0	44,2п.	40,3	44,5
52. Ширина орбиты от d	40,9	-	41,3п.	42,0	-	38,5	41,4
51a. Ширина орбиты	32,6	-	38,9п.	38,1	29,7п.	32,7	31,4
52. Вималарная ширина	98,6	99,3	100,1	97,3	102,0,7	95,6	100,3
48(1). Высота лезия над fmo-fmo	12,1	14,9	17,7	14,9	19,1,7	13,6	17,0
Высота maxillary ширина	102,0	-	-	97,4	-	94,0	99,9
Высота subnasale n/zm'-zm'	15,1	-	-	23,1	-	13,4	12,8
30. Симметрическая ширина	3,0	-	9,0	8,1	9,7,8	8,2	4,0
55. Симметрическая высота	18,0	-	4,3	3,8	4,4	20,1	17,7
MS. Максиллофронтальная ширина	16,9	-	22,1	18,0	18,9	4,0	19,3
MS. Максиллофронтальная высота	19,5	-	24,5	24,8	19,9	20,8	19,3
DC. Дакриальная ширина	19,3	-	11,0	11,1	-	7,7	12,6
DS. Дакриальная высота	19,3	-	11,0	11,1	-	7,7	12,6

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8
40:5. Выступания лица	95,9	-	94,7?	107,2	-	101,1	100,0?
48:45. Верхний лицевой	51,8	-	53,0??	83,4	-	46,1?	46,0?
47:45. Полный лицевой	26,9	-	-	102,4	-	74,2	-
45:3. Поперечный фациоцеребральный	97,9	-	94,3??	96,1	-	90,1?	95,8
43:17. Вертикальный фациоцеребральный	53,4	-	54,3?	33,8	-	52,2	49,1?
54:55. Носовой	50,0	-	52,6	43,6	63,5	51,2	53,5
52:51. Орбитный (mf)	72,7	-	32,6п.	89,4	67,2п	63,2	70,6
52:51a. Орбитный (d)	78,3	-	37,7п.	103,0	-	71,4	75,7
SS:SC. Синотический	42,8	-	47,8	42,0	55,2	26,2	27,5
MS:MC. Максиллофронтальный	32,3	-	28,1	31,9	48,4	19,9	45,3
DS:DC. Дакриальный	50,3	-	44,9	44,8	-	33,7	55,3
Иагиба скуловой кости	22,2	-	17,5п.	26,2	20,4	-	20,6
Углы:							
77. Навомалярный	152,9	146,6	141,0	147,2	139,0?	149,3	142,6
/ Zm. Эпимаксилярный	145,6	-	-	128,9	-	149,1	138,4
Поперечного изгиба лба	141,0	141,8	137,4	142,6	124,2	140,4	134,8
32. Профиля лба от n	37	-	30	76	78	86	88
SM/PN. Профиля лба от gl	79	-	87	70	72	90	84
32(1). Верхней части затылка	91	-	88	90	-	99	97
32(2). Нижней части затылка	34	-	26	37	-	35	32
32(4). Перегиба затылка	125	-	114	117	-	124	119
34. Затылочного отверстия	-6	-	-	-3	-	-10	-14
72. Общий лицевой	87	-	89?	79	79?	83	95?
73. Средний лицевой	90	-	94	85	91?	95	90
74. Альвеолярной части лица	78	-	-	59	76?	56	69?
75. Наклона носовых костей	59	-	65	66	32	78	60

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8
75(1). Выступания носа	28	-	24?	13	48?	10	25
79. Ветви нижней челюсти	116	114	134п.	143	112	122	121
С'. Выступания подбородка	74	-	-	65	77	81	-
Описательные признаки:	сфер.	элл.	сфер.	элл.	офен.	офен.	офен.
Форма черепа сверху	3	3	2	2	5	2	2
Надпереносье (1-5)	2	3	2	2	3	1	2
Надбровные дуги (1-3)							
Наружный затылочный бугор (0-5)	3	3	1	1	3	1	3
Сосцевидные отростки (1-3)	2	-	3	1	2	1	3
Нижний край грушевидного отверстия	ant.	-	ant.	ant.	an./f.pr.f.pr.	f.pr.	f.pr.
Передне-носовая ось (1-5)	3	-	-	3	5	1	3

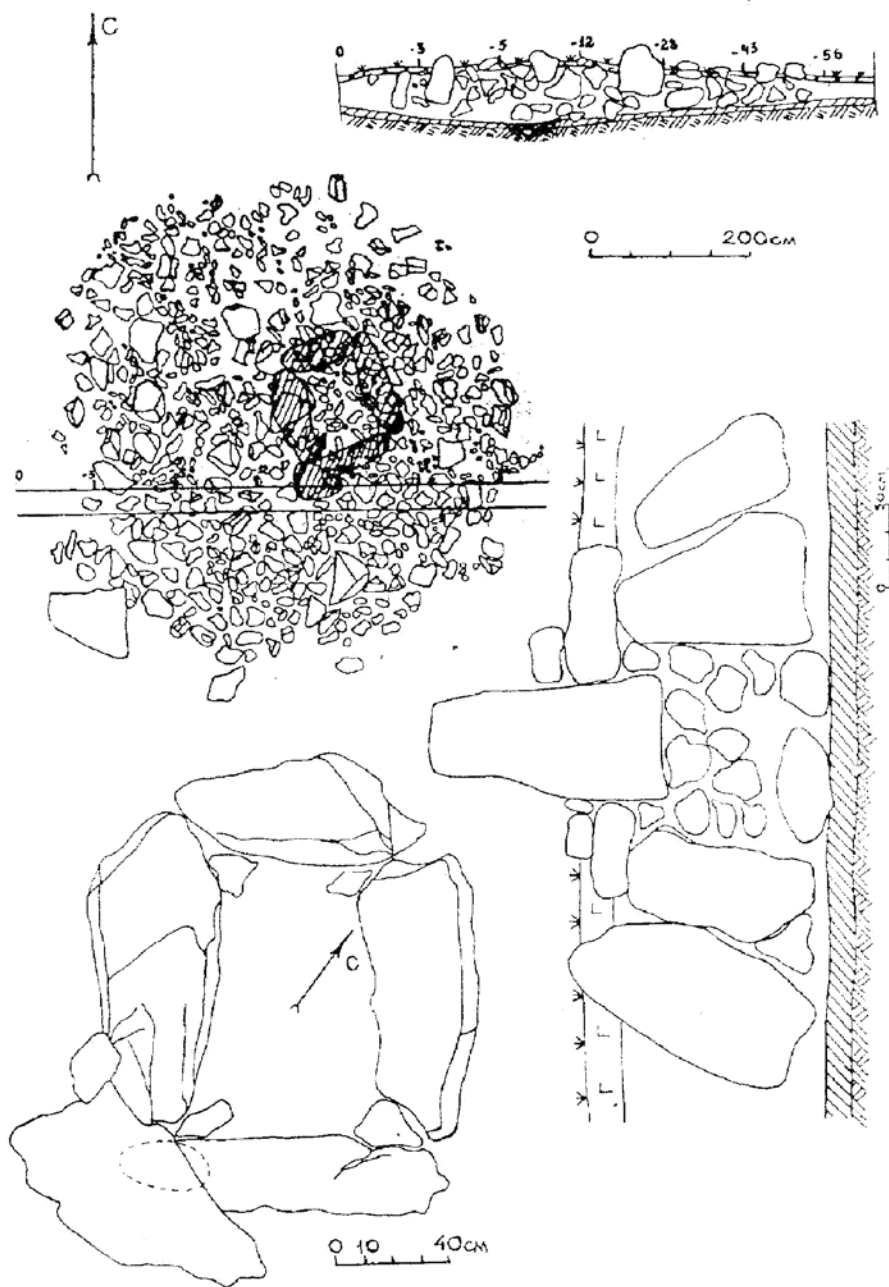

Рис. 3.

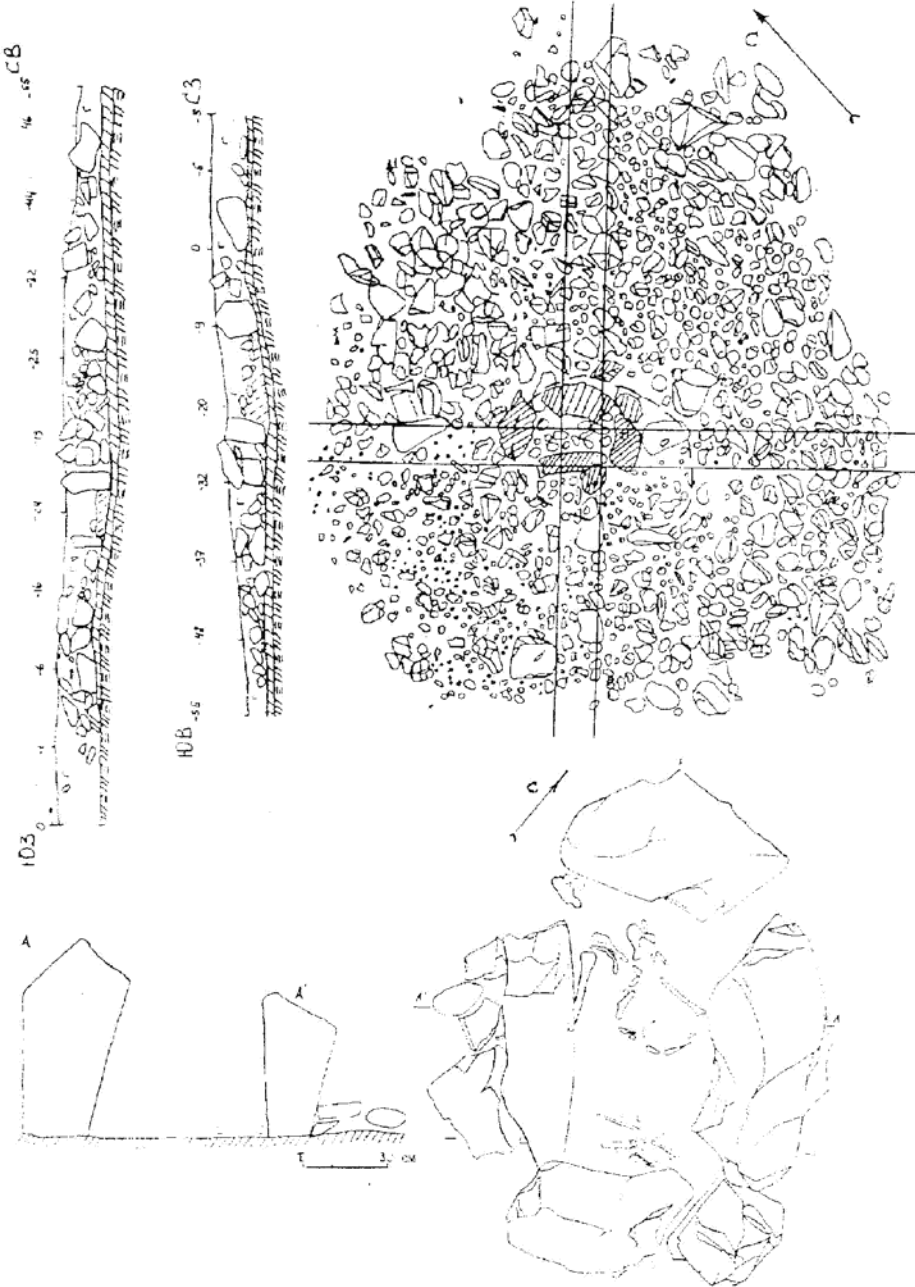

Рис. 4.

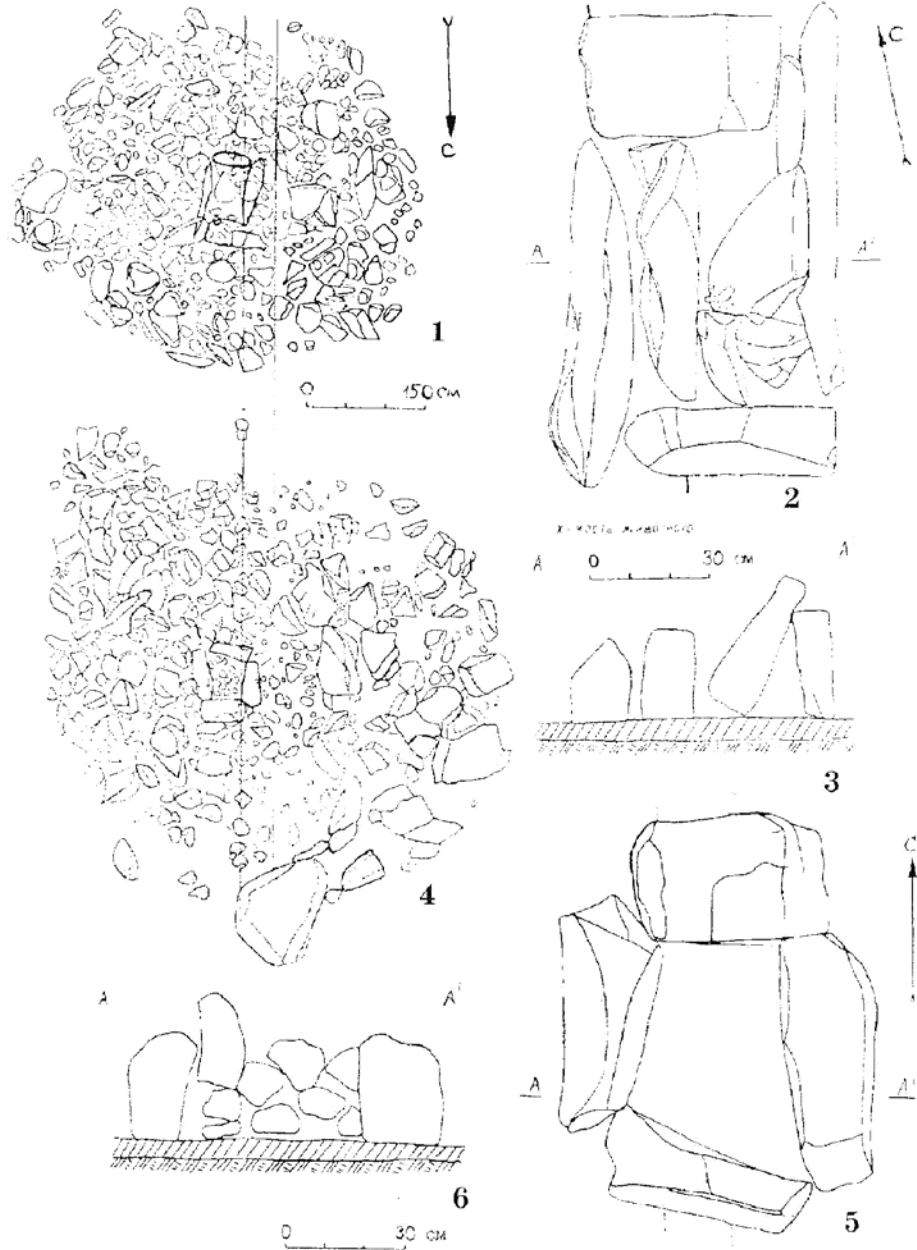

Рис. 5.

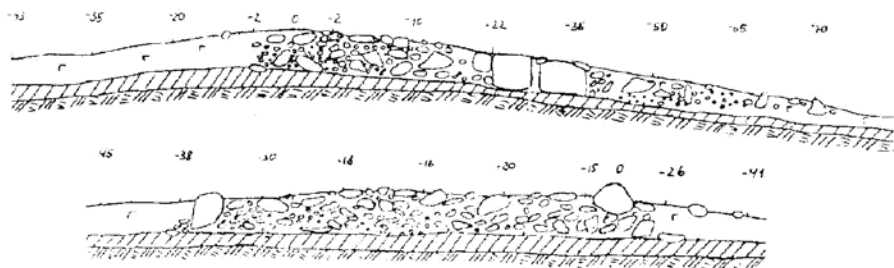

Рис. 6.

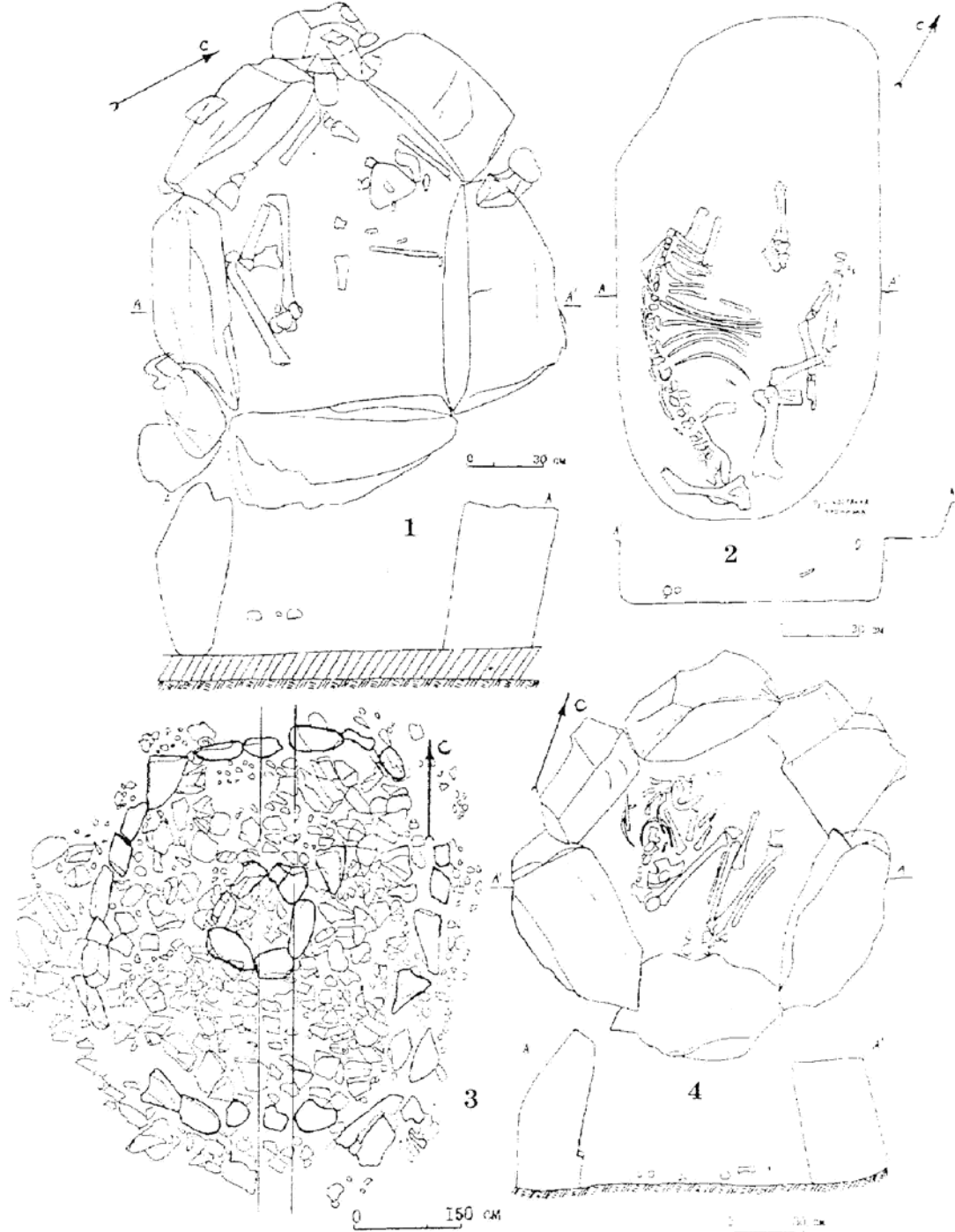

Рис. 7.

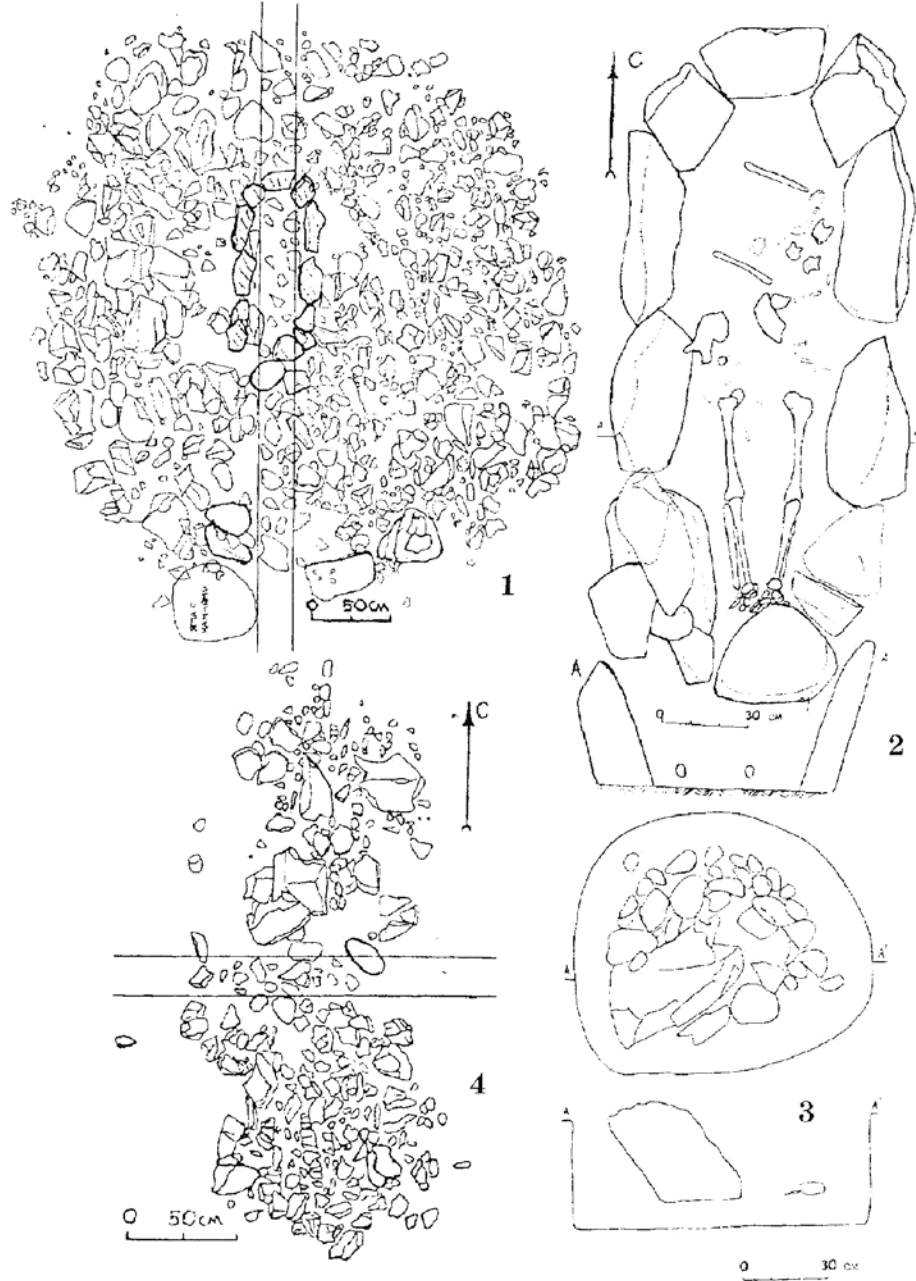

Рис. 8.

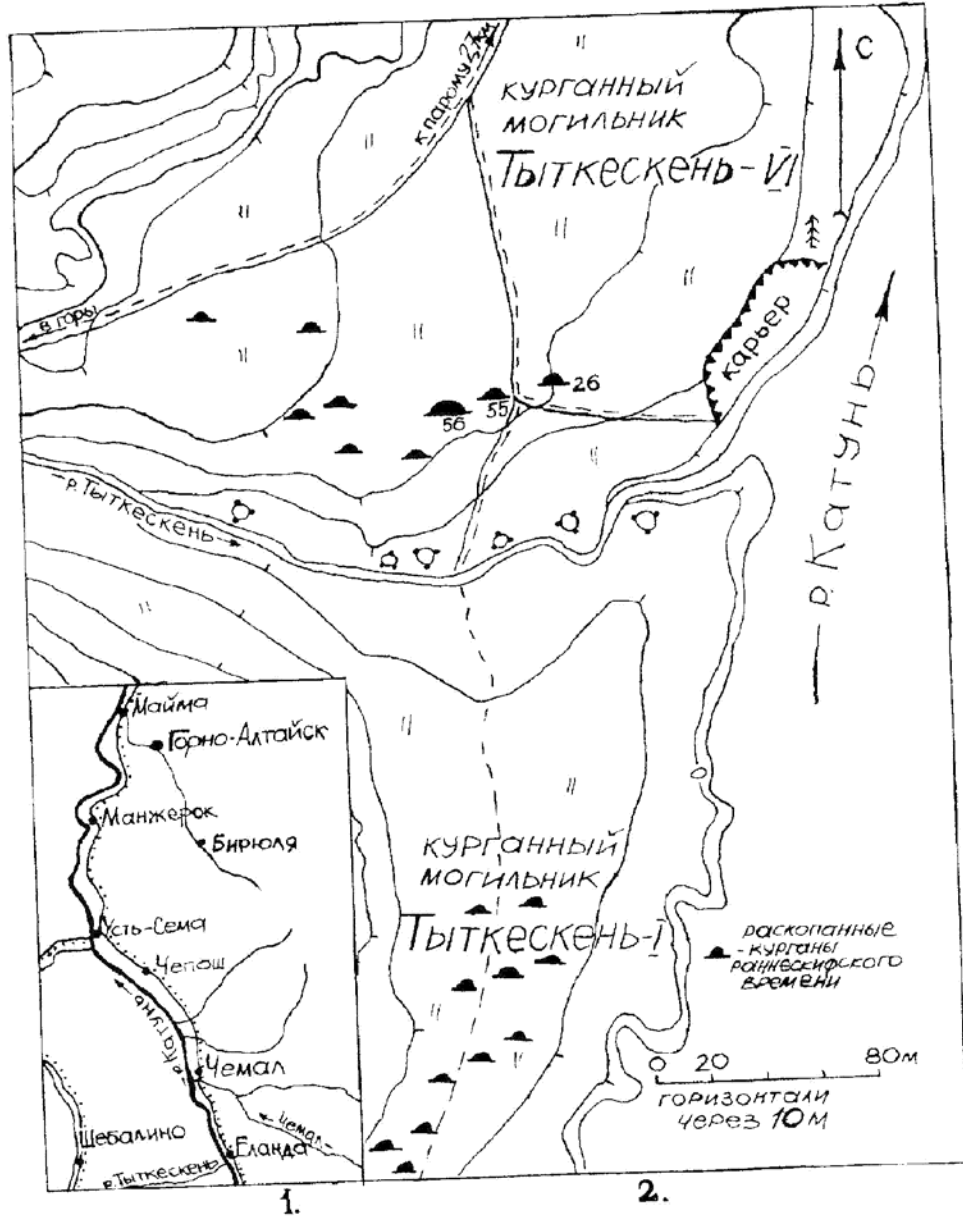

Рис. 9.

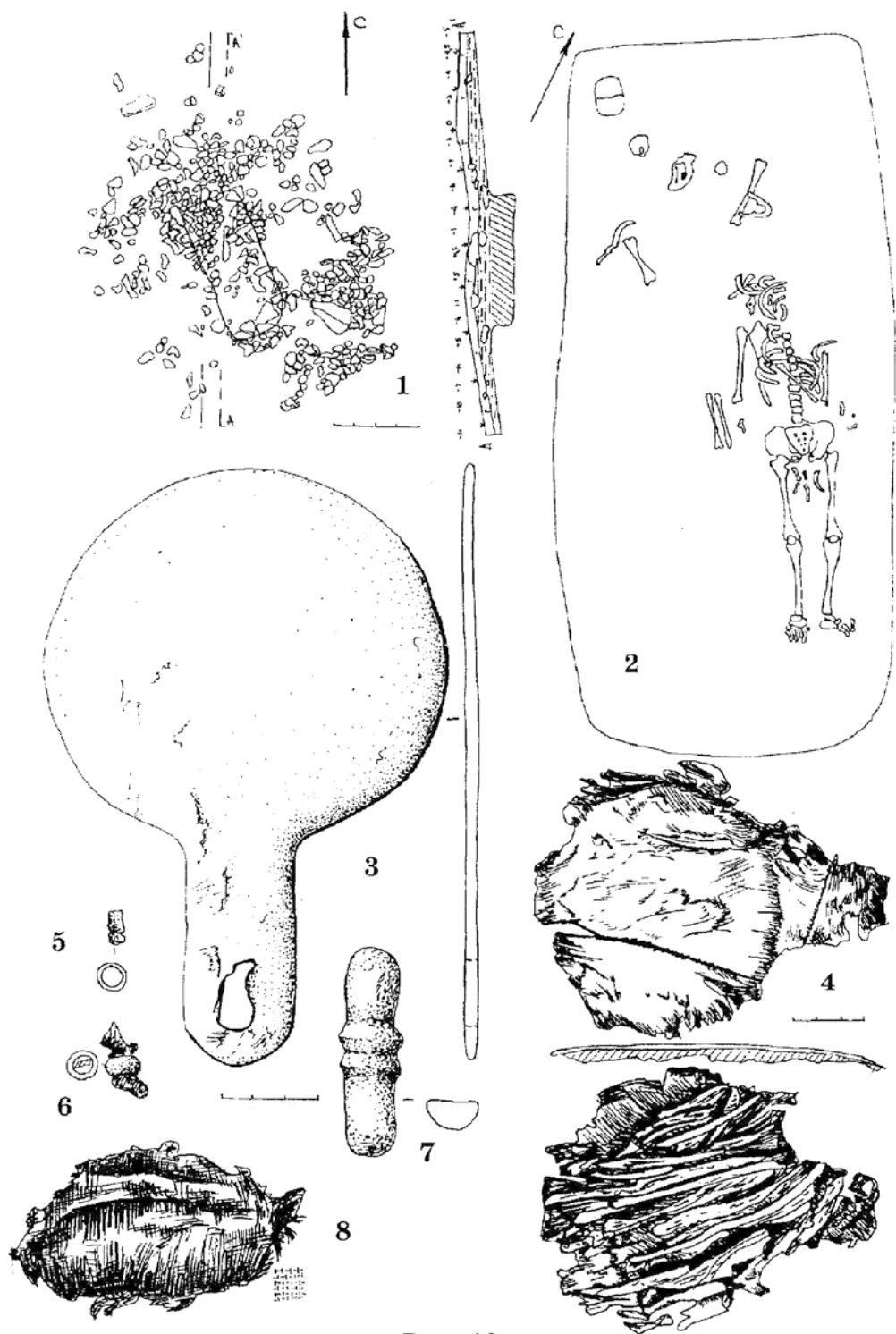
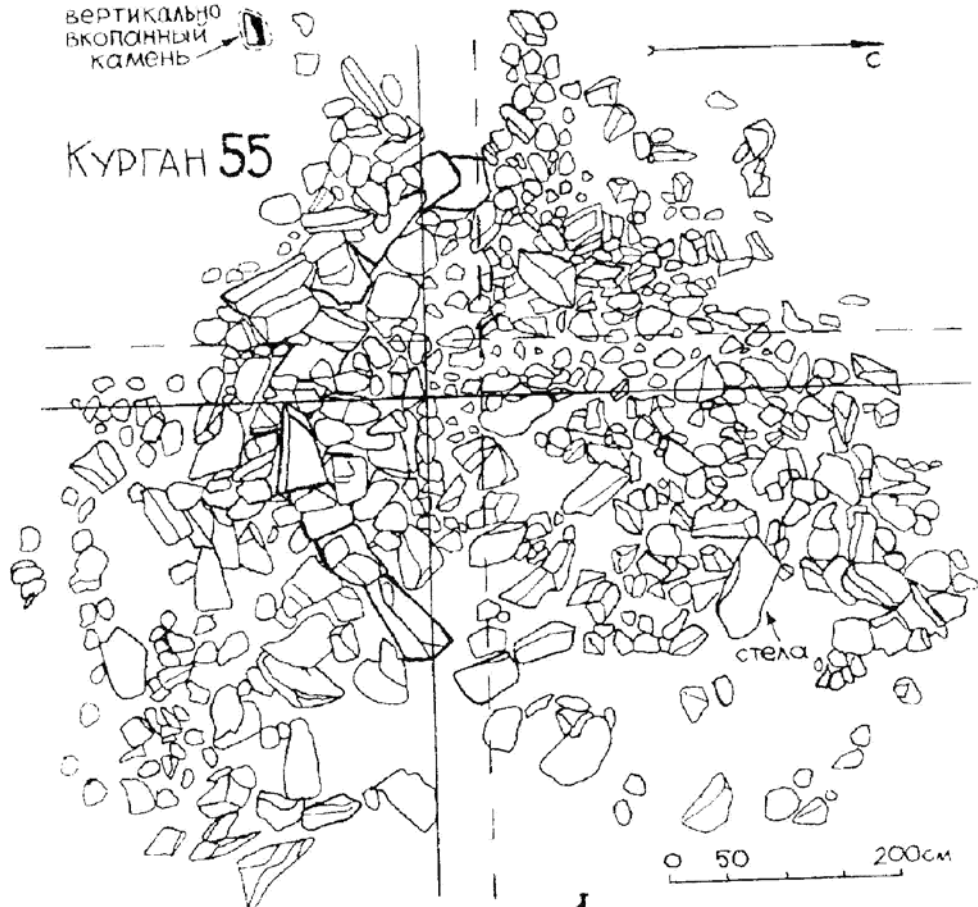

Рис. 10.

вертикально
вкопанный
камень

КУРГАН 55

1.

КУРГАН 56. Фрагмент разреза кольцевой выкладки

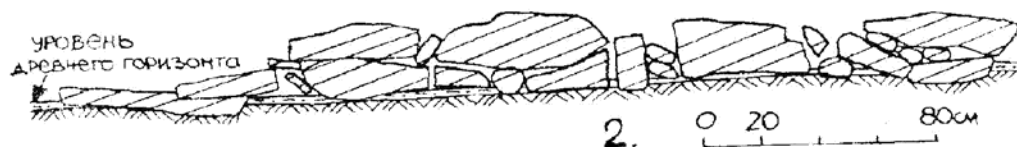

Рис. 11.

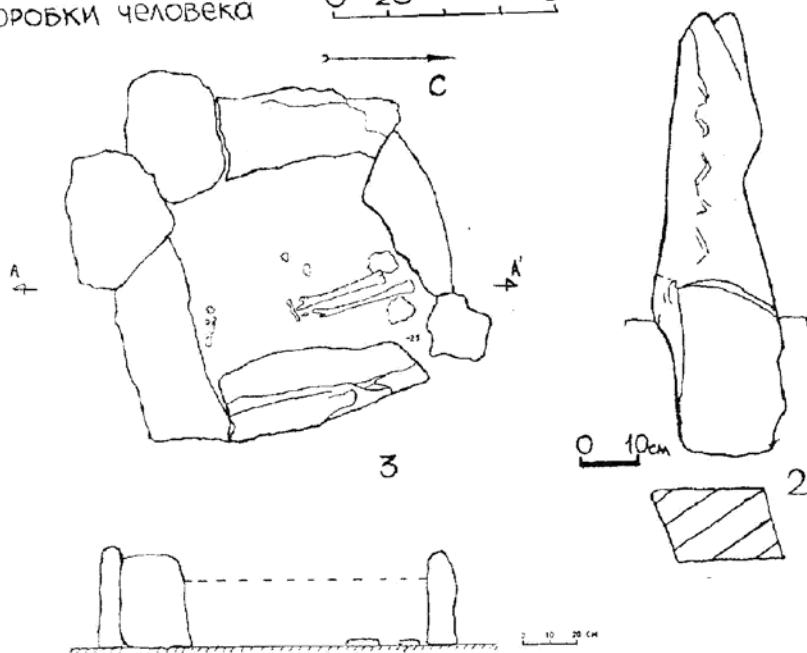
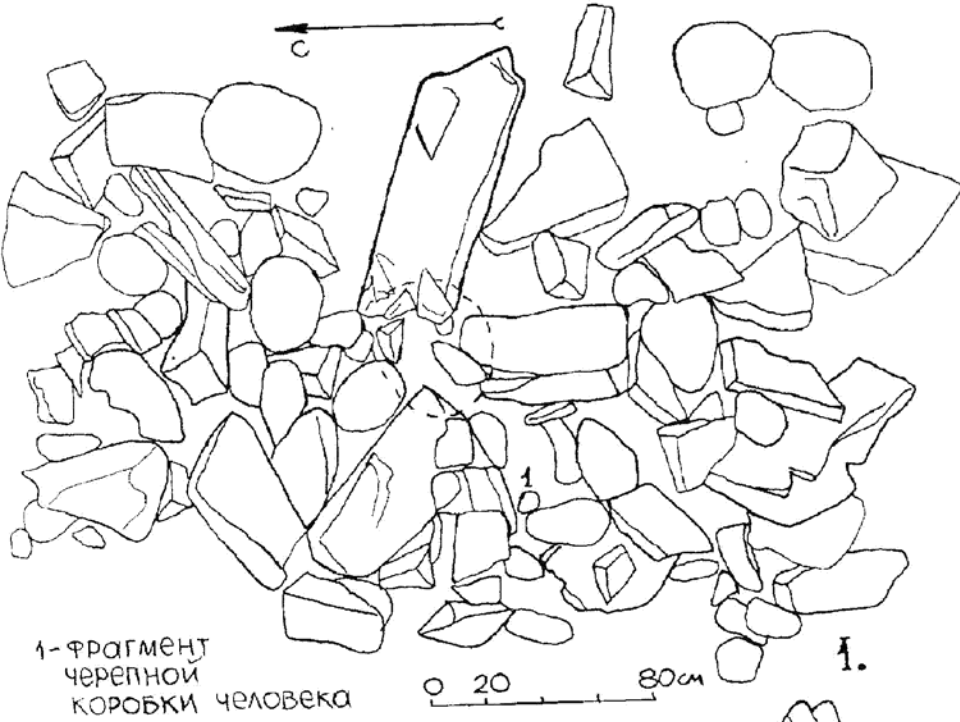

Рис. 12.

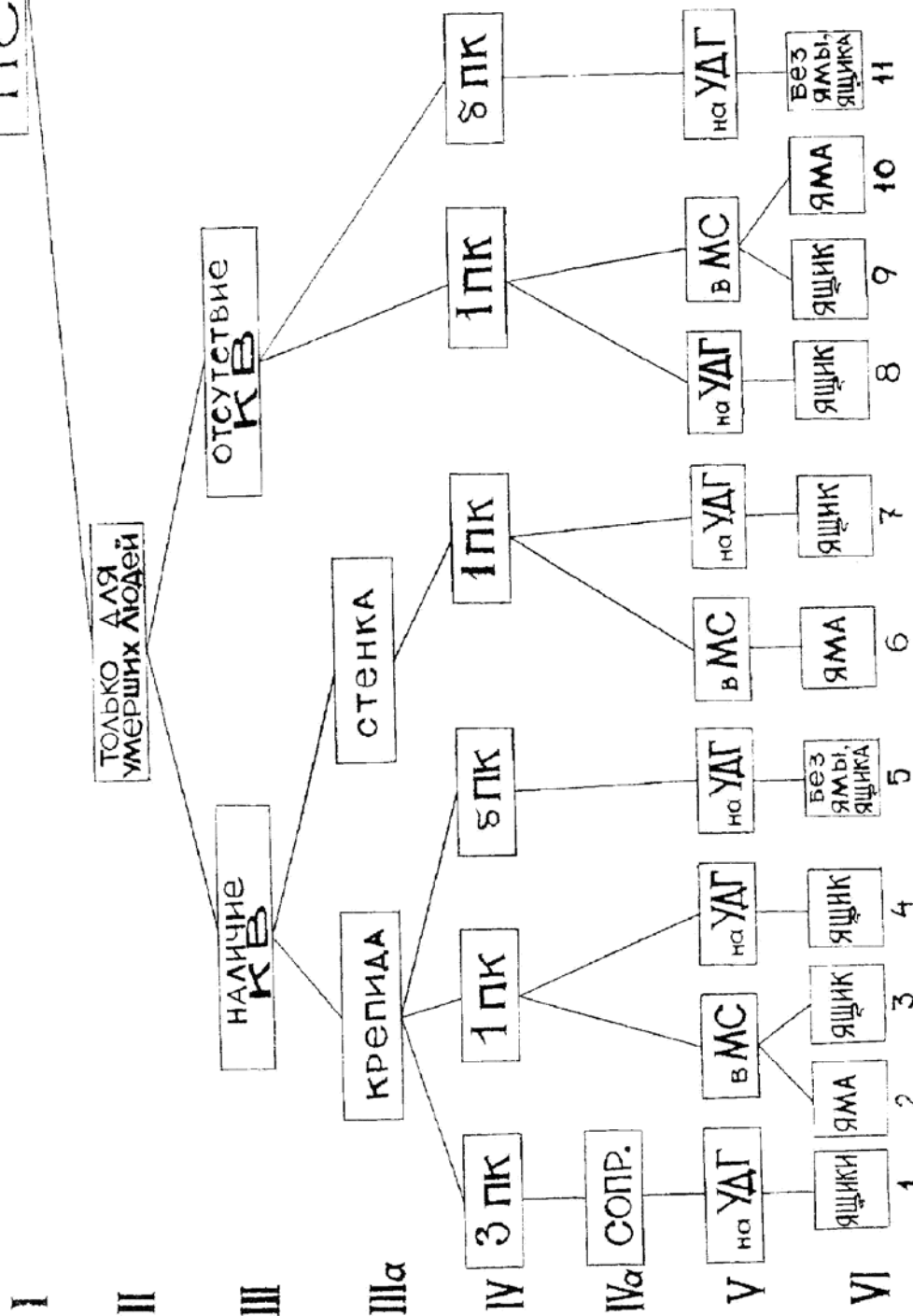

Рис. 13.

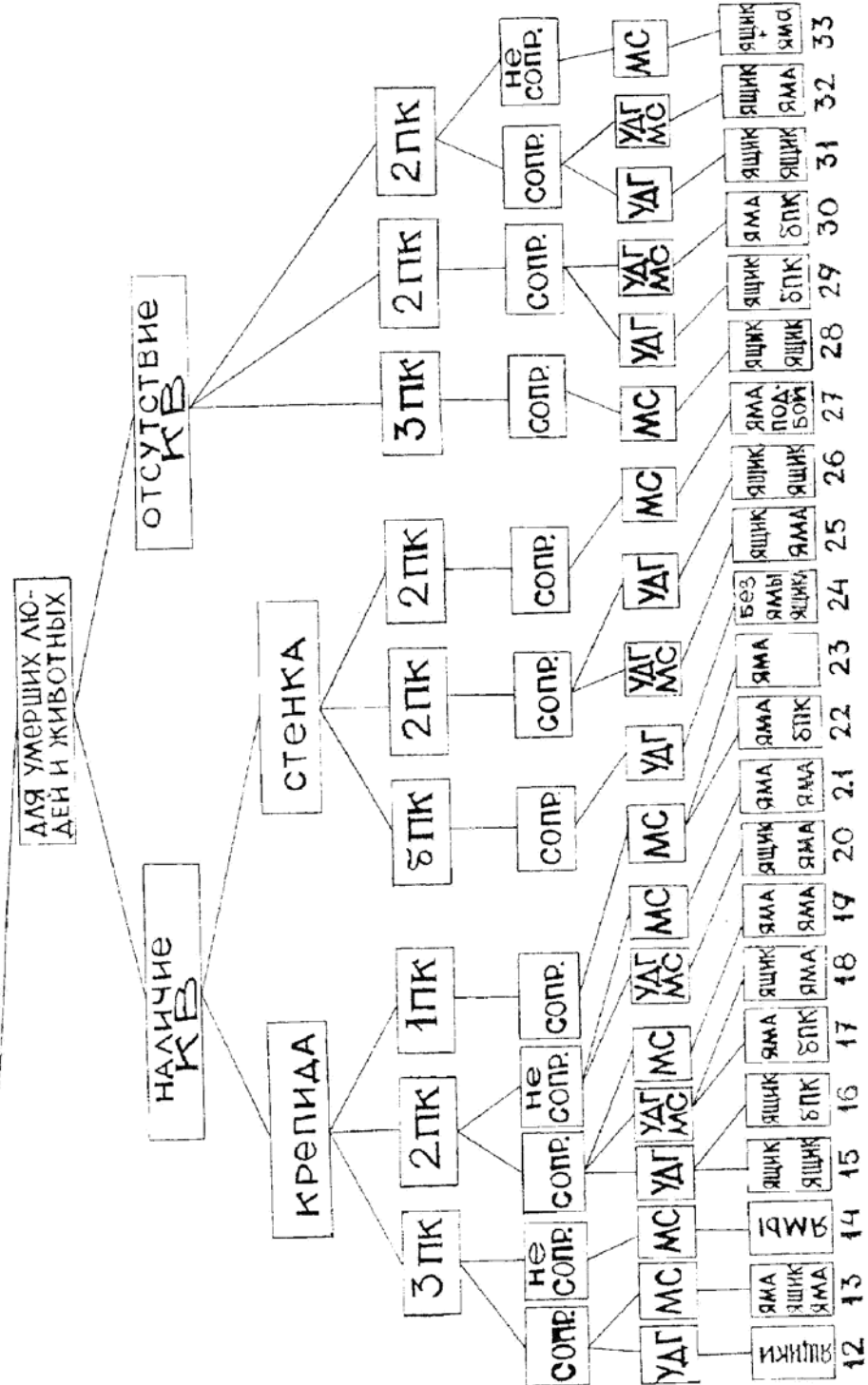

Рис. 14.

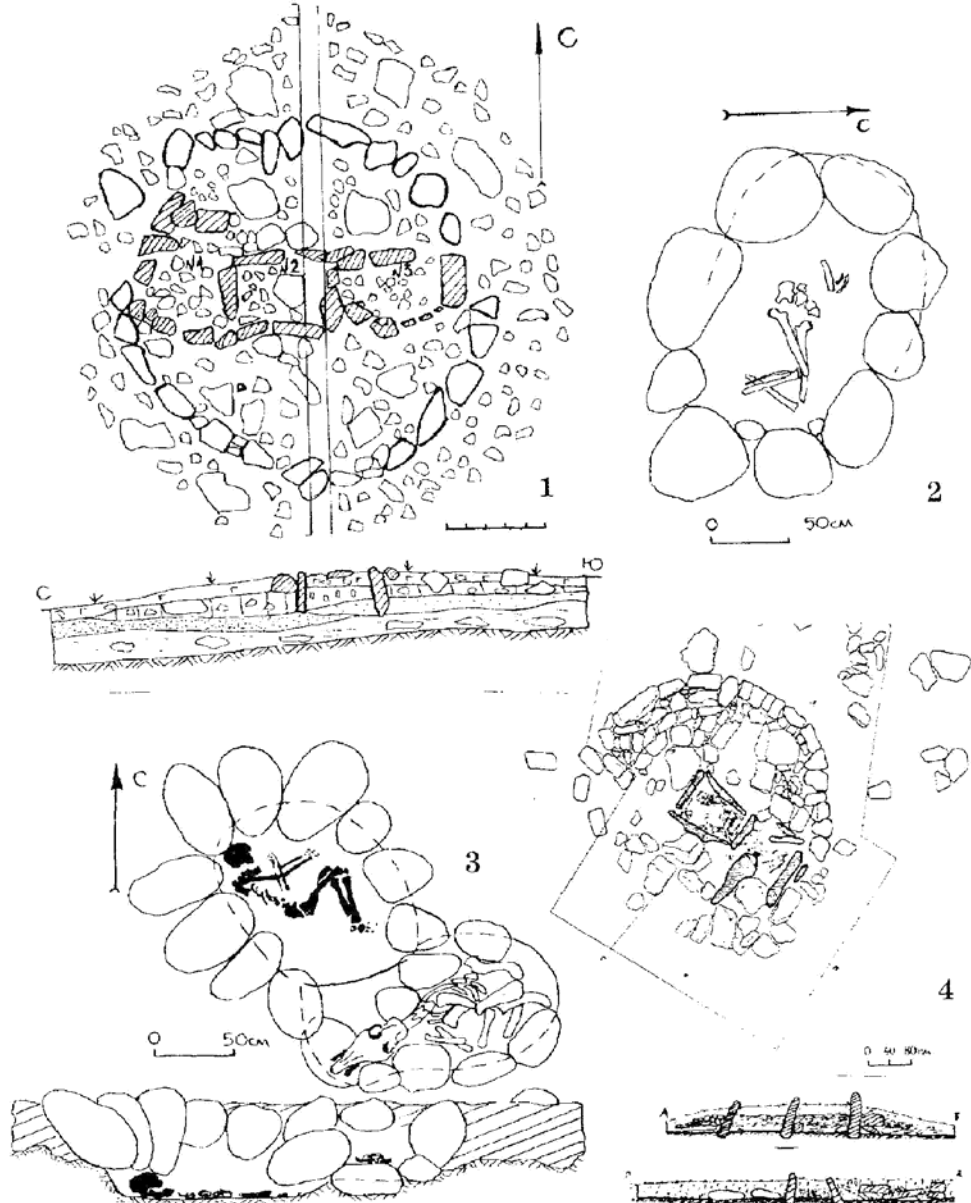

Рис. 15.

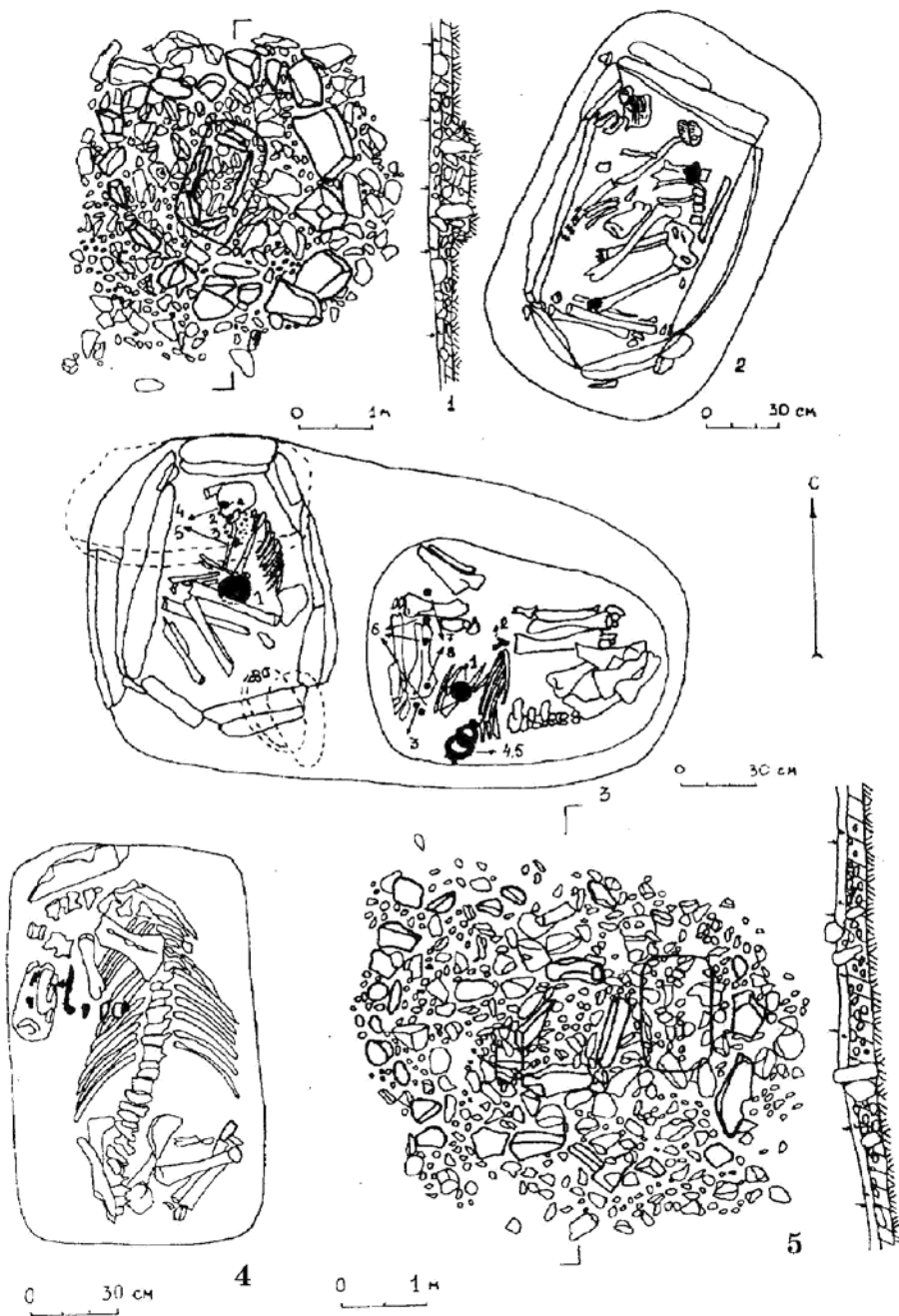

Рис. 16.

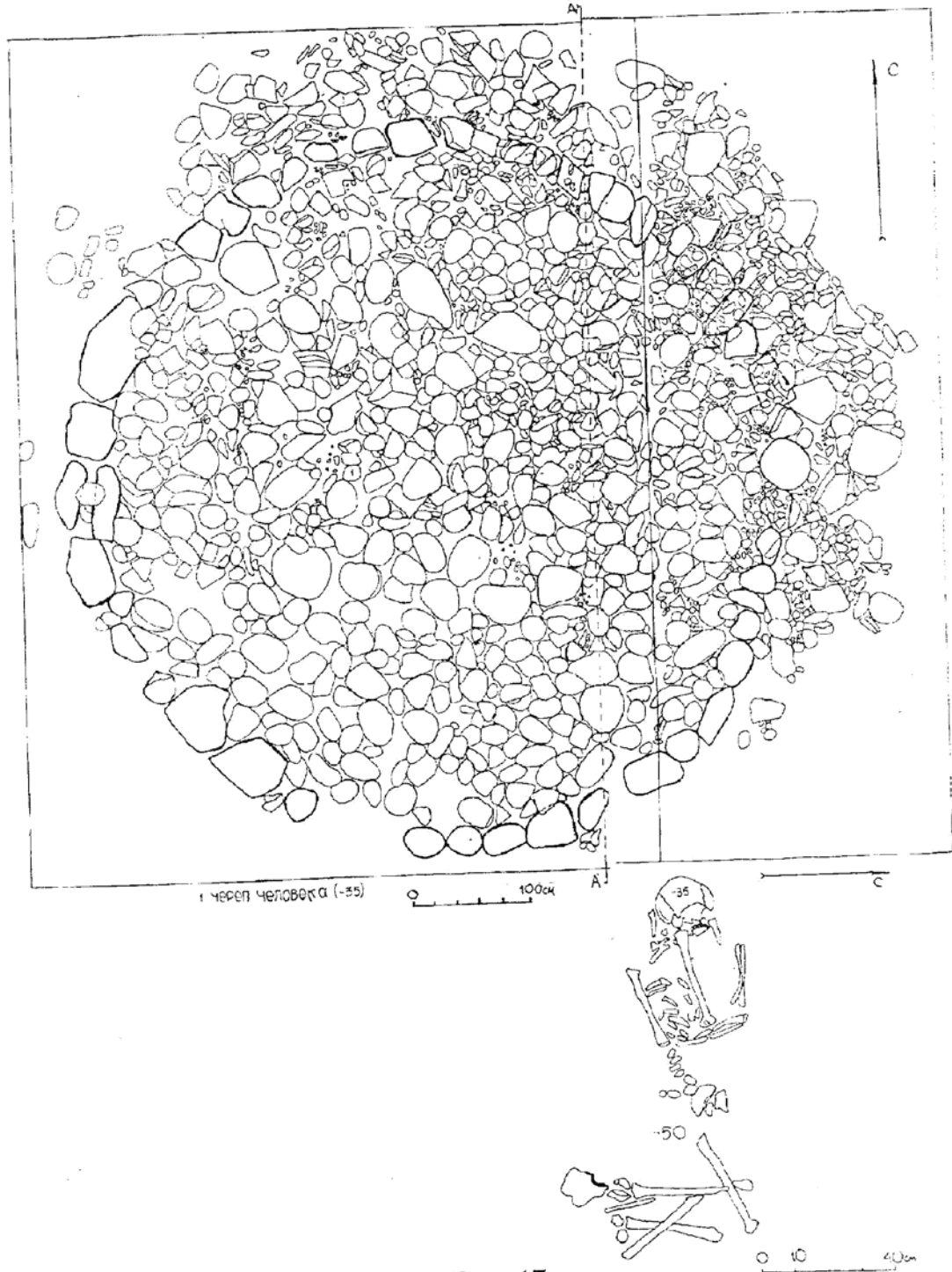

Рис. 17.

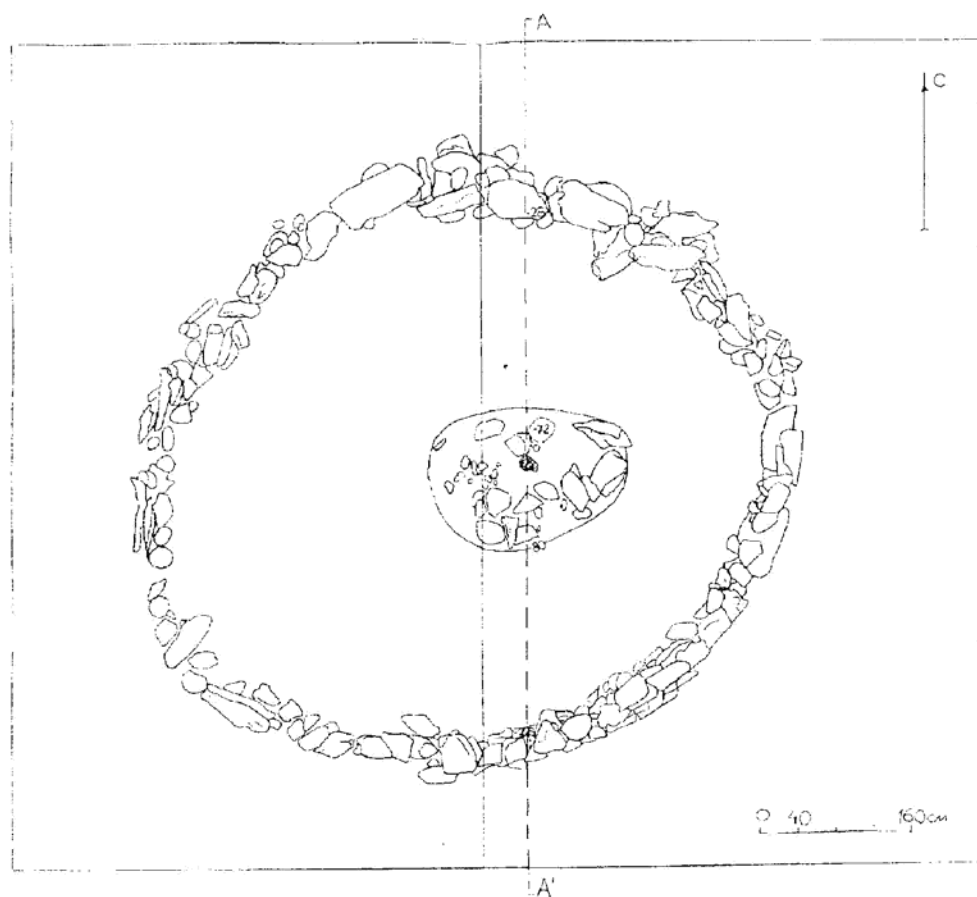
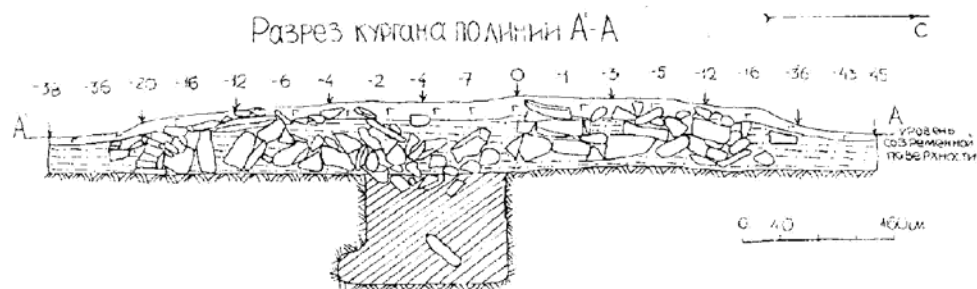
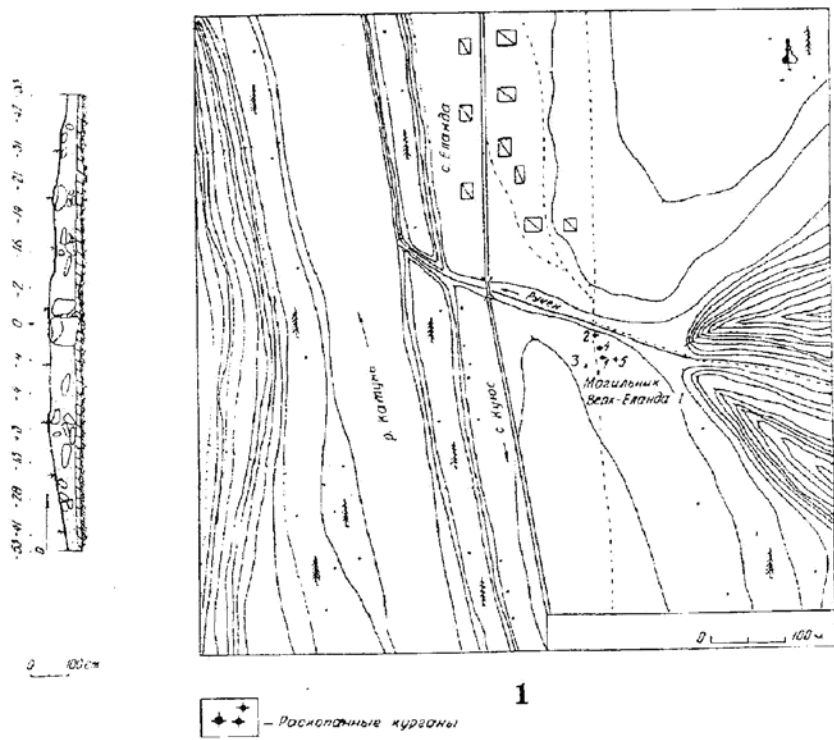
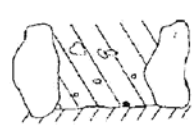
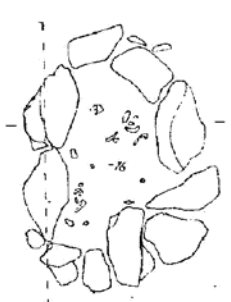
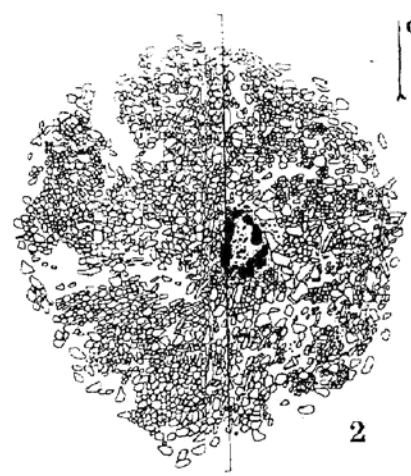

Рис. 18.

✦ ✦ — Раскопанные курганы

0 20 м

Рис. 19.

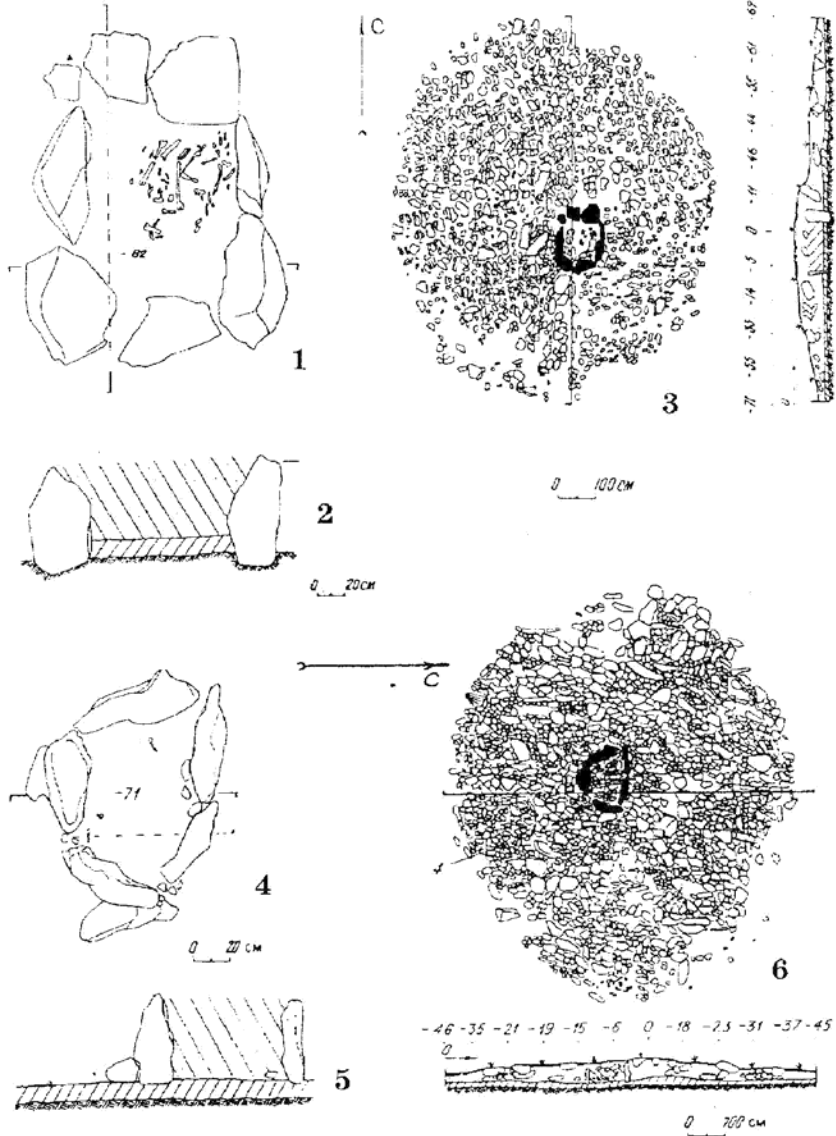

Рис. 20.

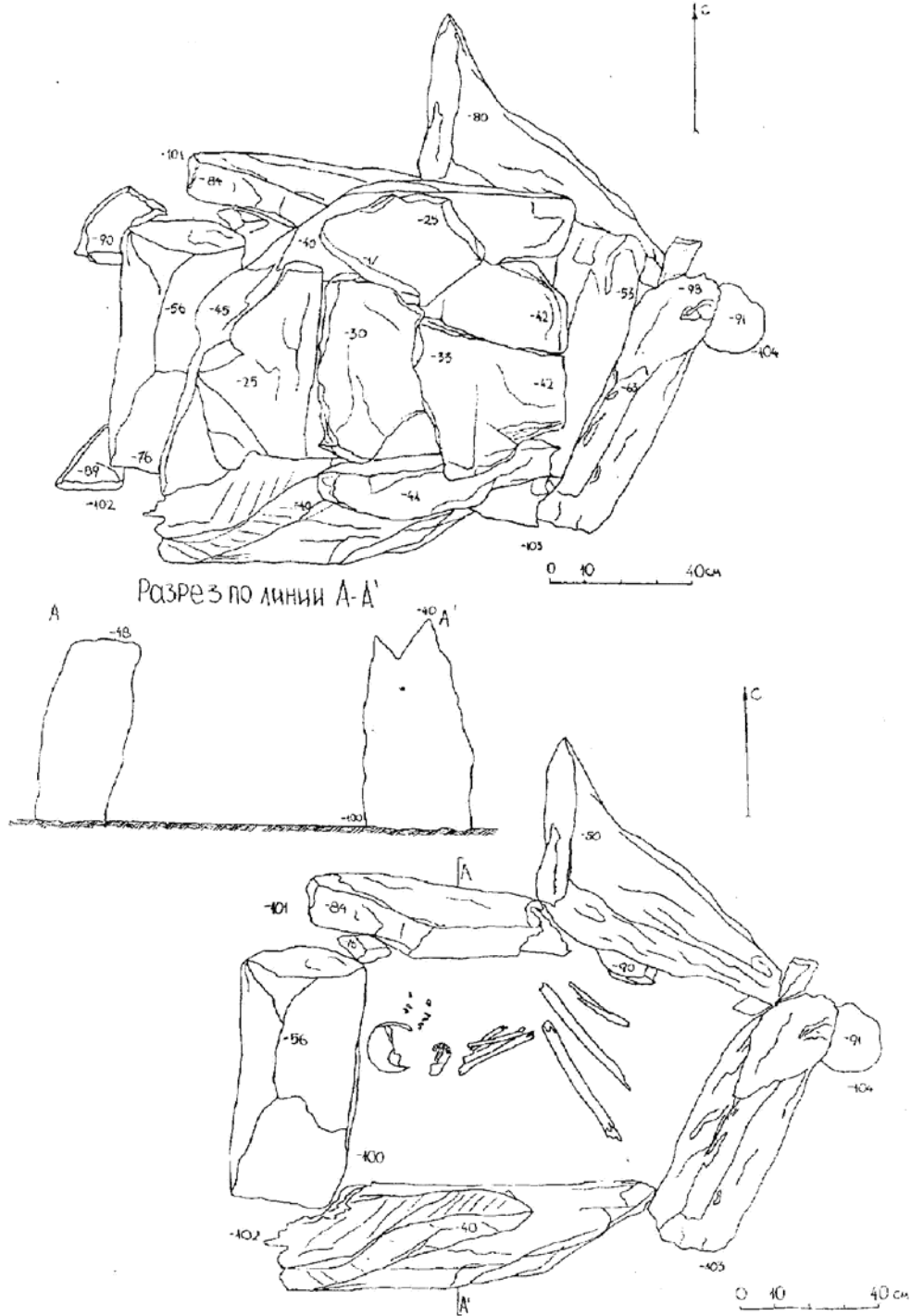
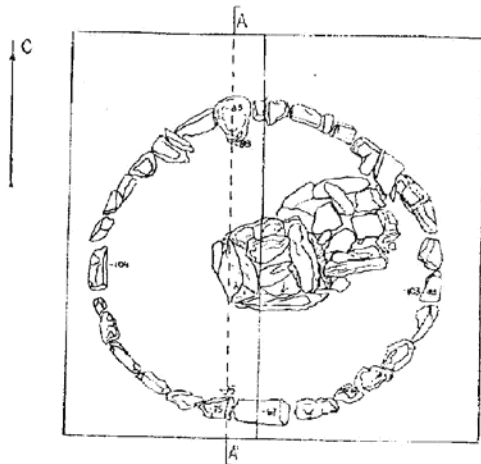

Рис. 21.

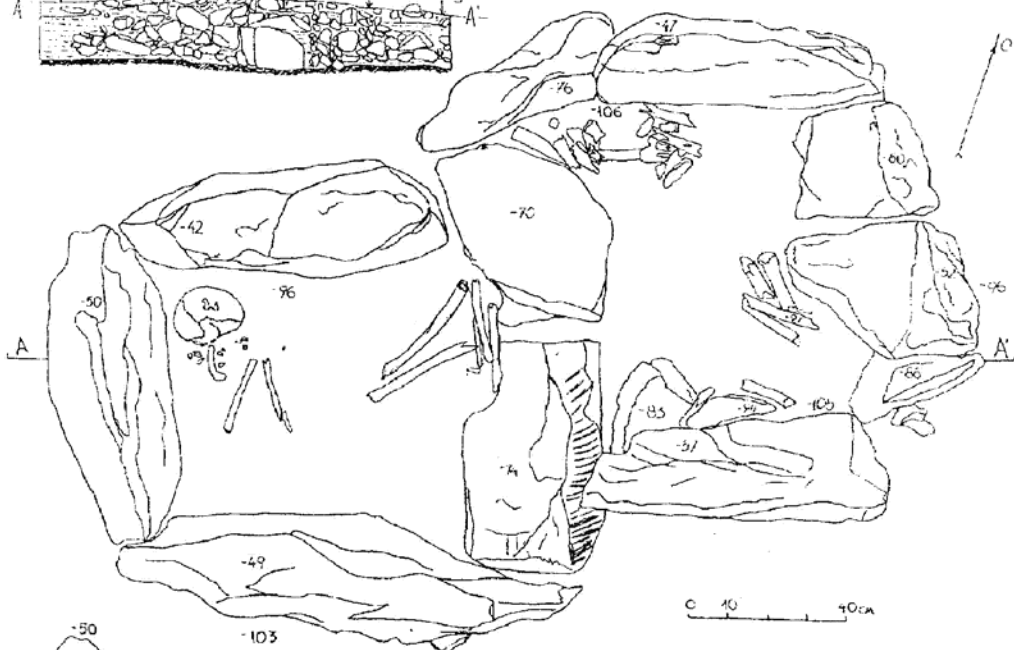

↑ КОСТЬ ЖИВ. (-24)

Разрез по А-А'

0 50 200 cm

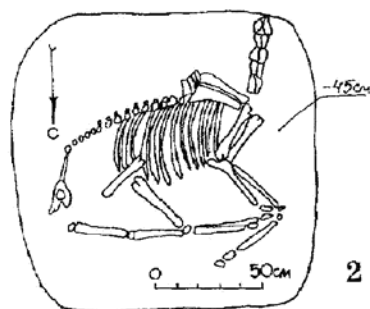
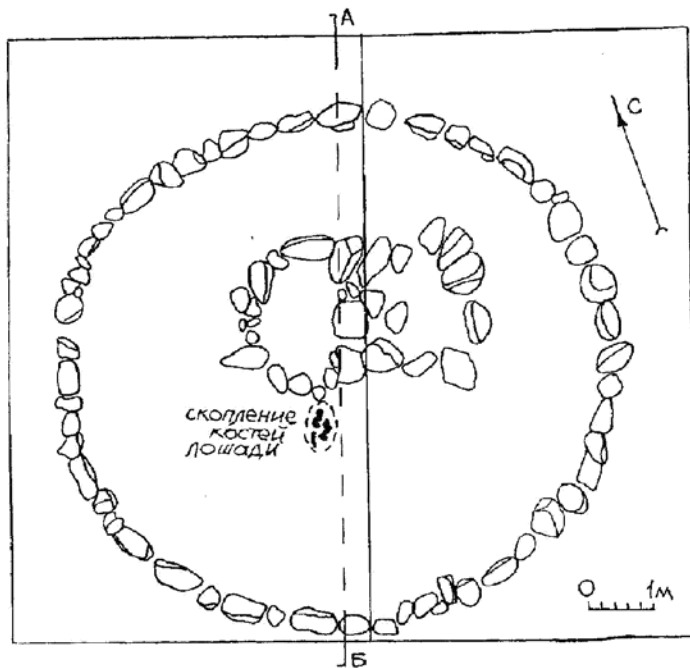
Разрез по линии А-А'

0 10 40 cm

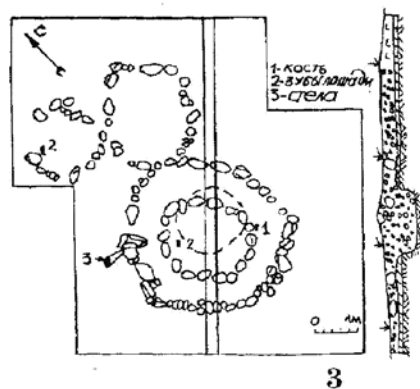
Рис. 22.

1

2

3

Рис. 23.

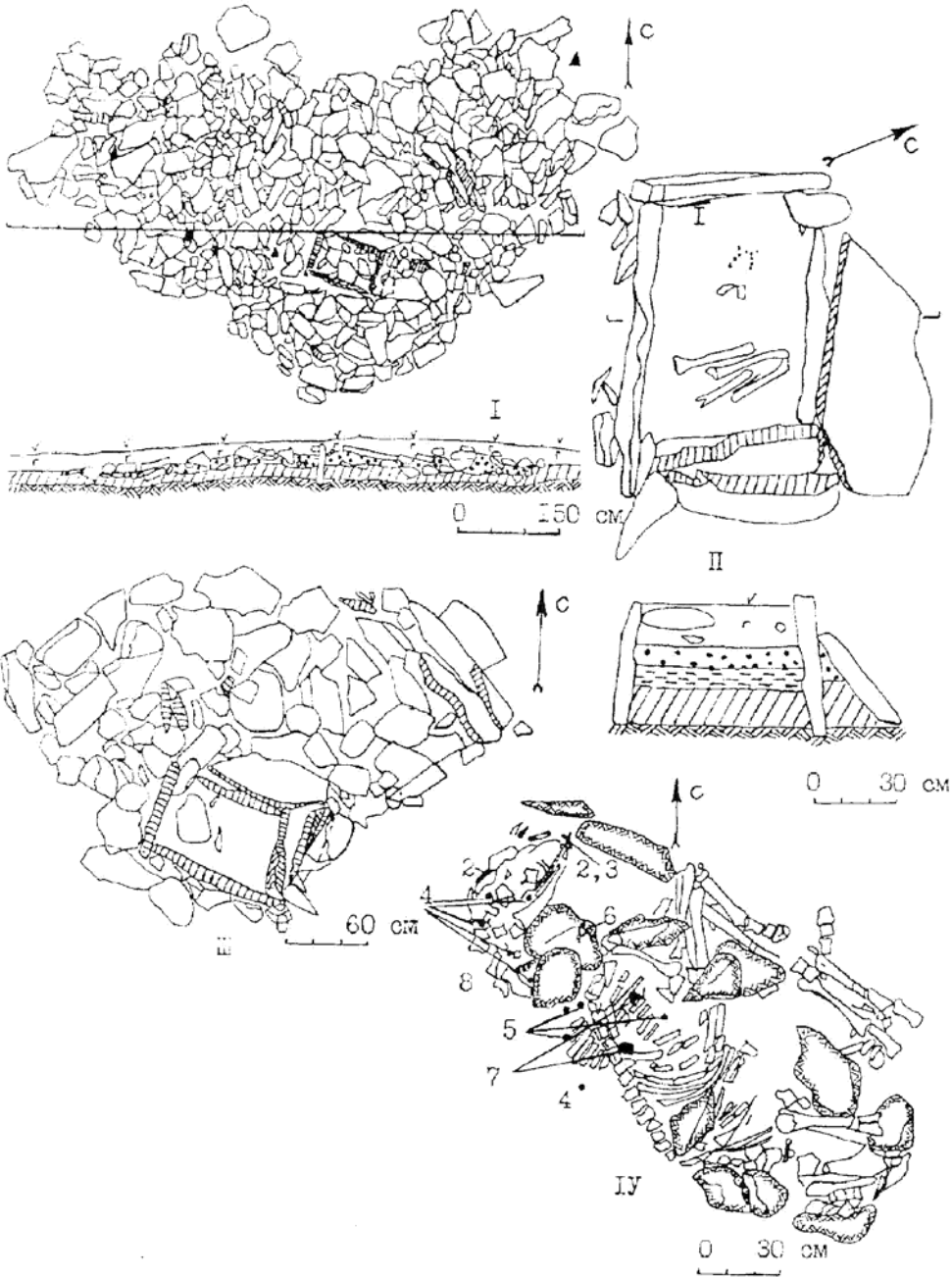

Рис. 24.

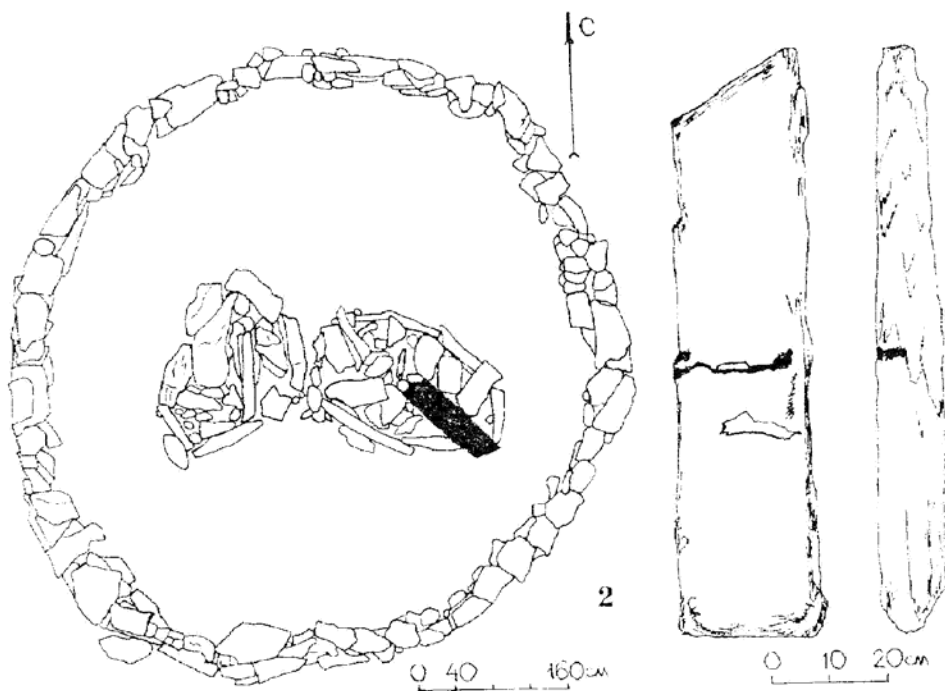
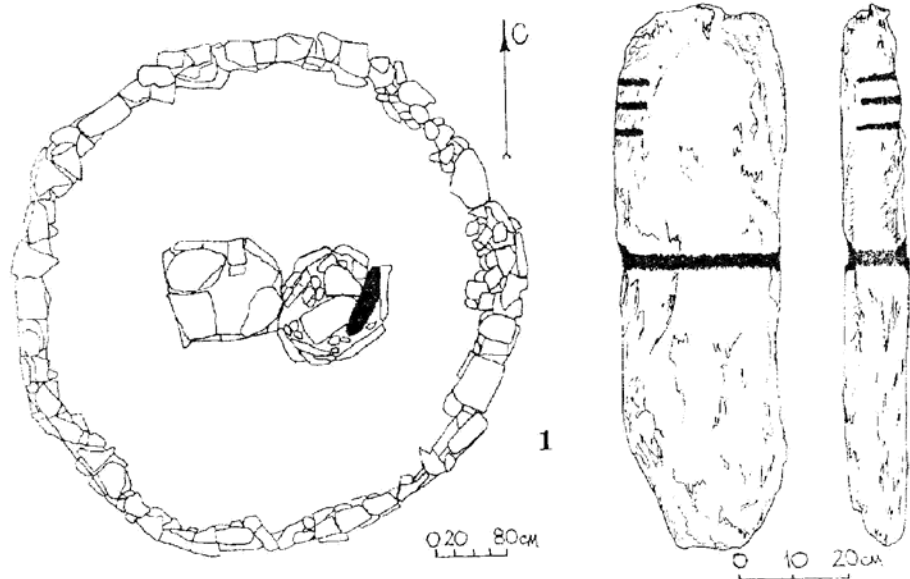

Рис. 25.

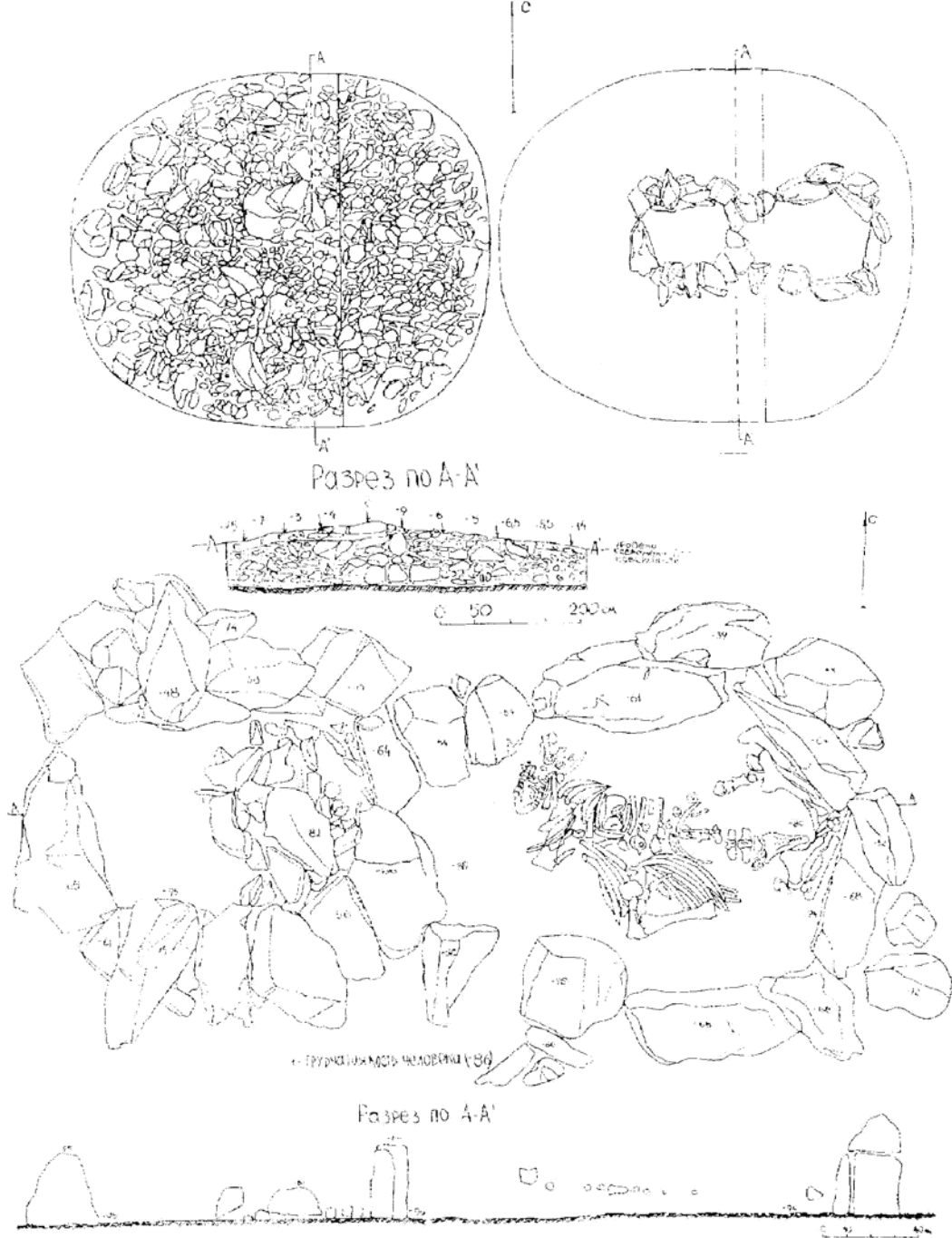

Рис. 27.

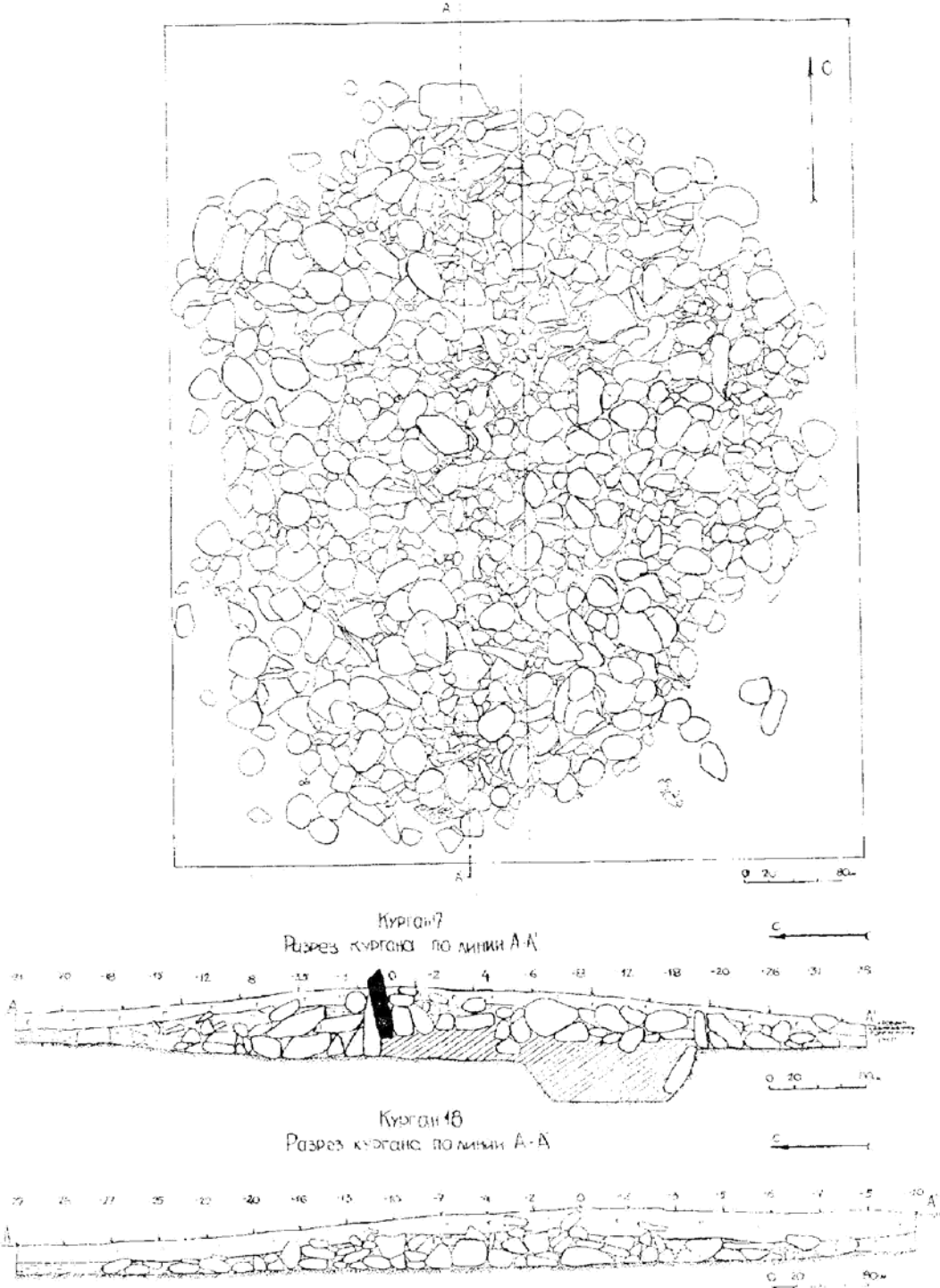

Рис. 28.

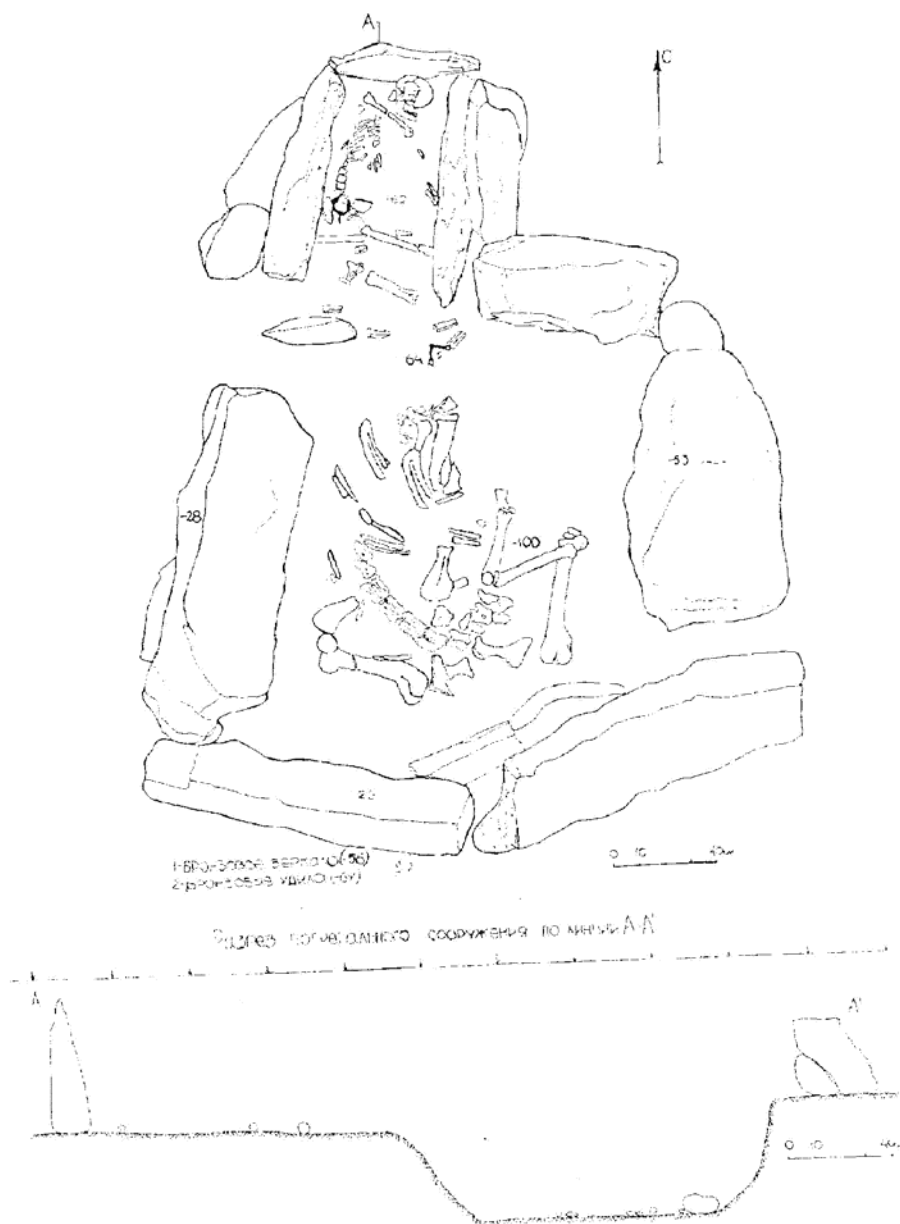

Рис. 29.

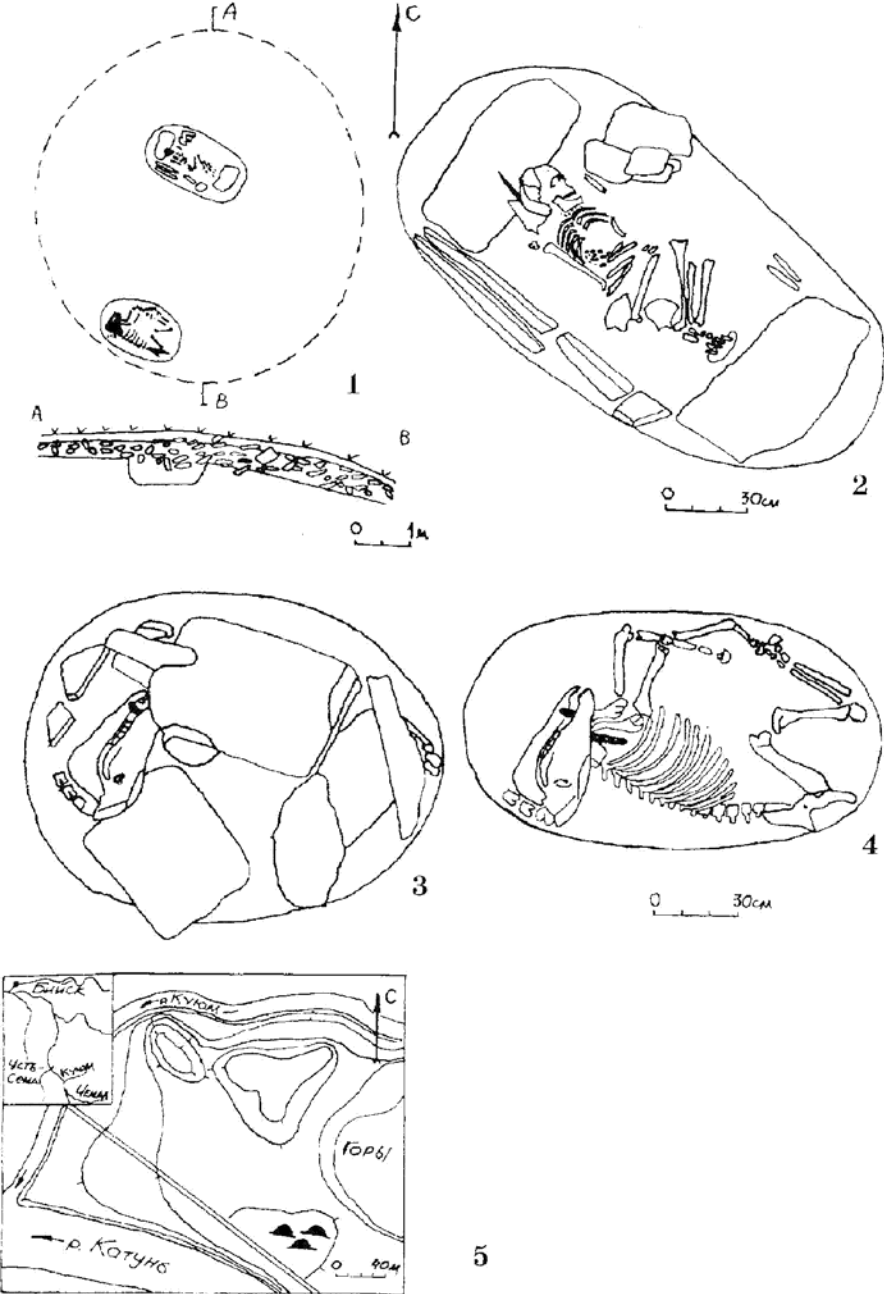

Рис. 30.

Рис. 31.

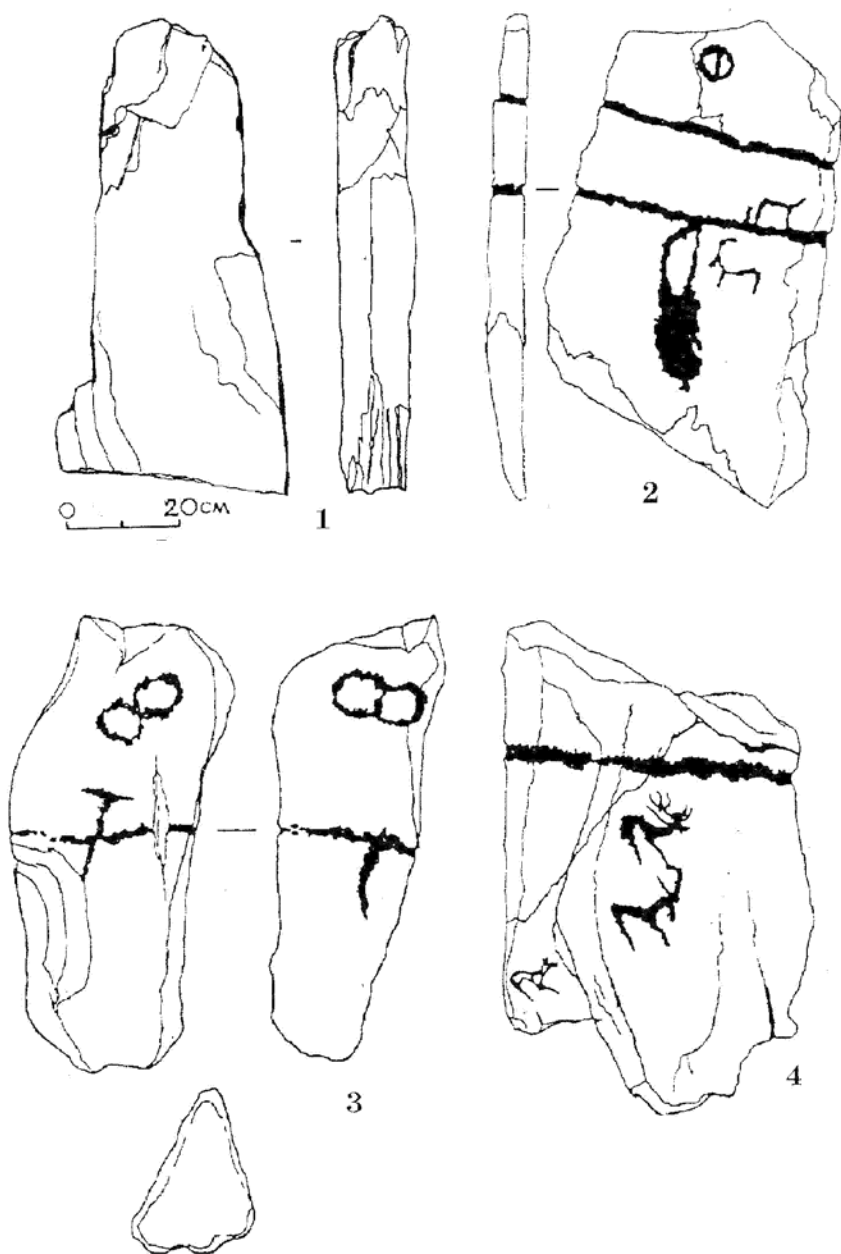
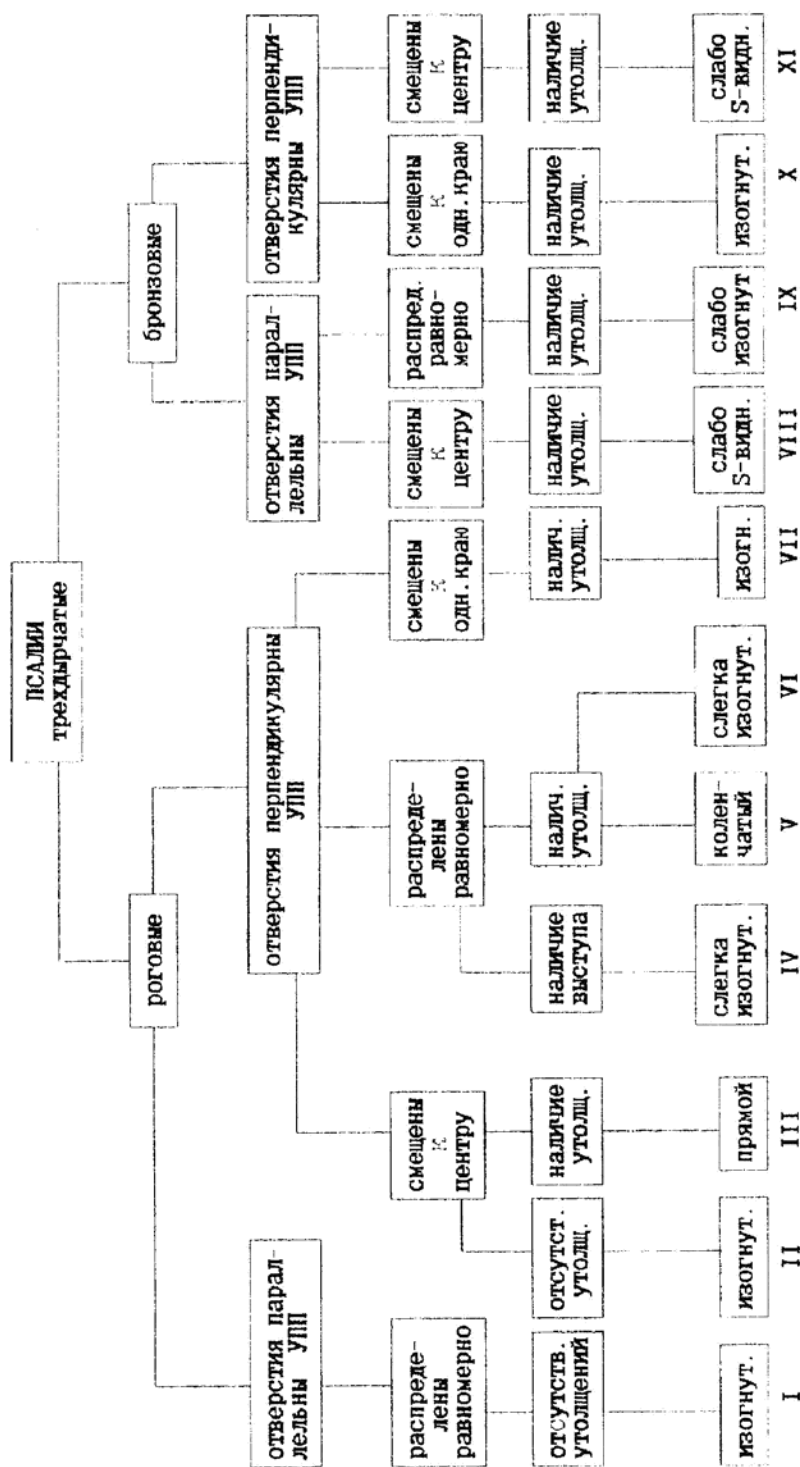

Рис. 32.

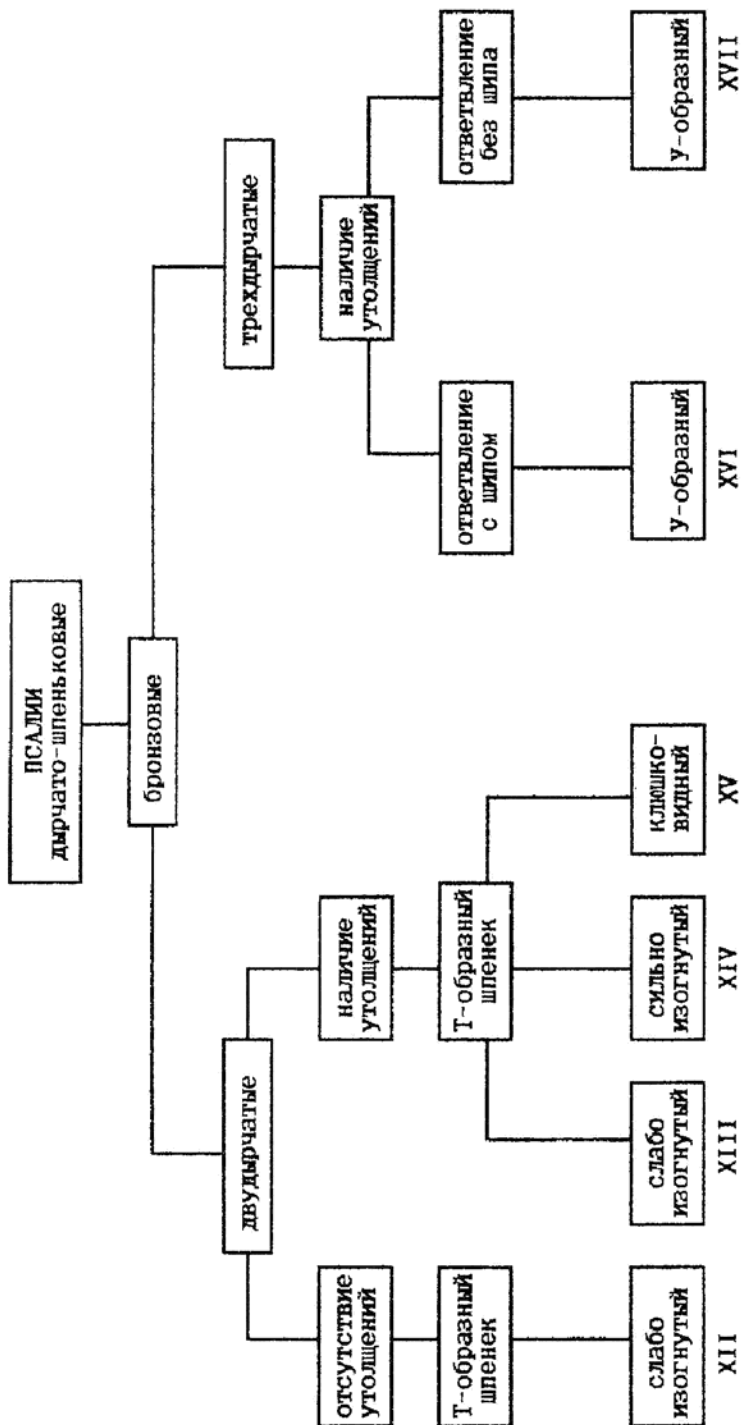

Рис. 34.

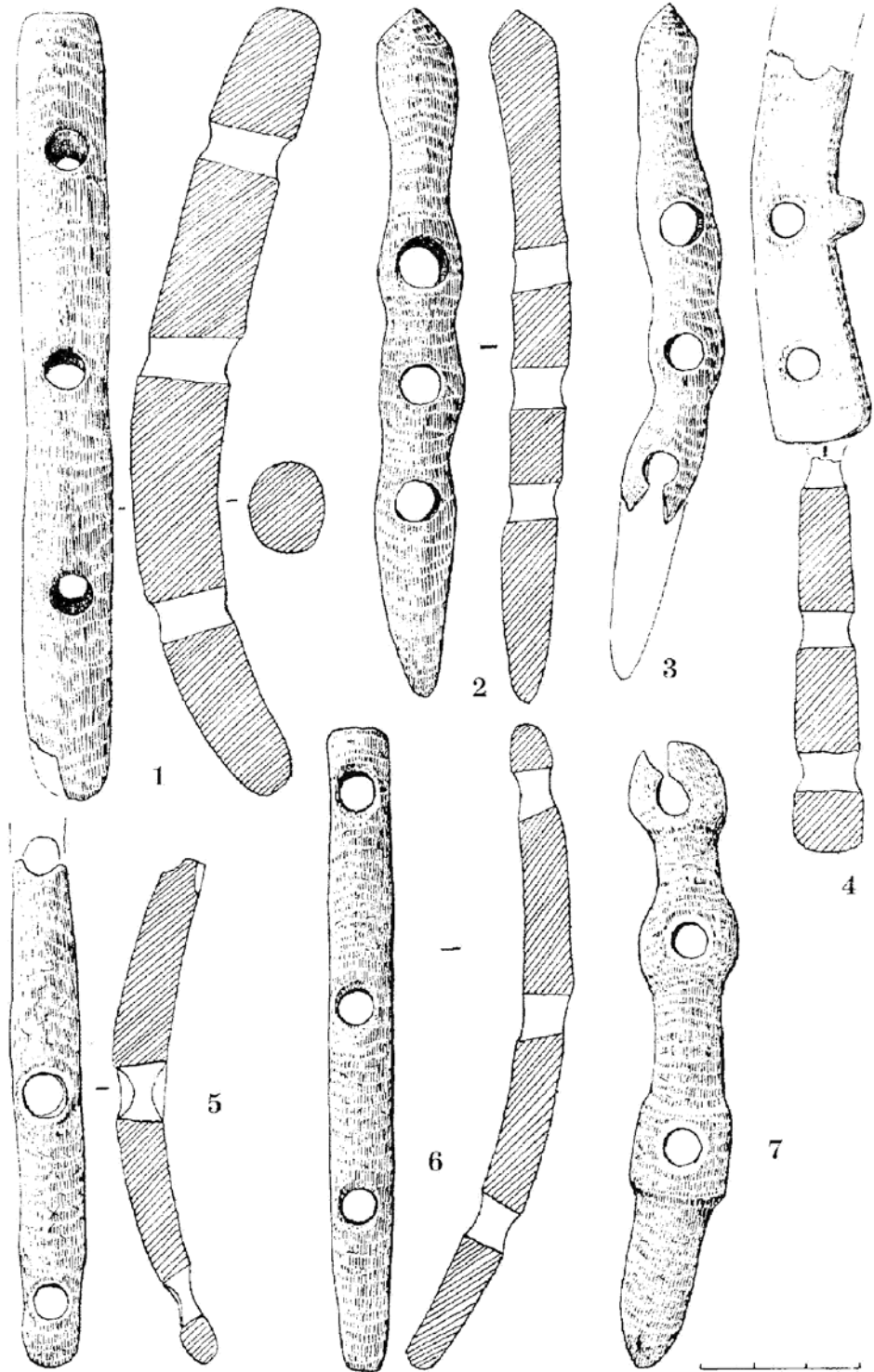

Рис. 35.

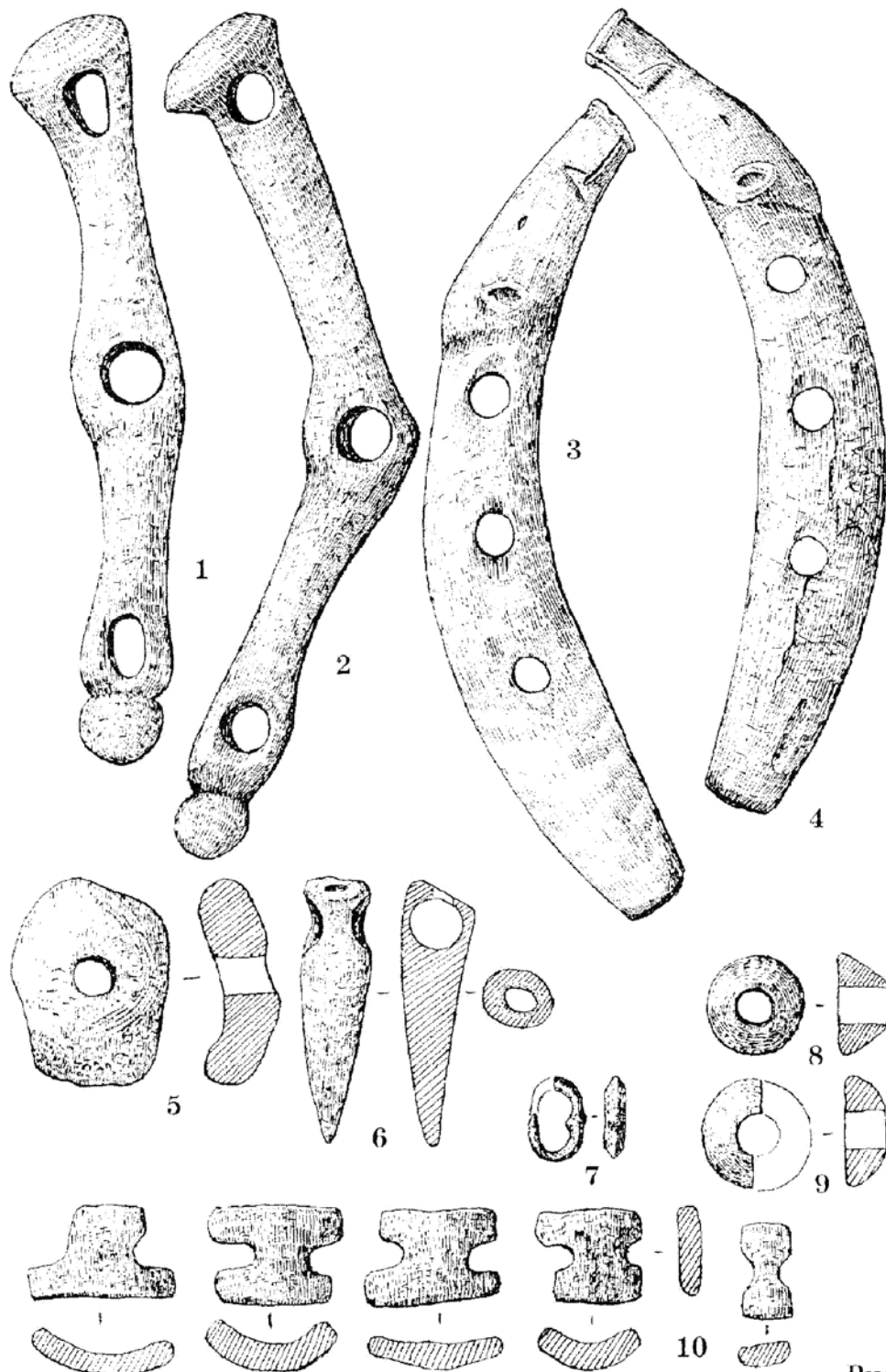
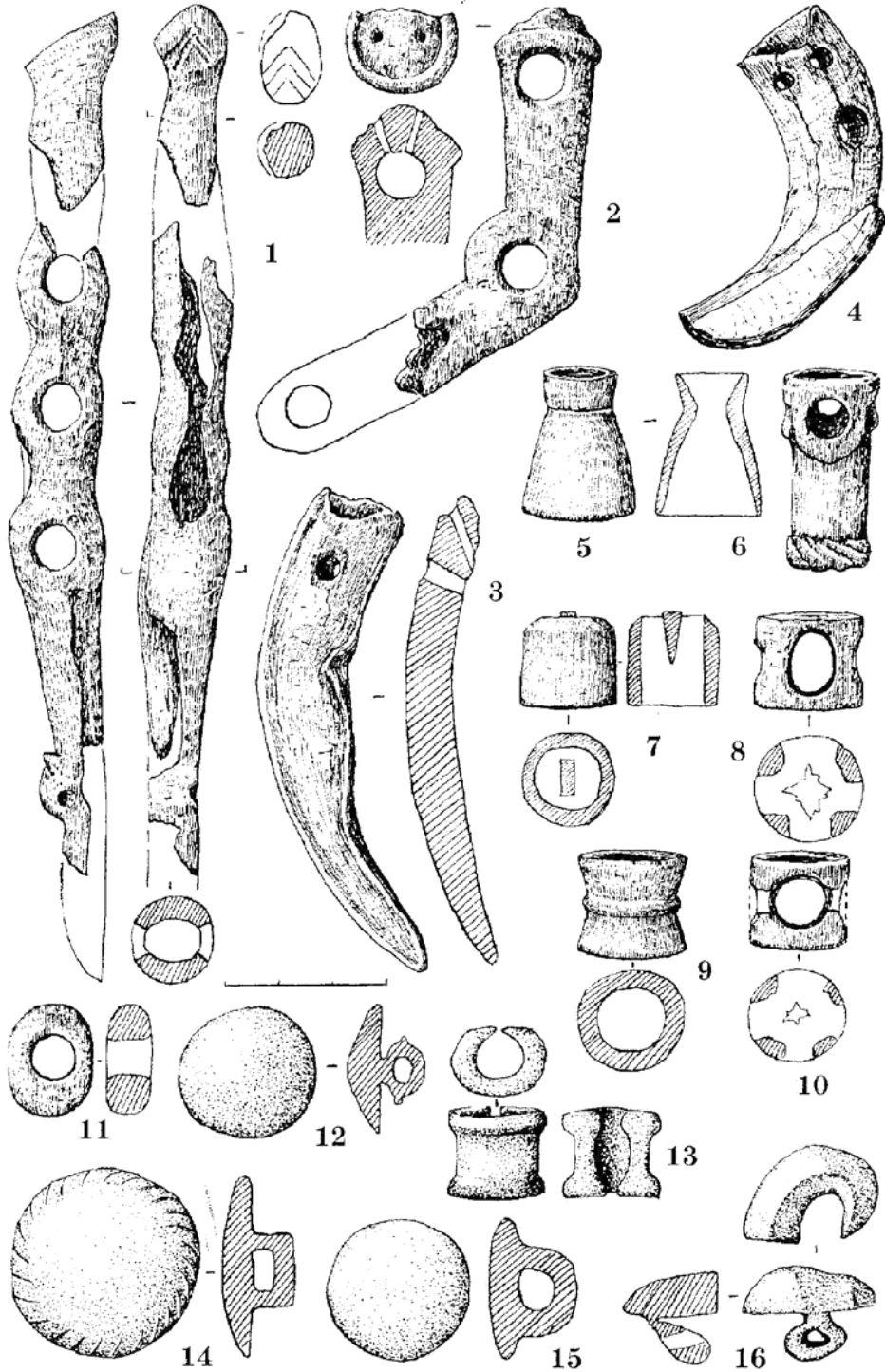
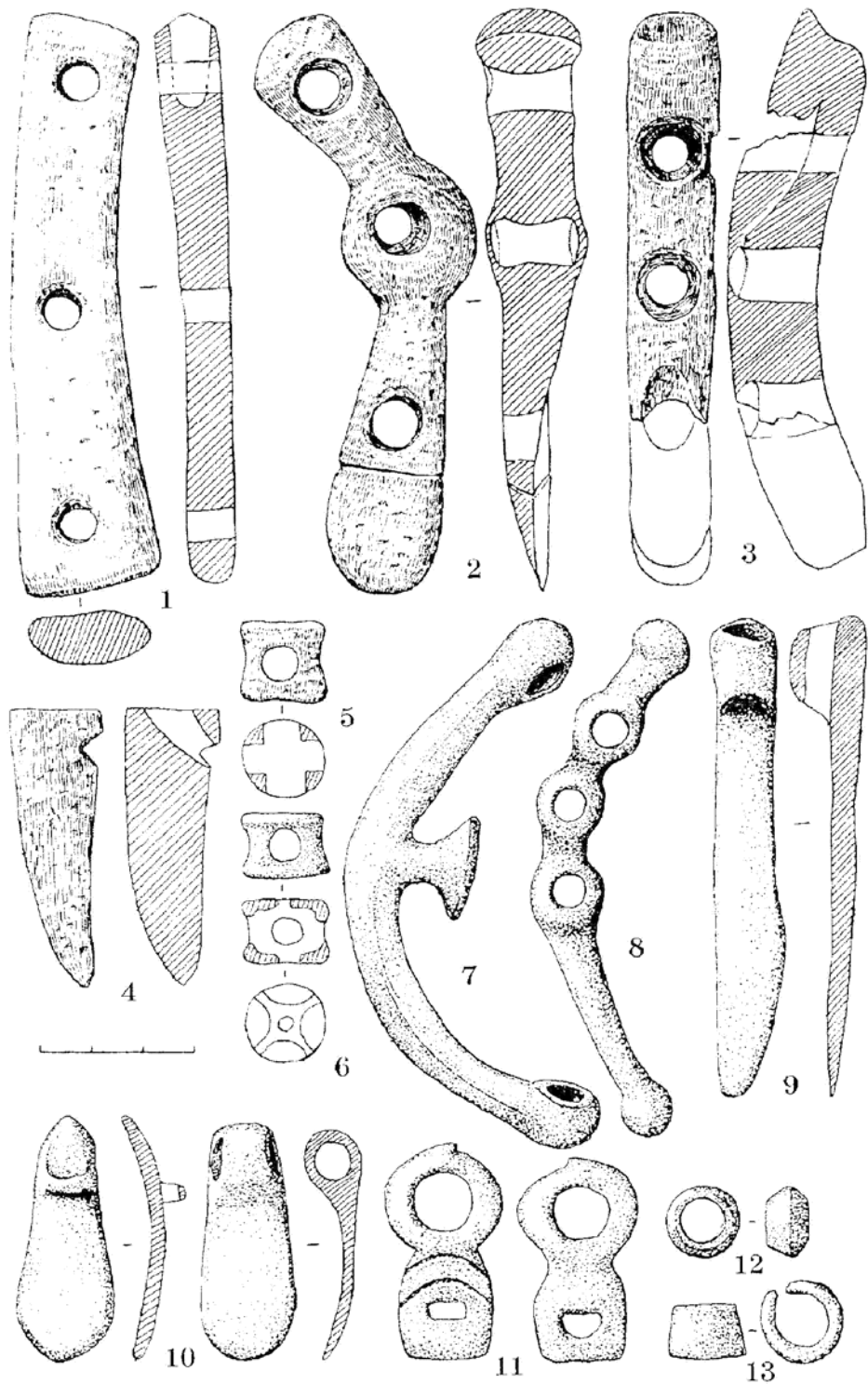

Рис. 36.

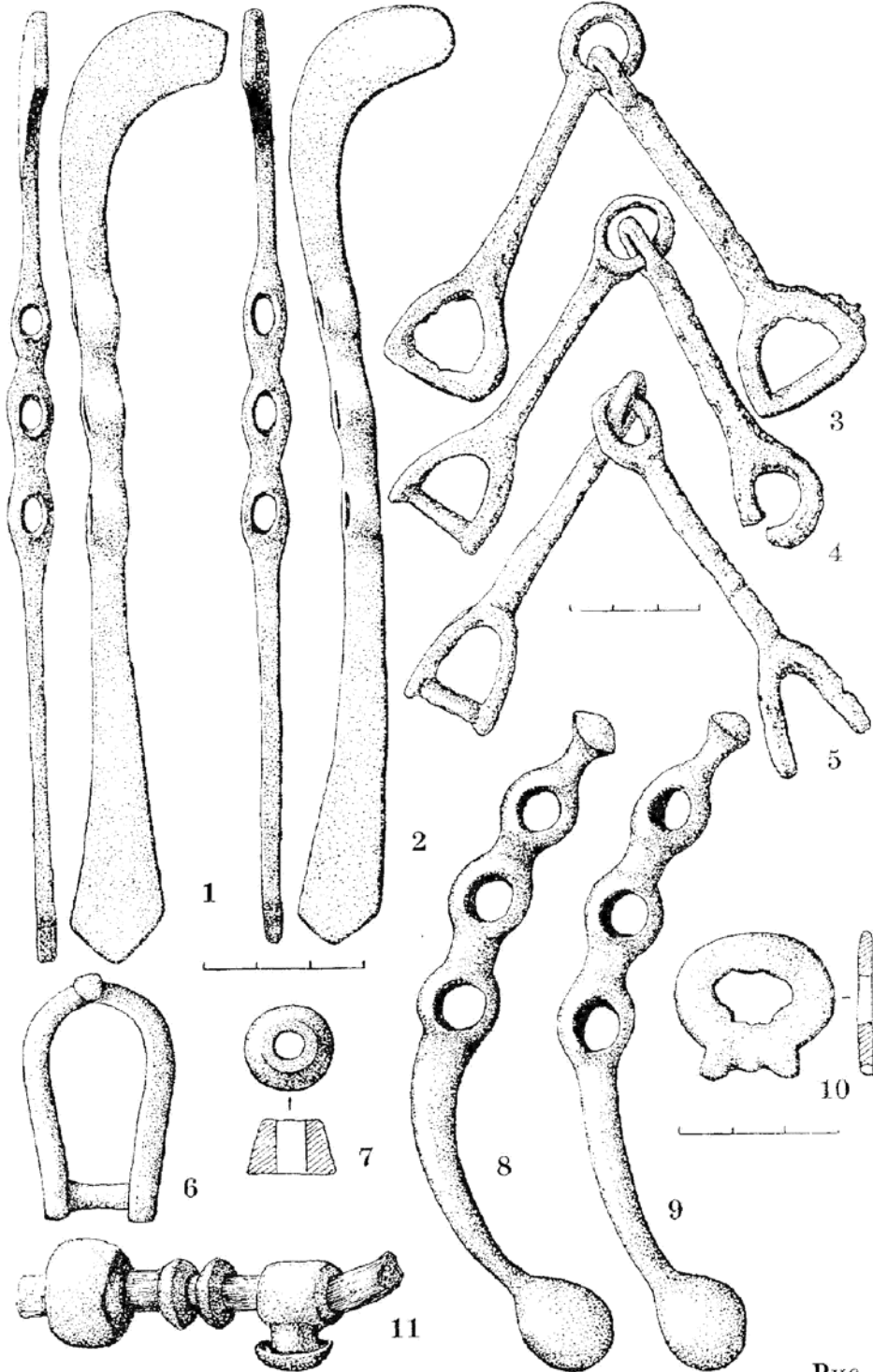

Рис. 39.

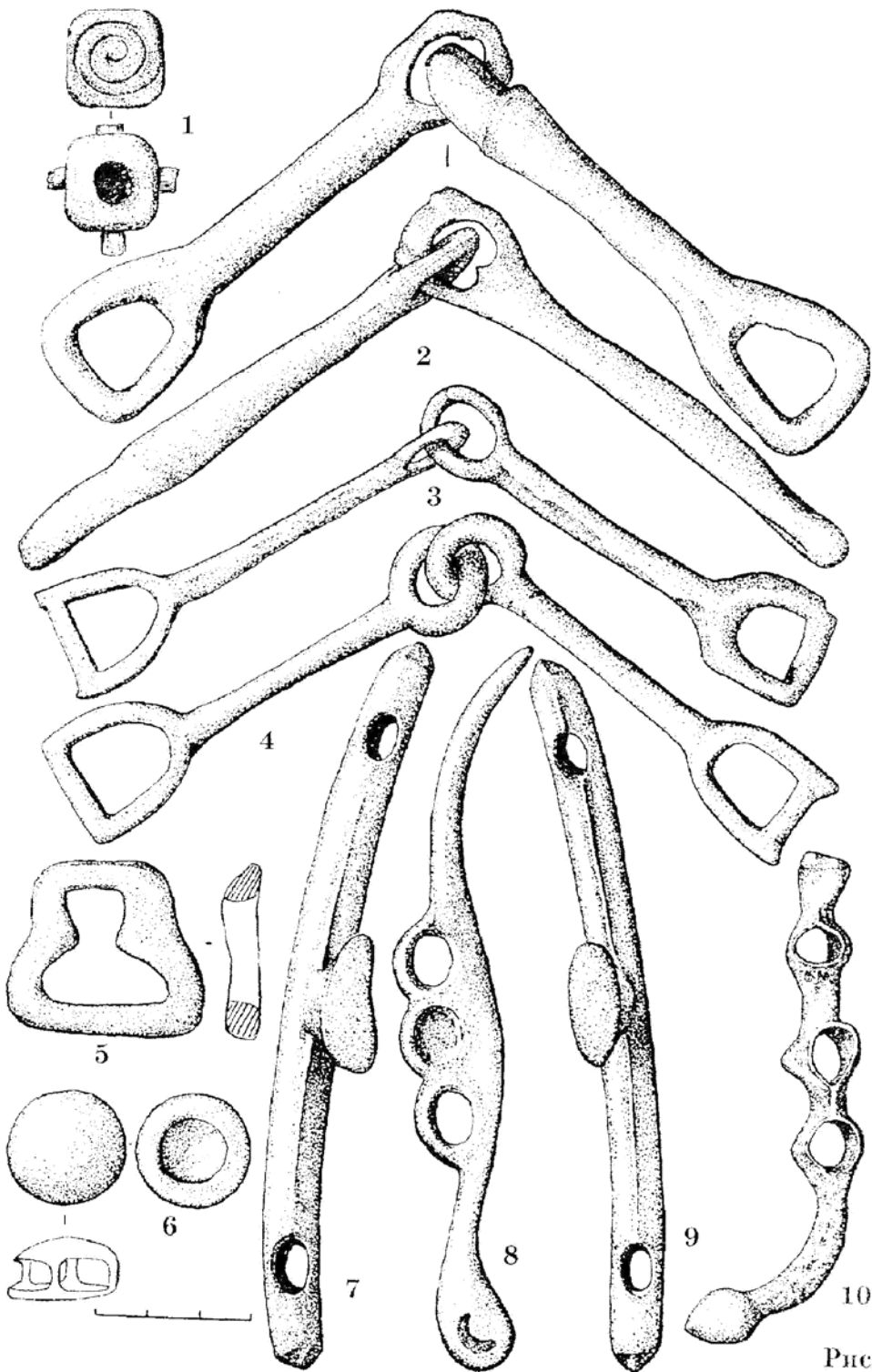

Рис. 40.

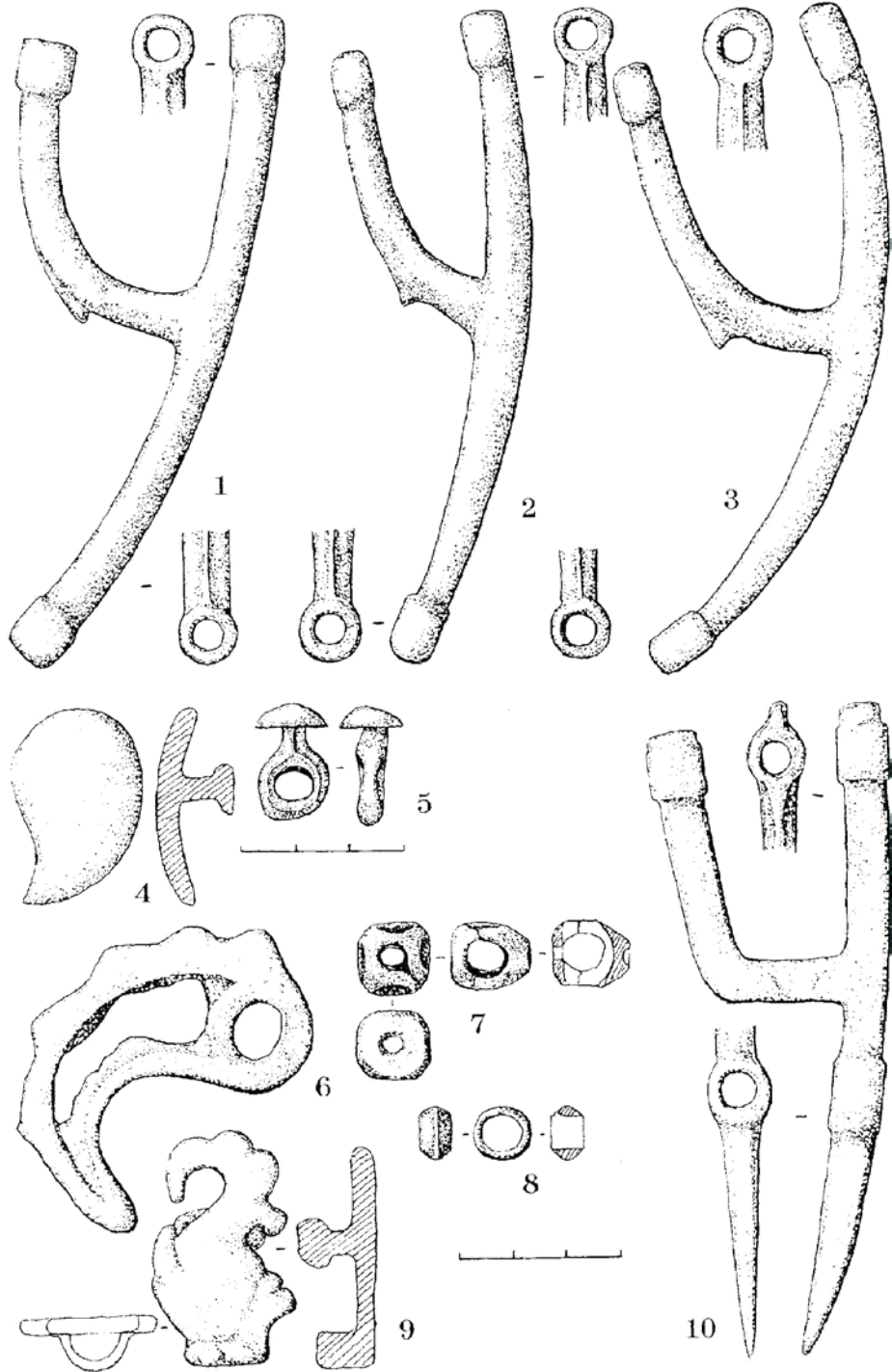

Рис. 41.

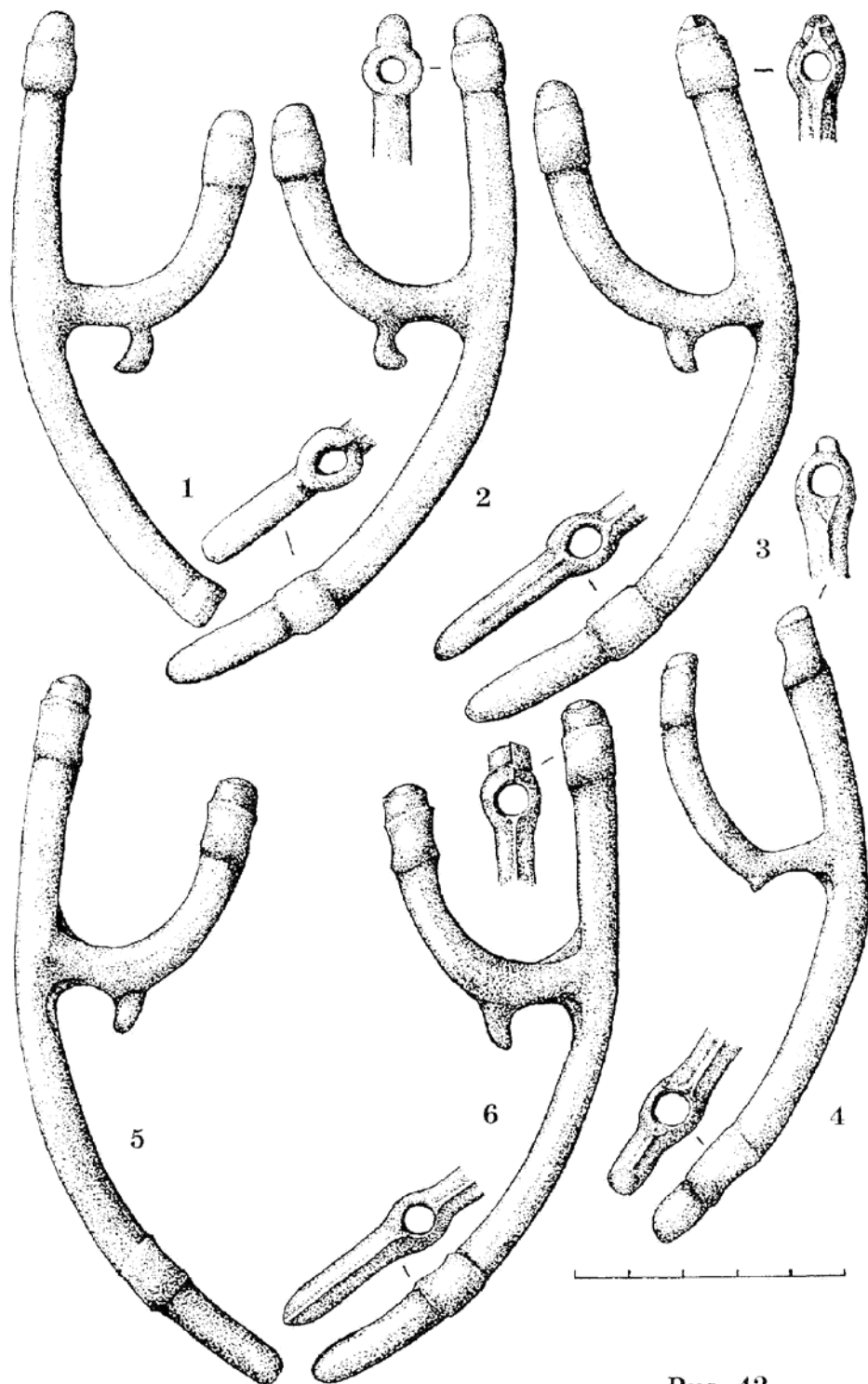

Рис. 42.

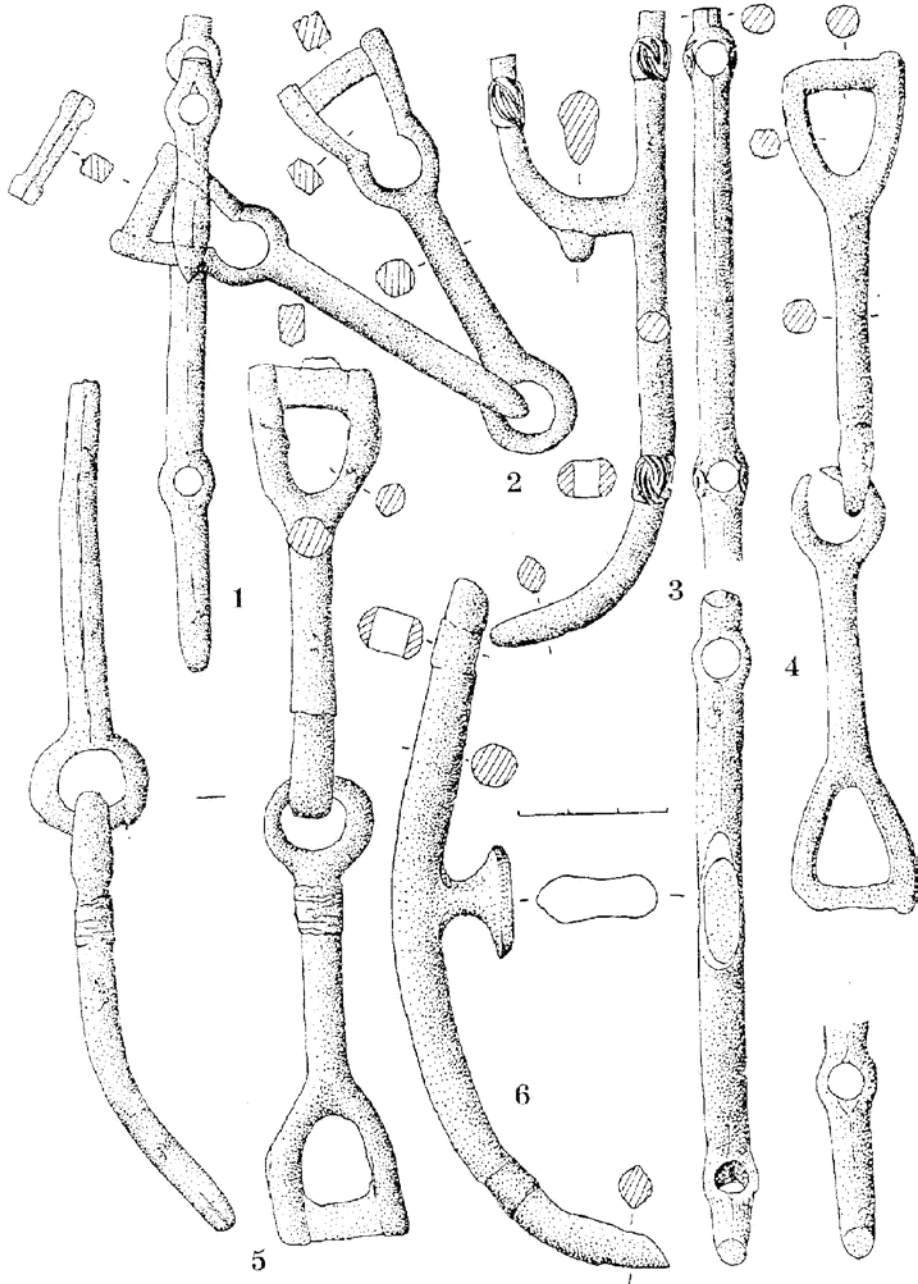

Рис. 43.

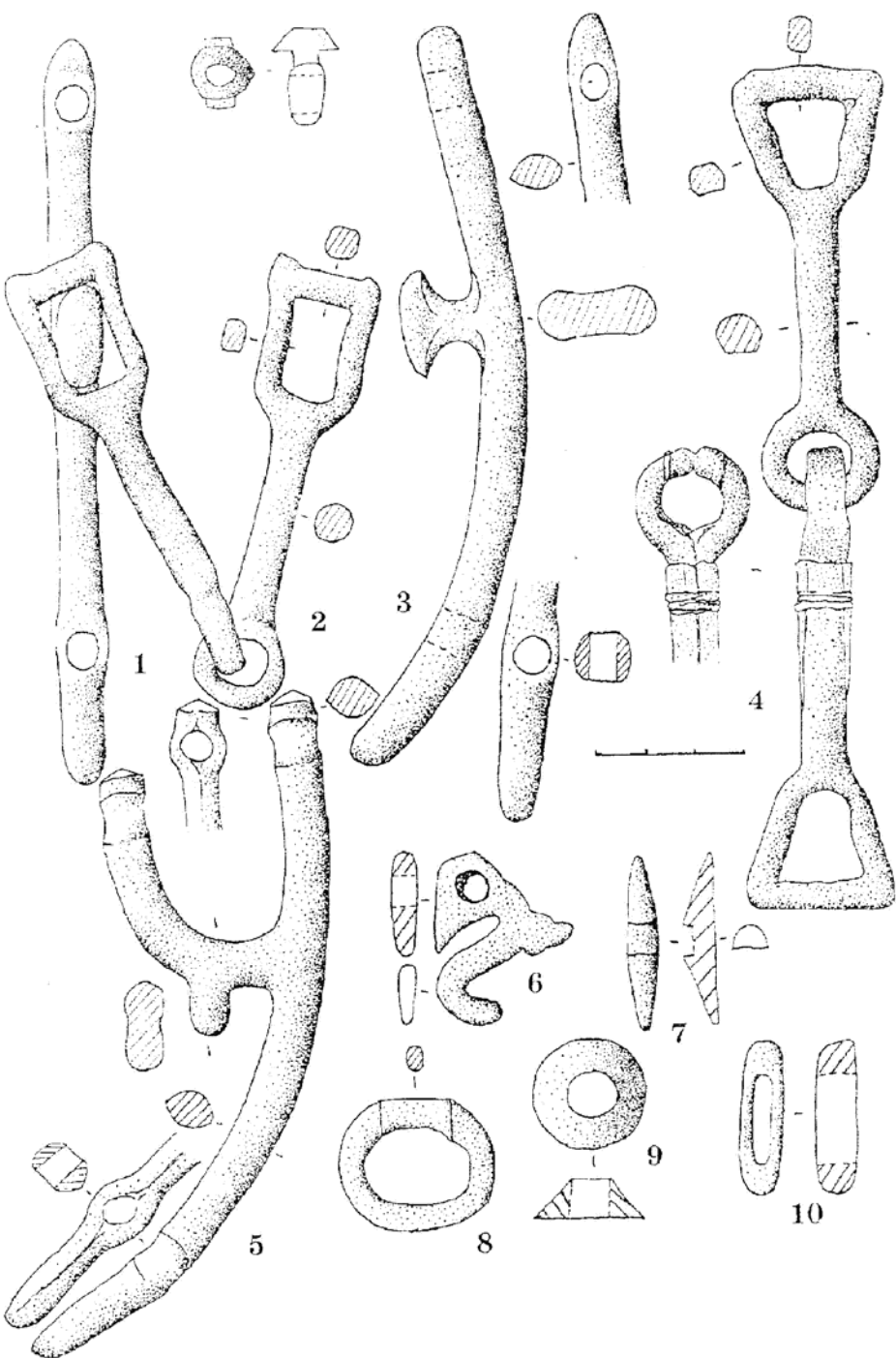

Рис. 44.

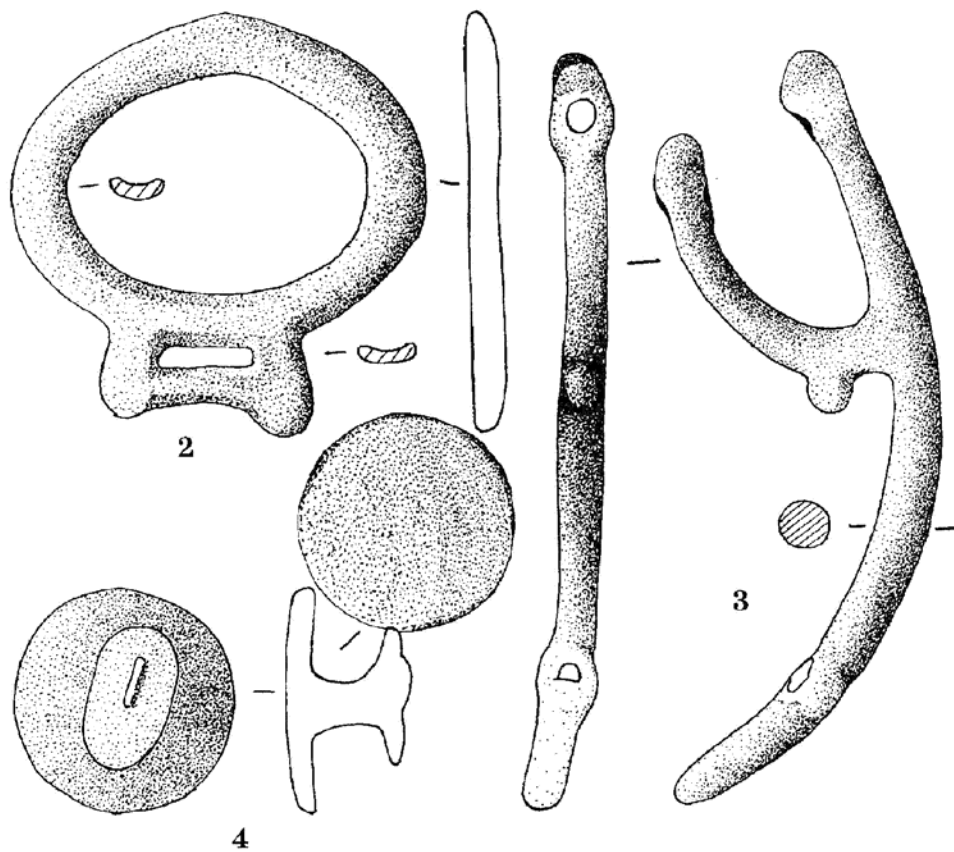
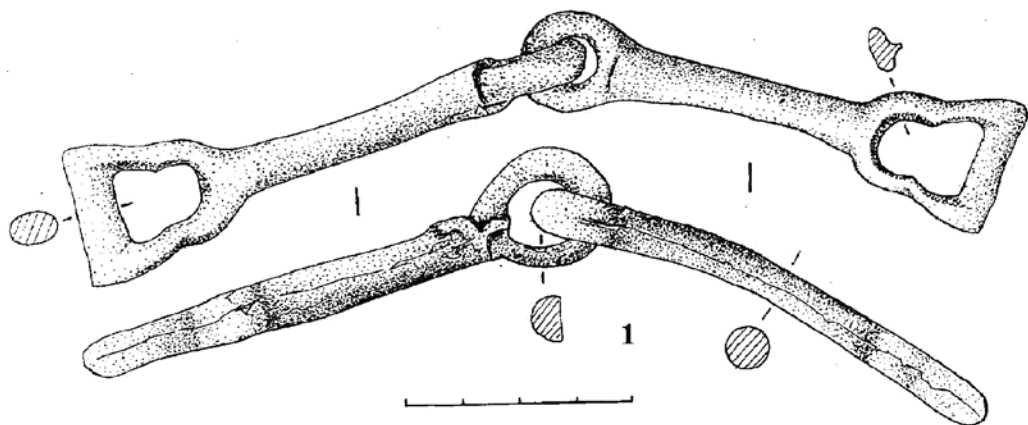
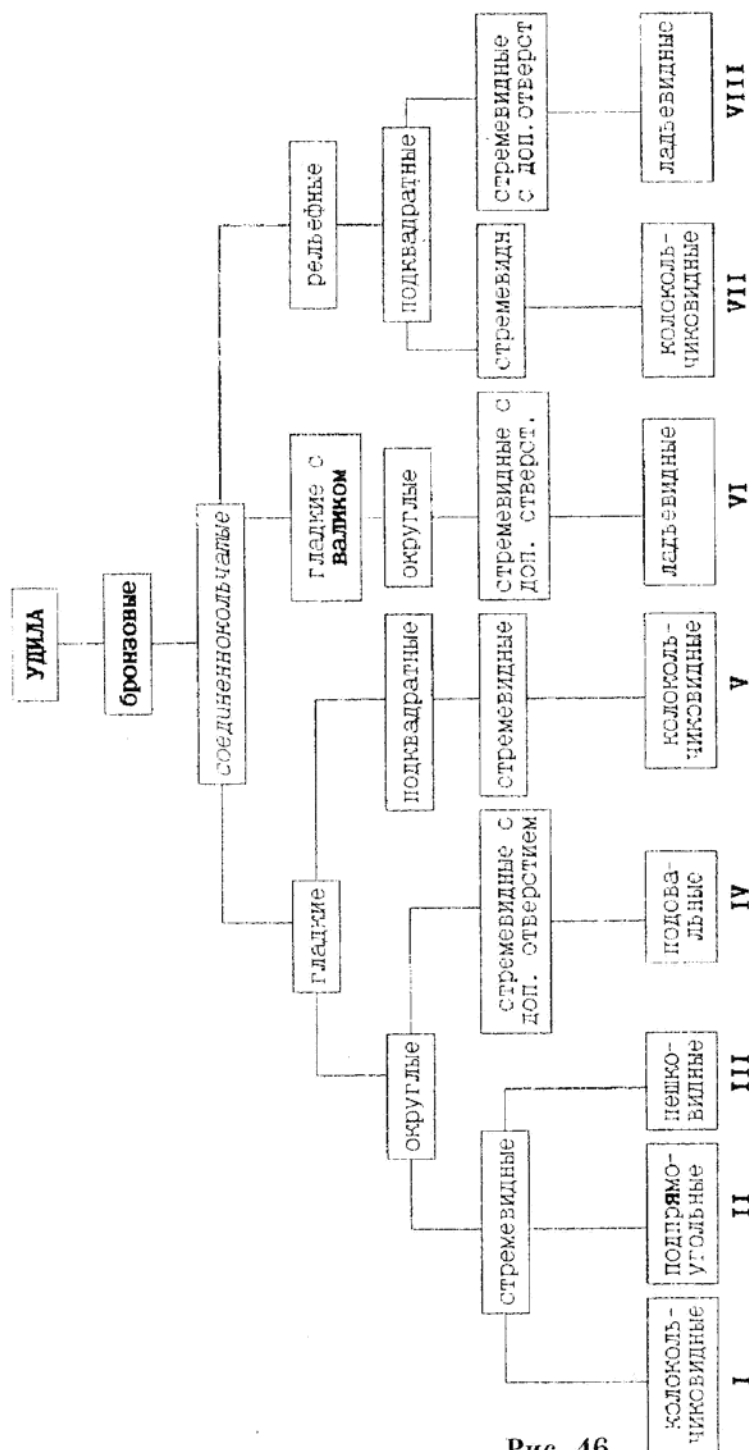

Рис. 45.

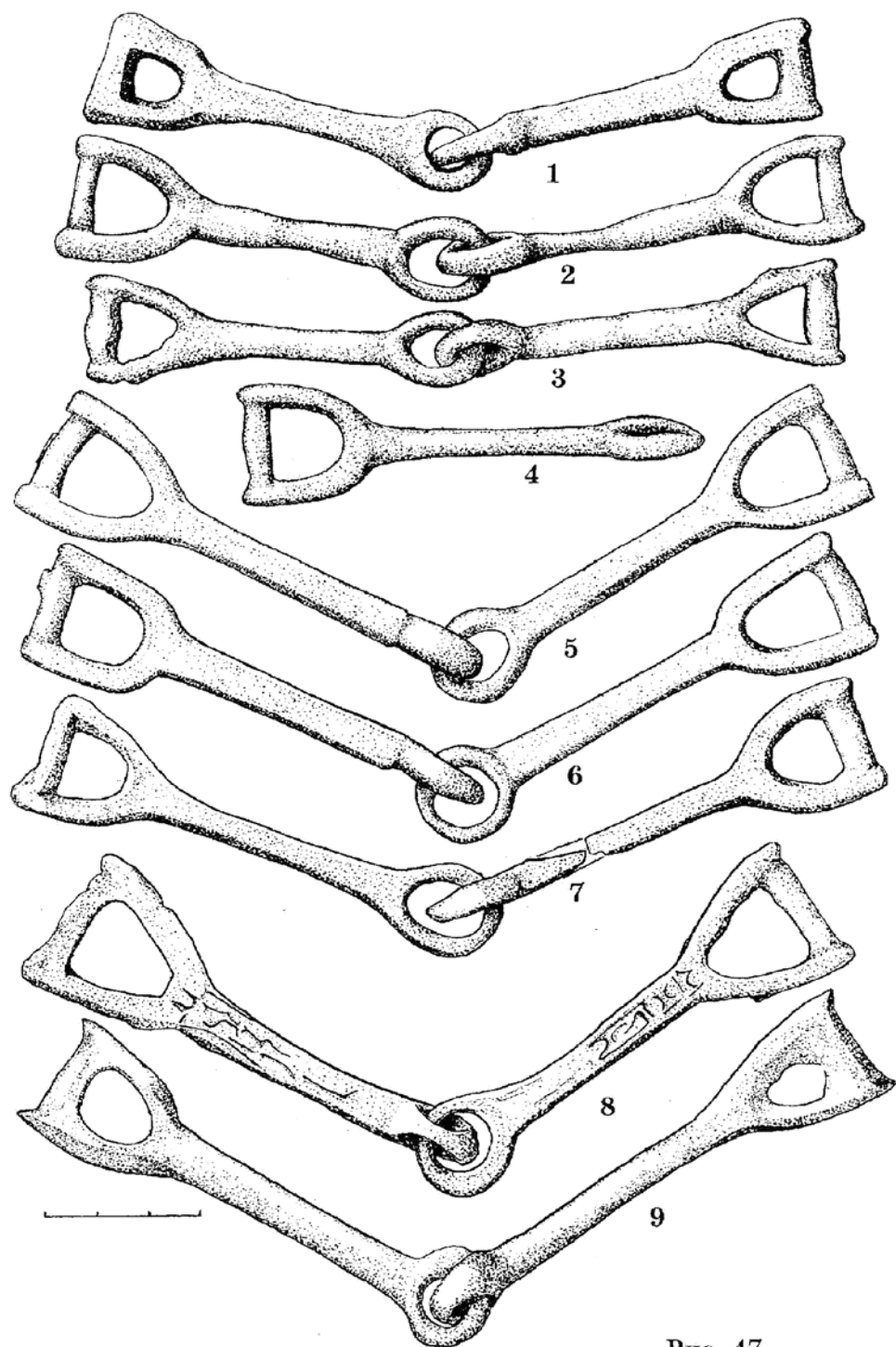

Рис. 47.

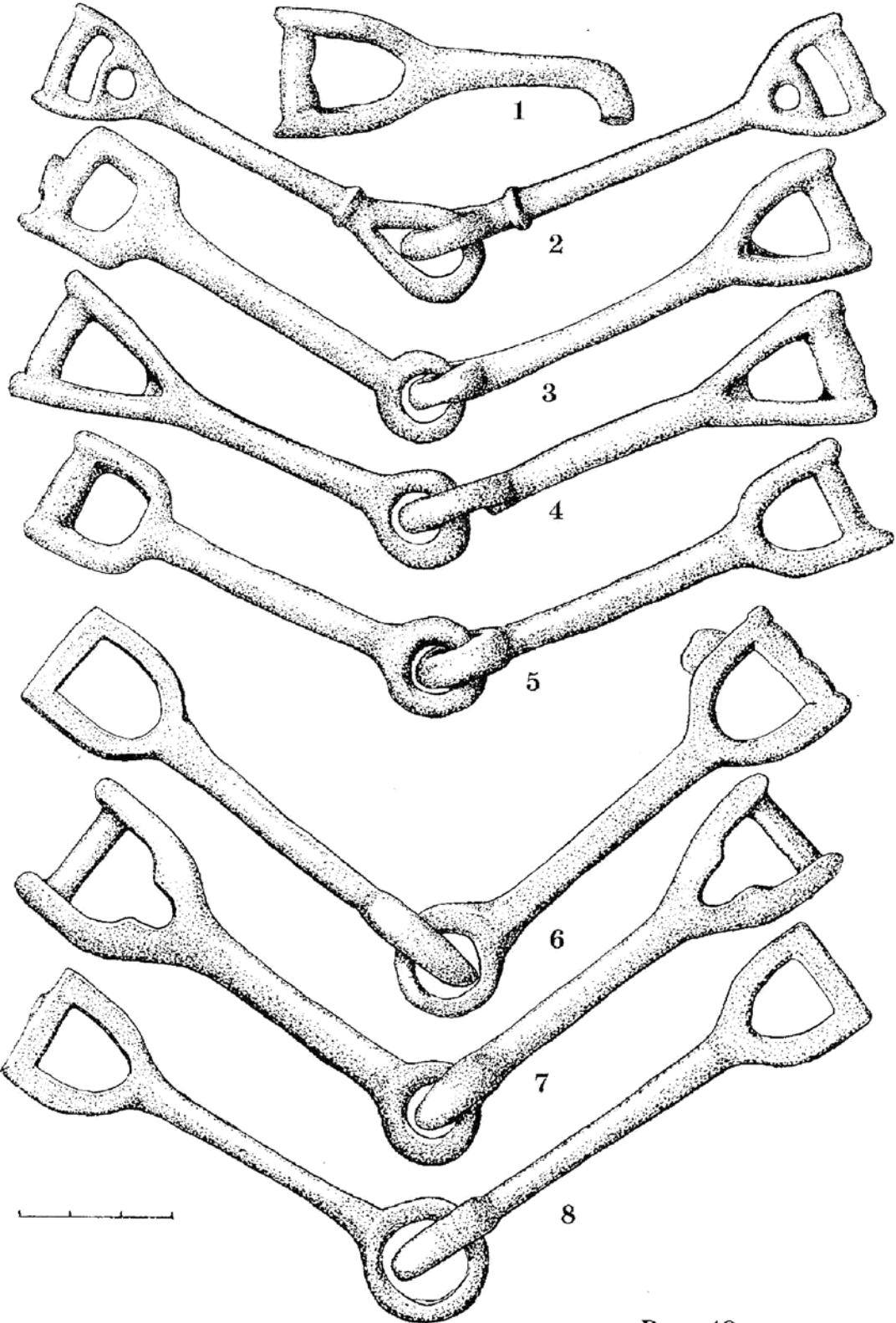

Рис. 48.

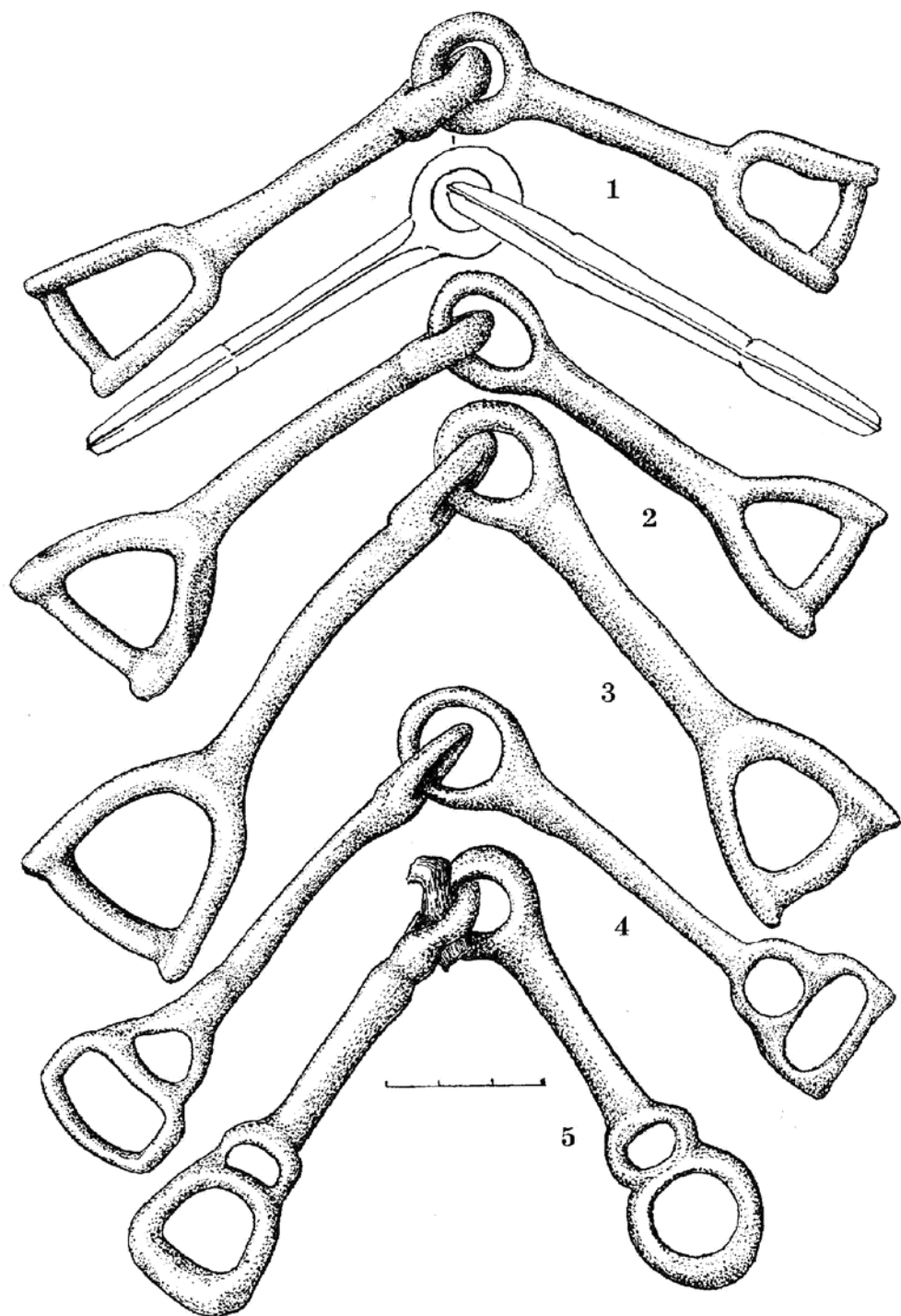

Рис. 49.

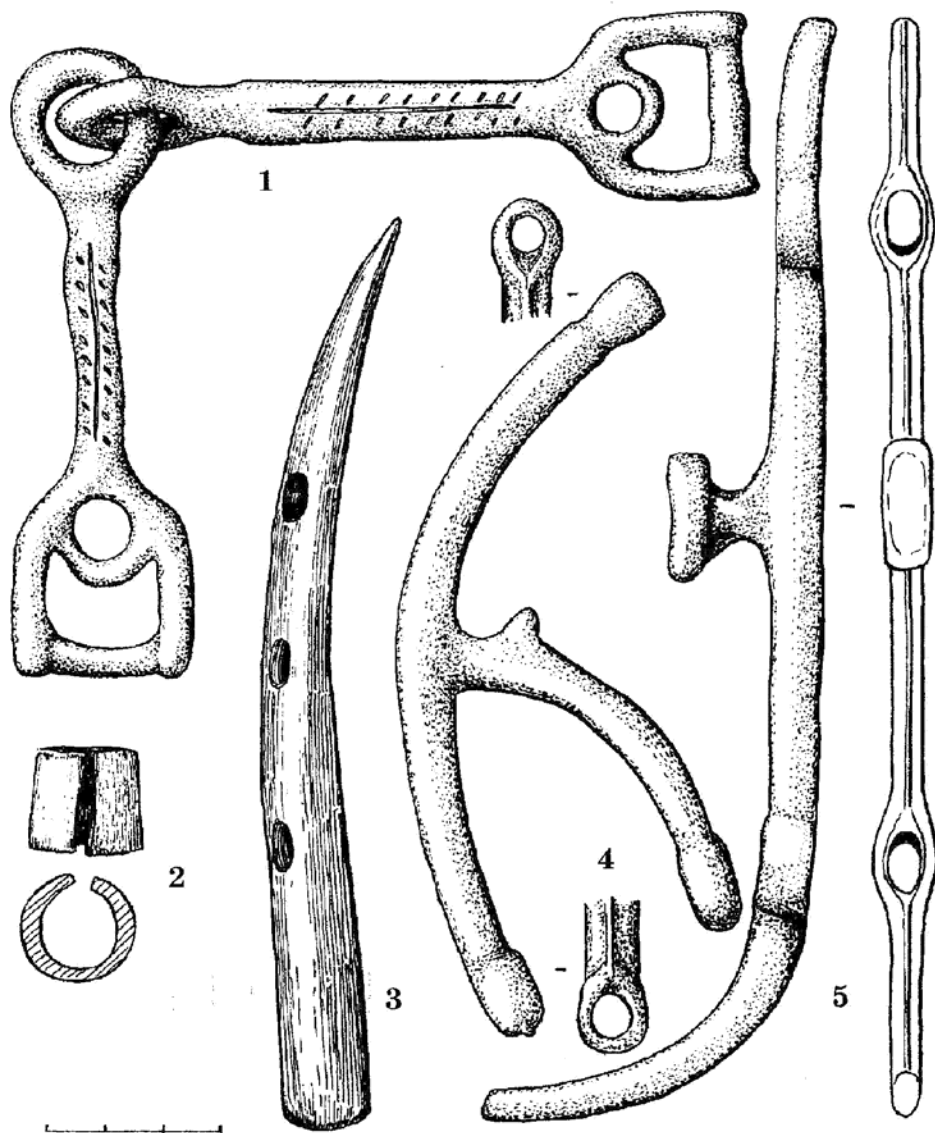

Рис. 50.

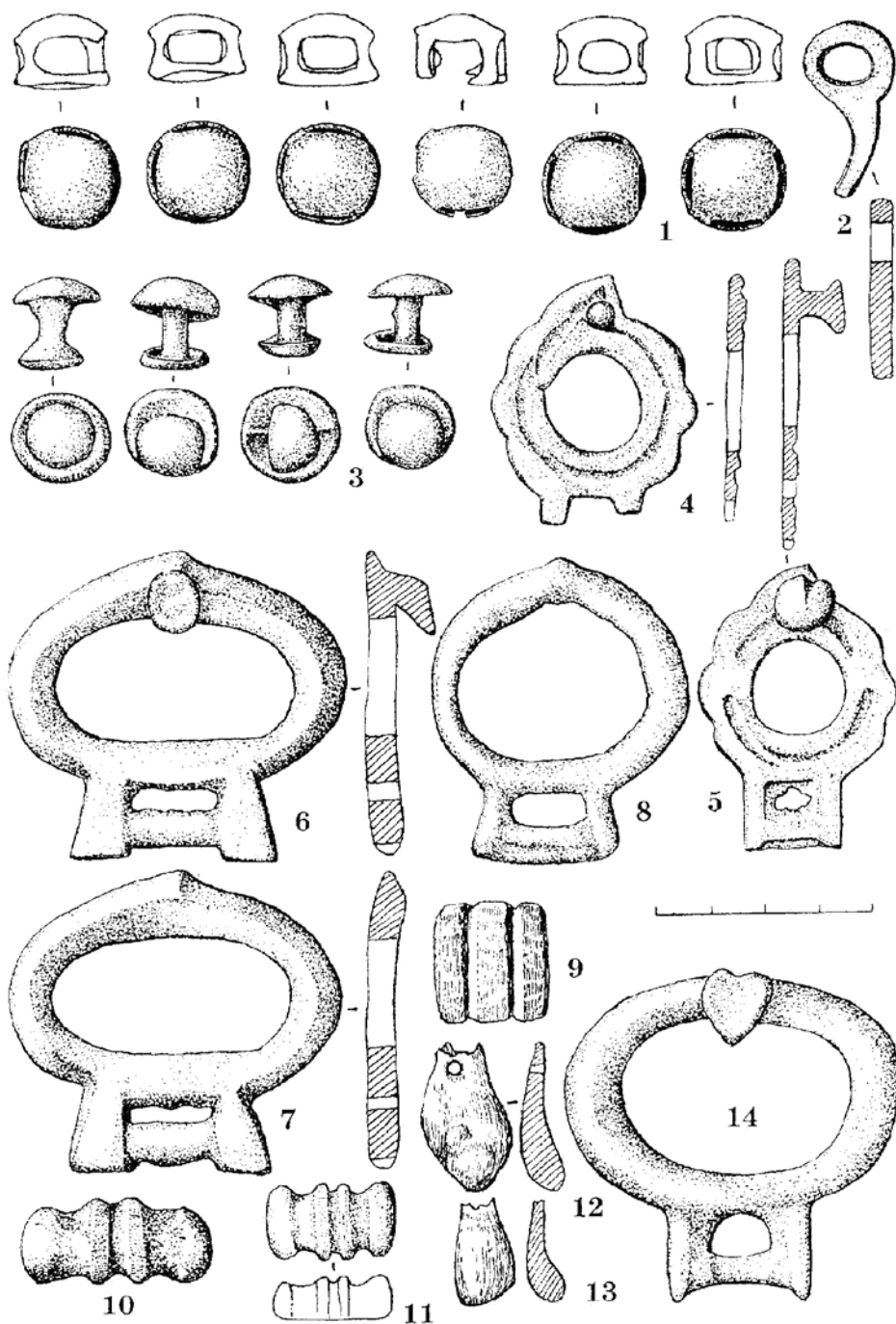

Рис. 51.

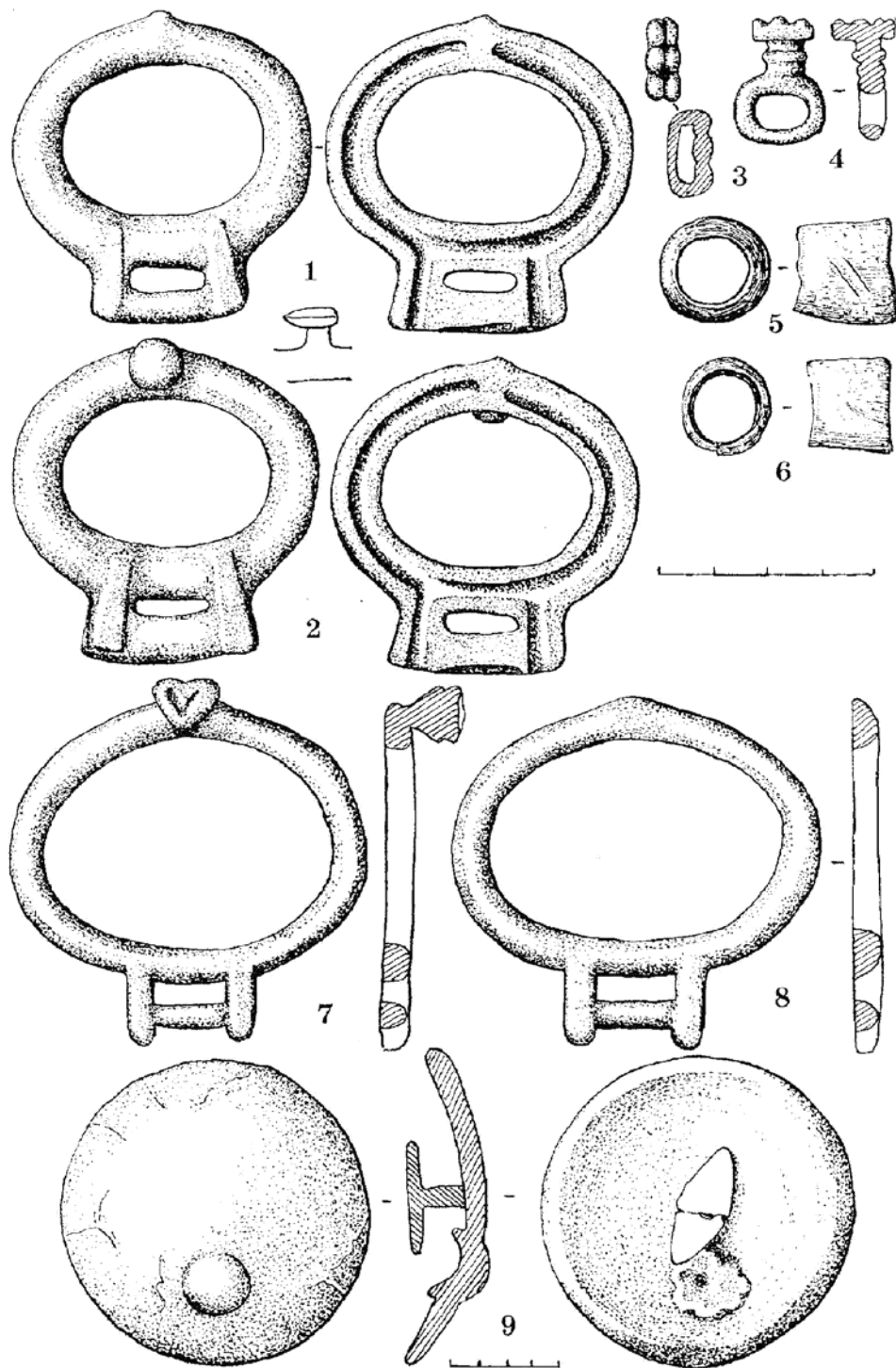
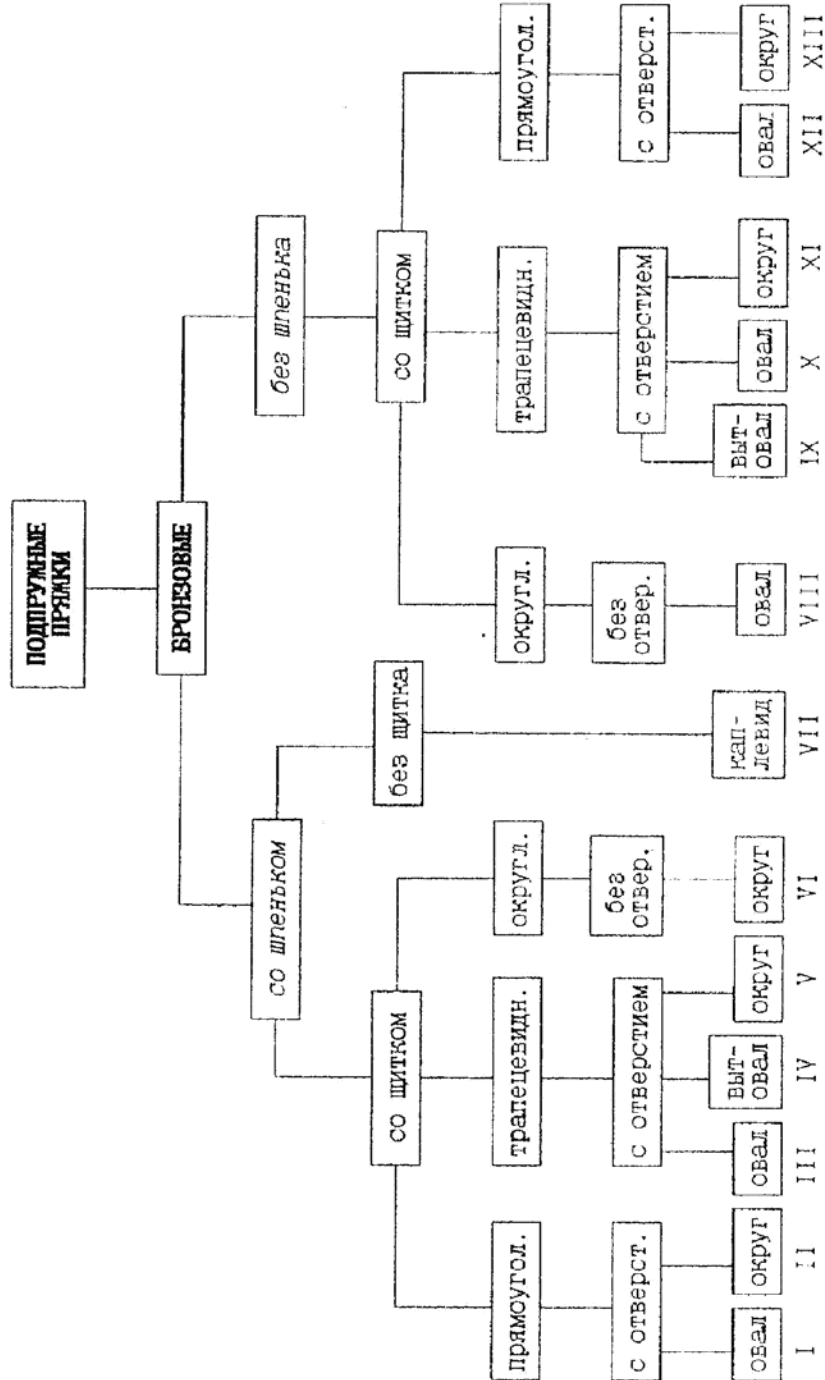

Рис. 52.

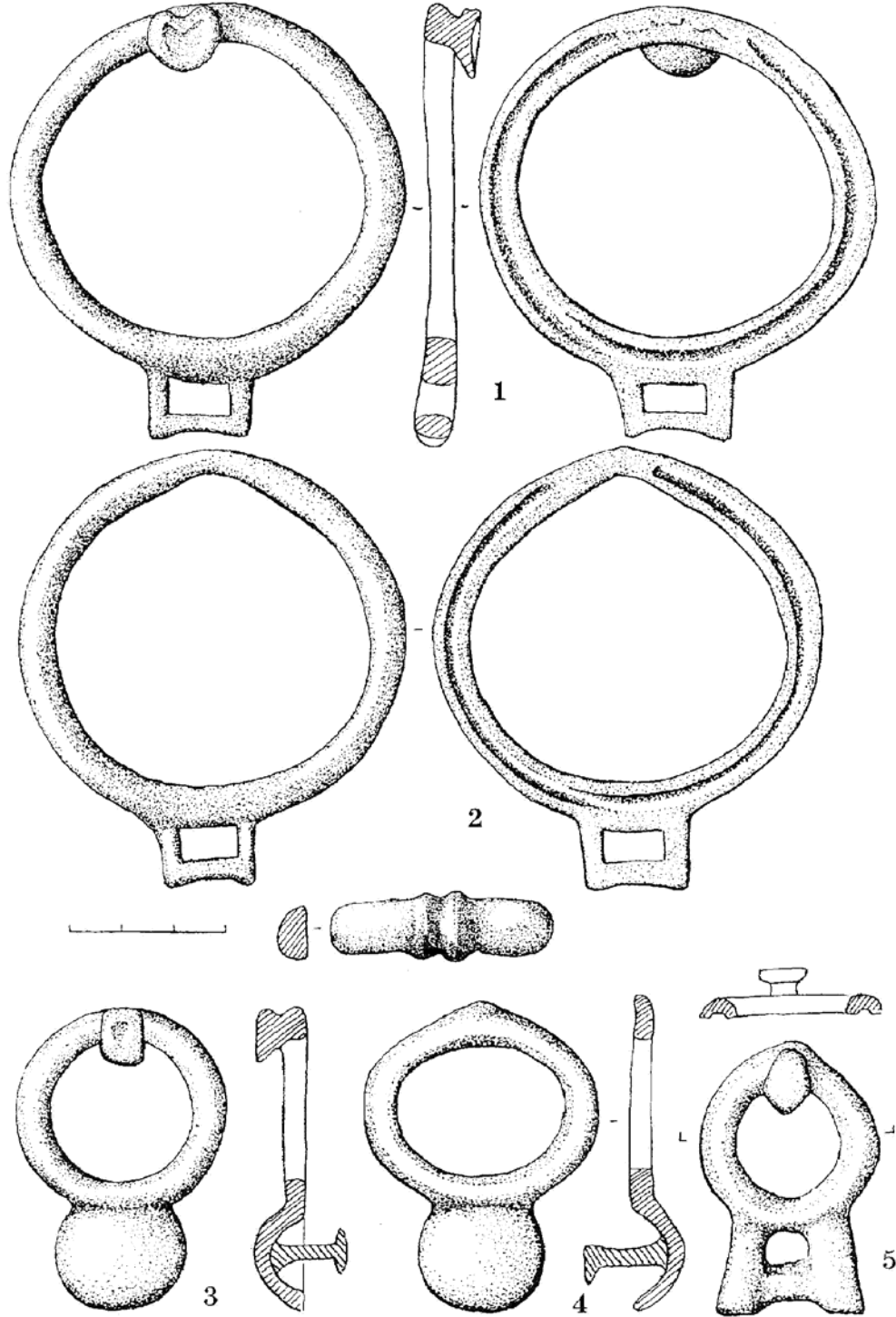

Рис. 54.

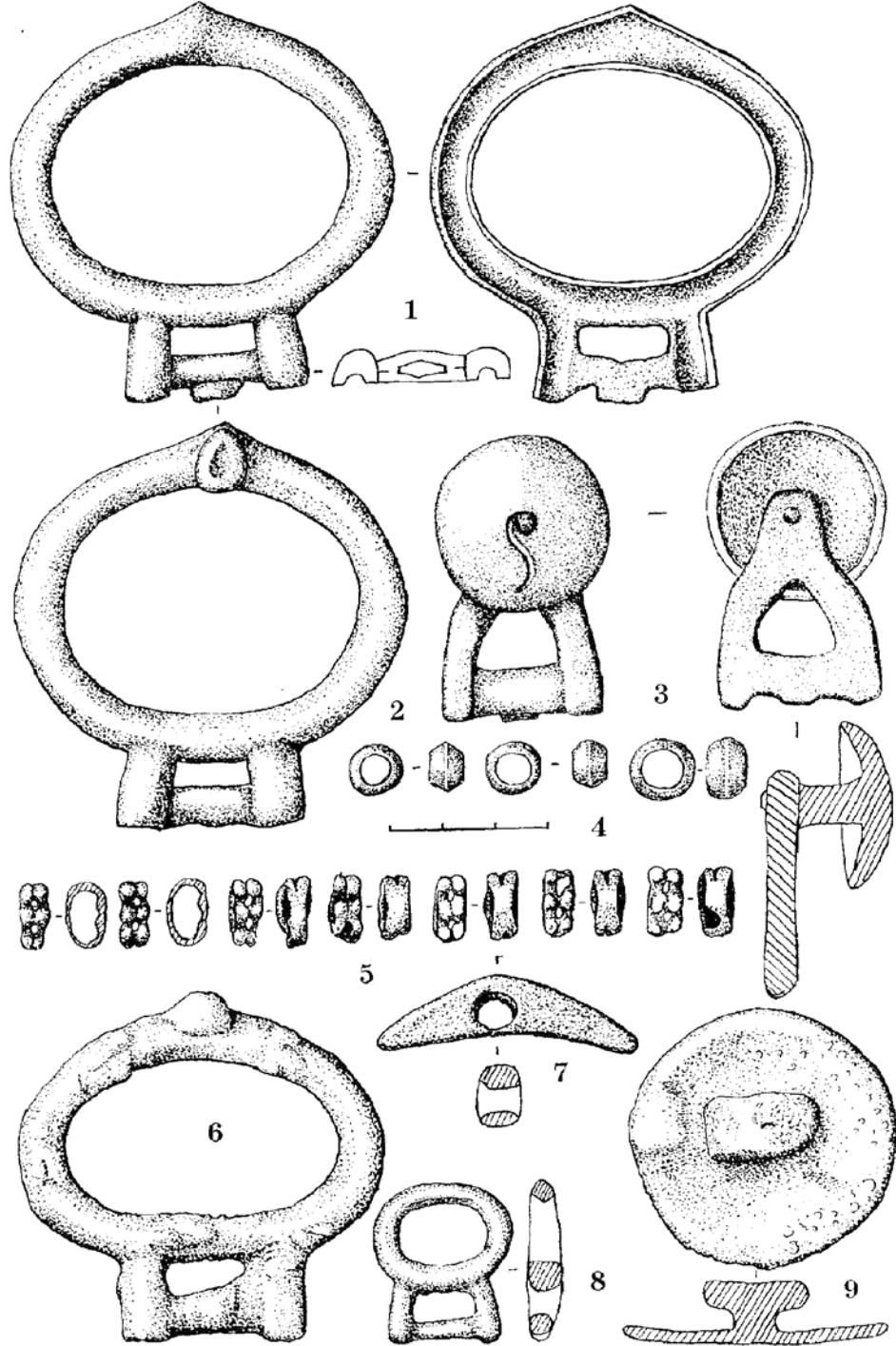

Рис. 55.

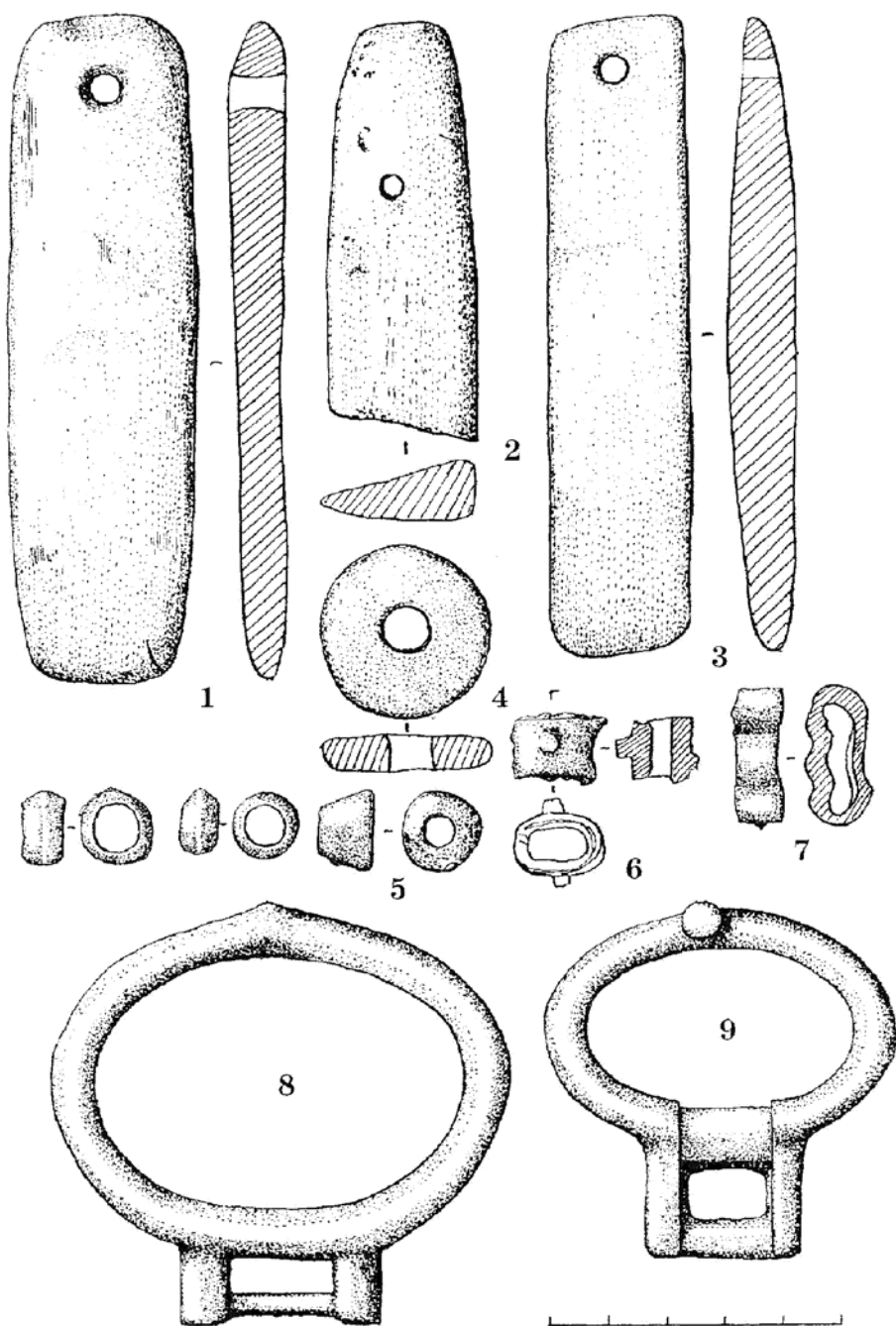
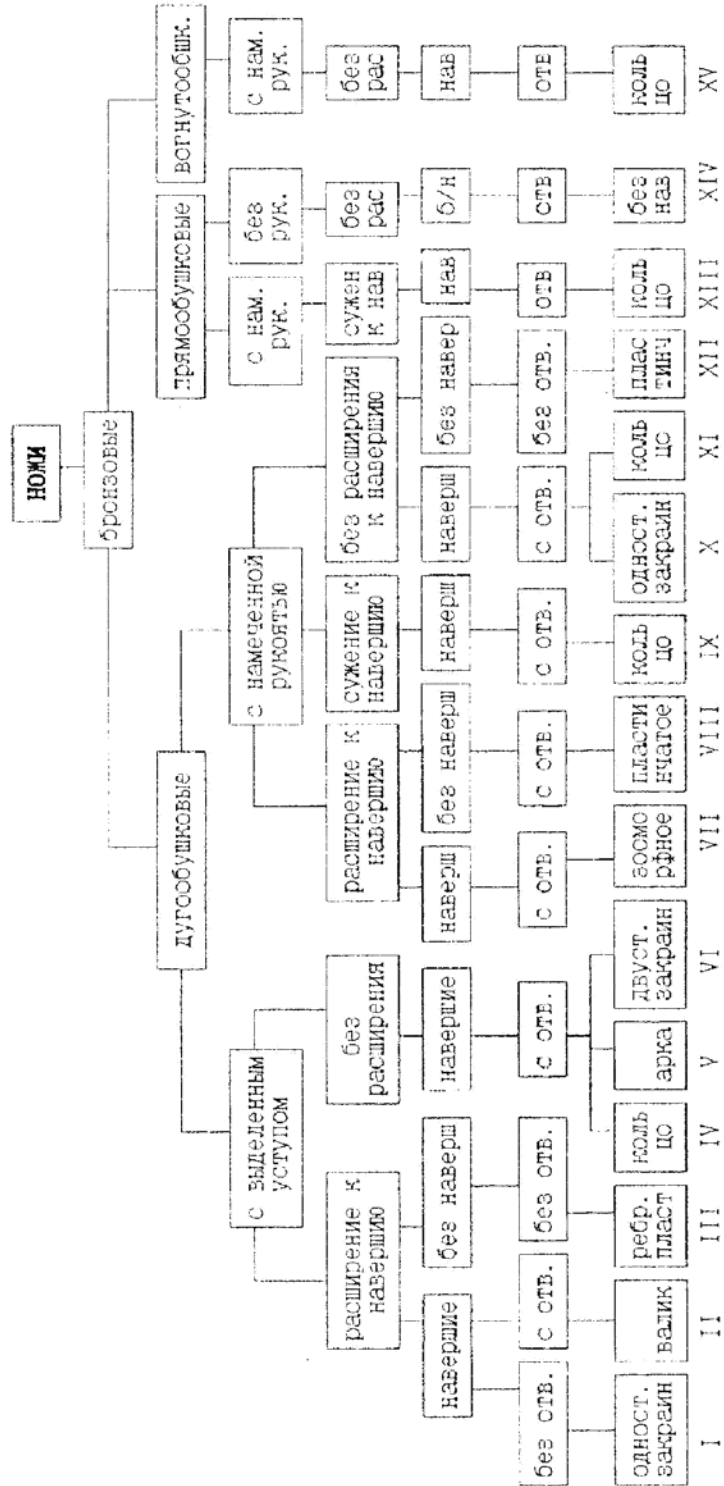

Рис. 56.

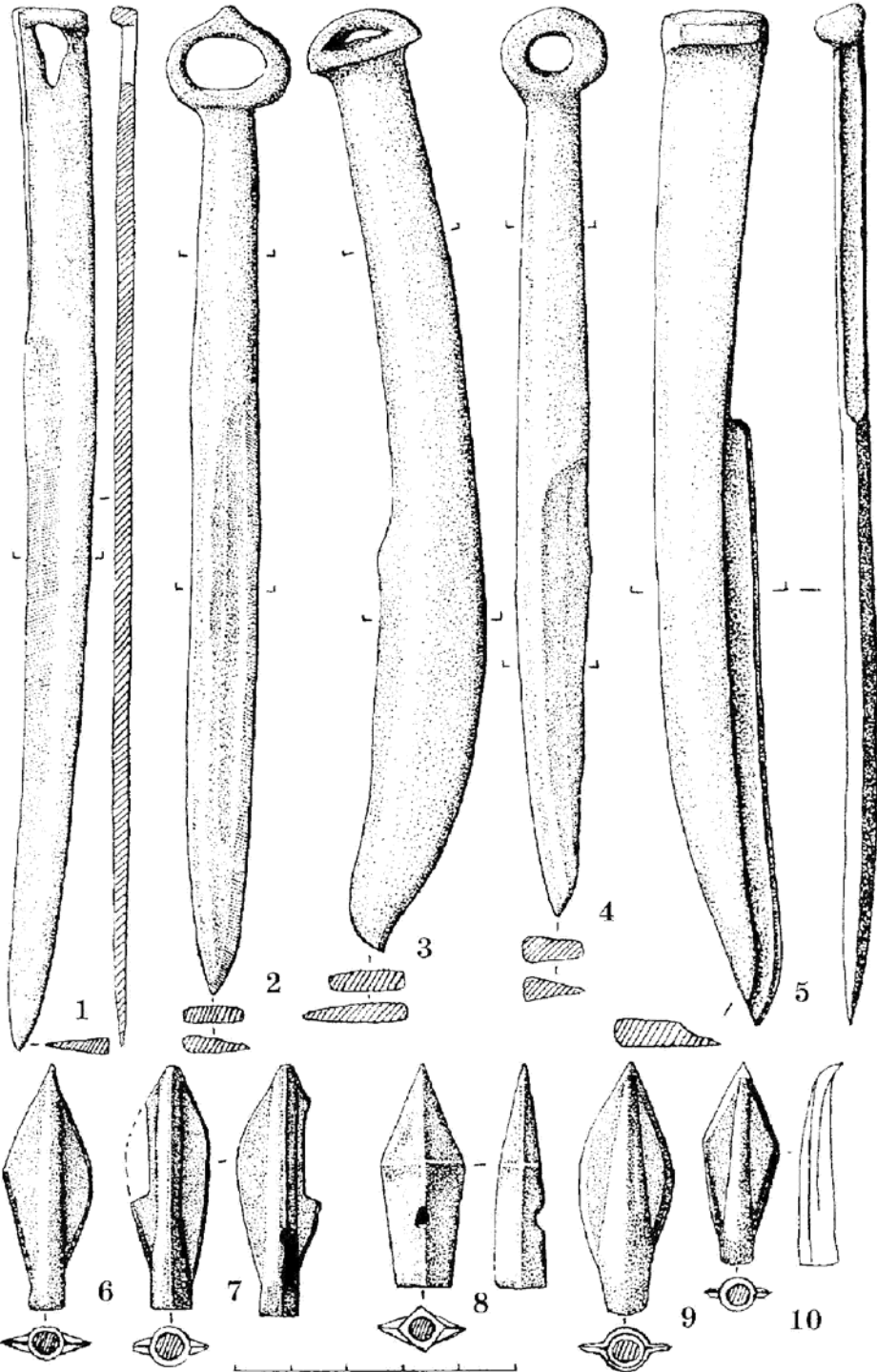

Рис. 58.

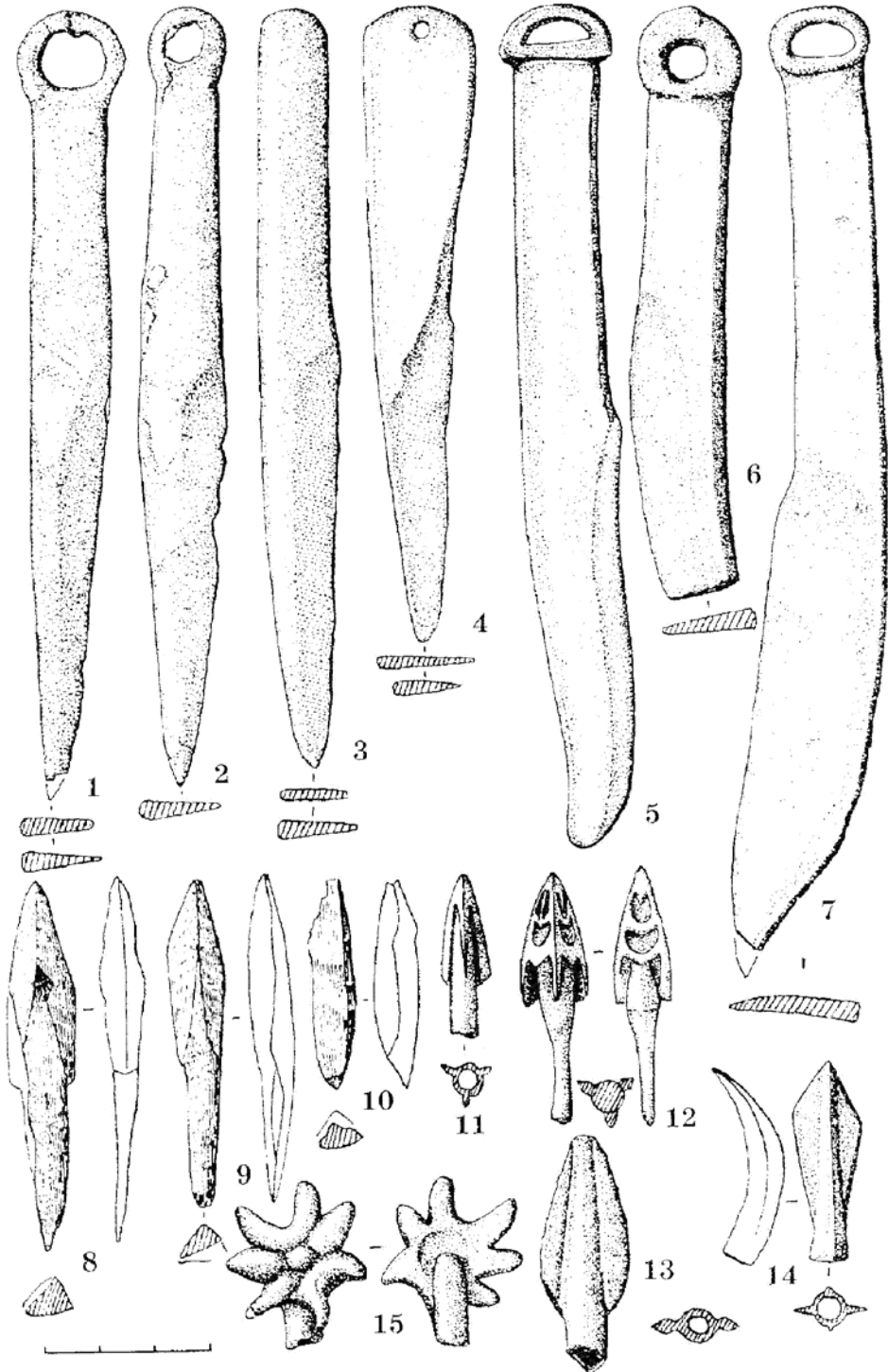

Рис. 59.

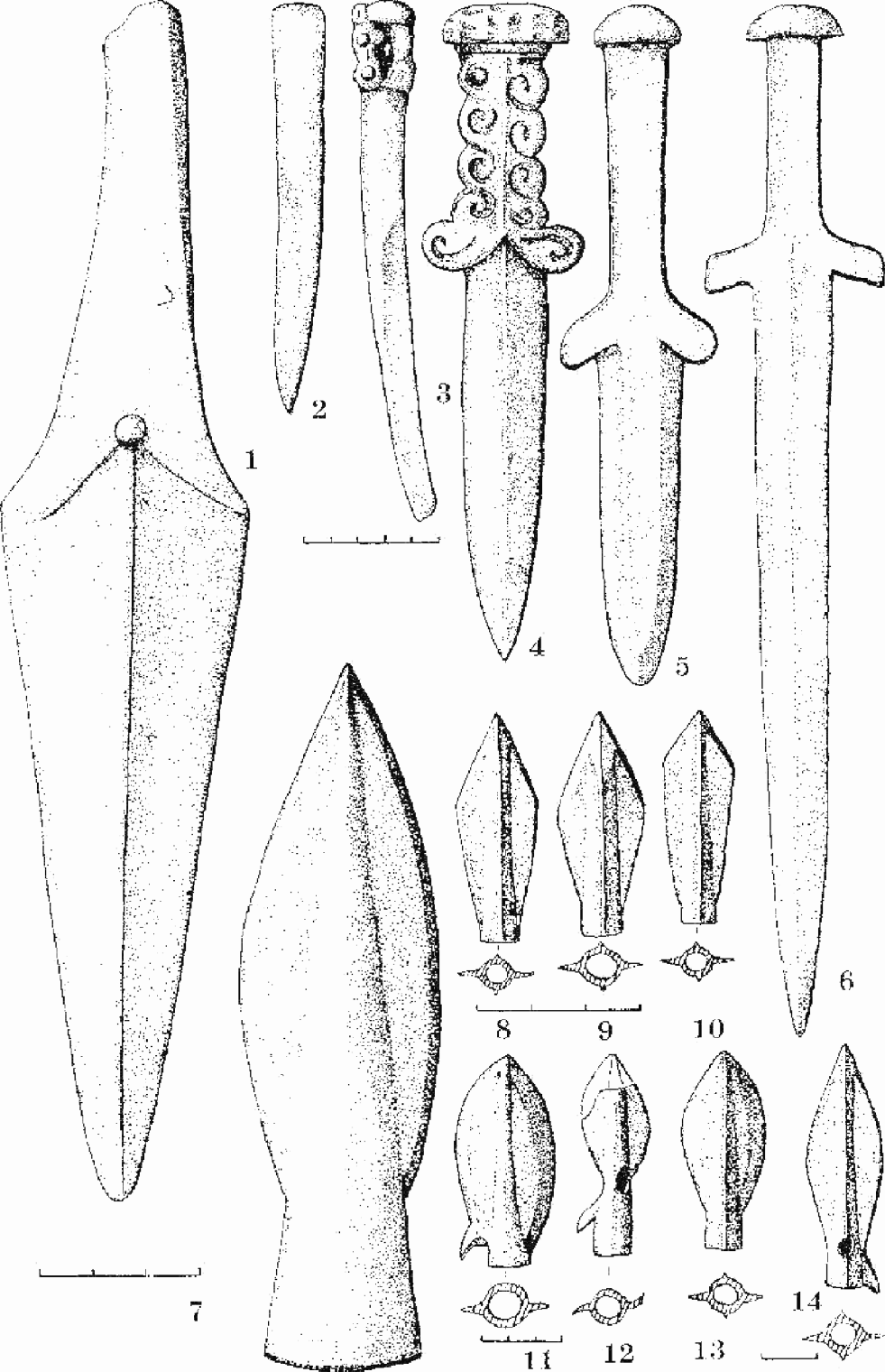

Рис. 60.

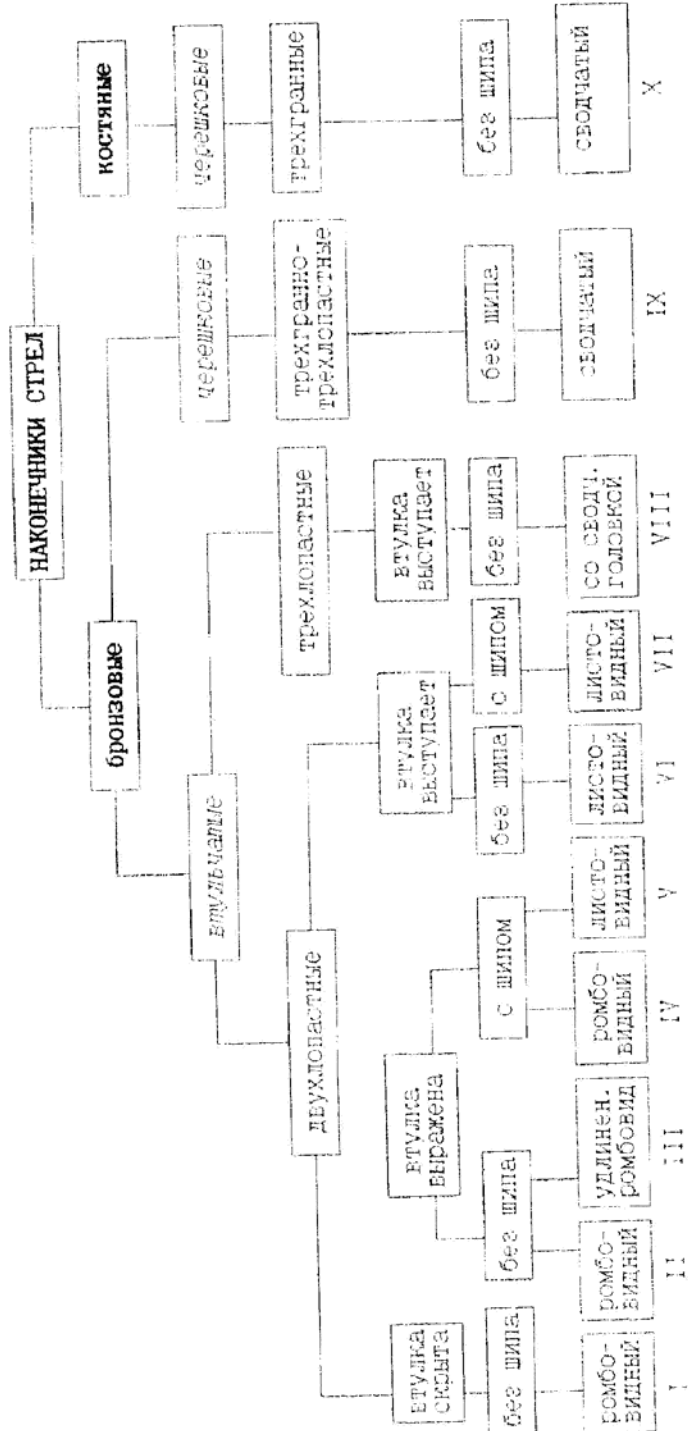

Рис. 61.

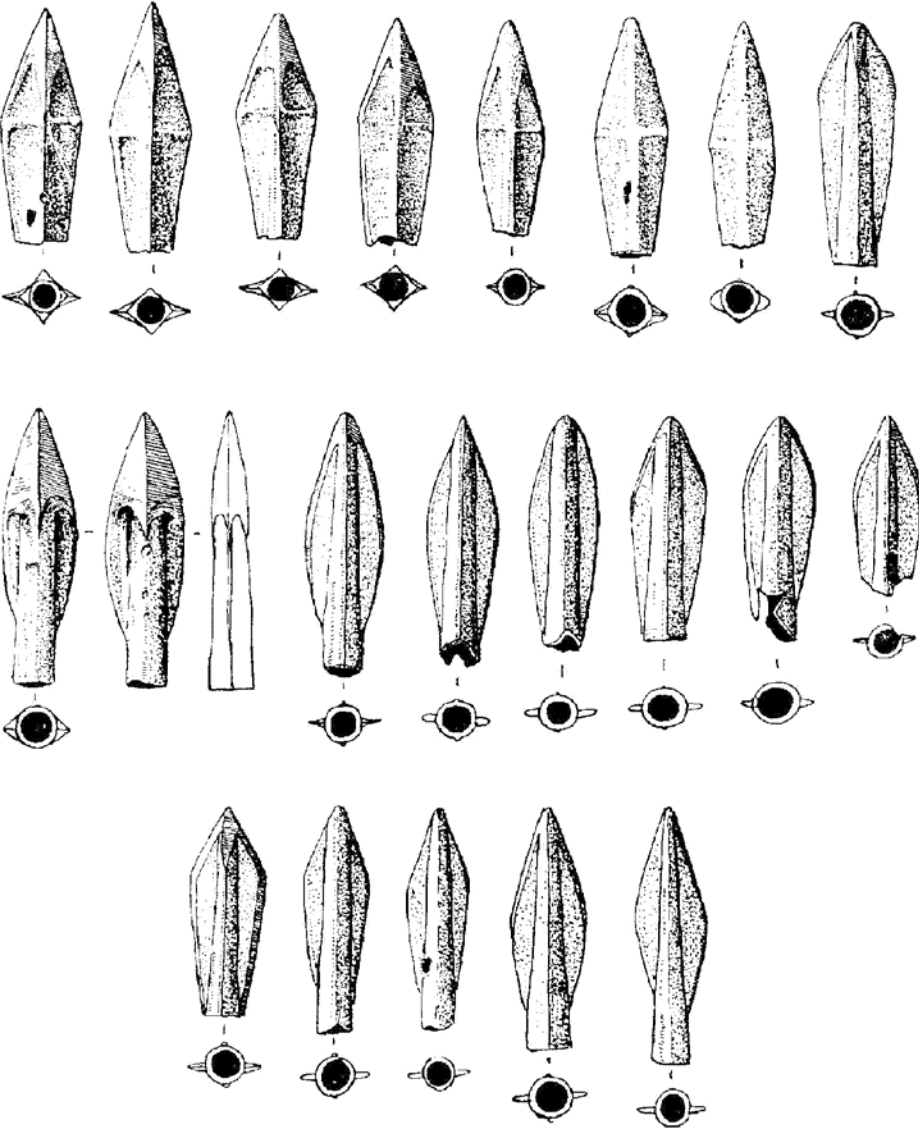

Рис. 62.

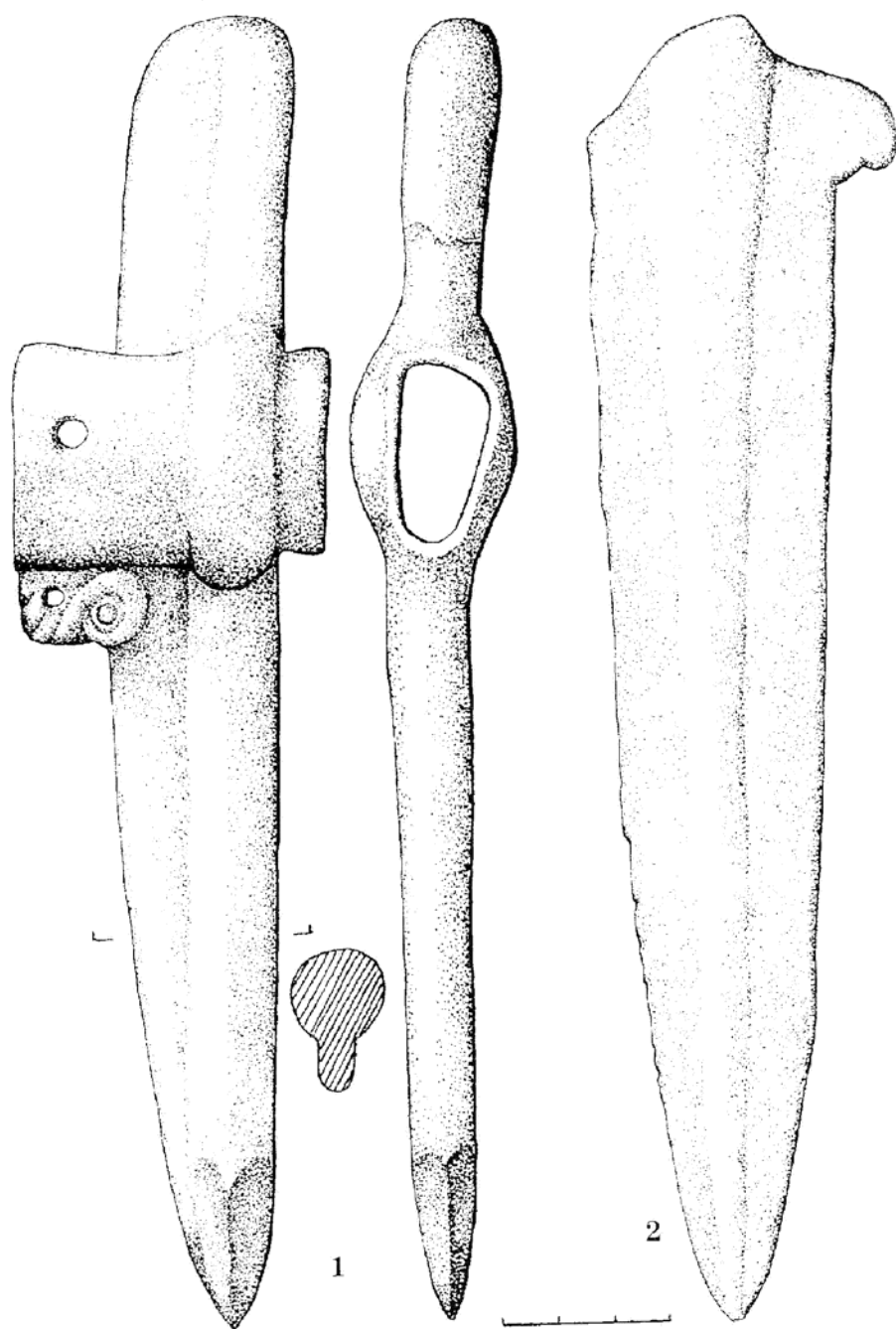

Рис. 63.

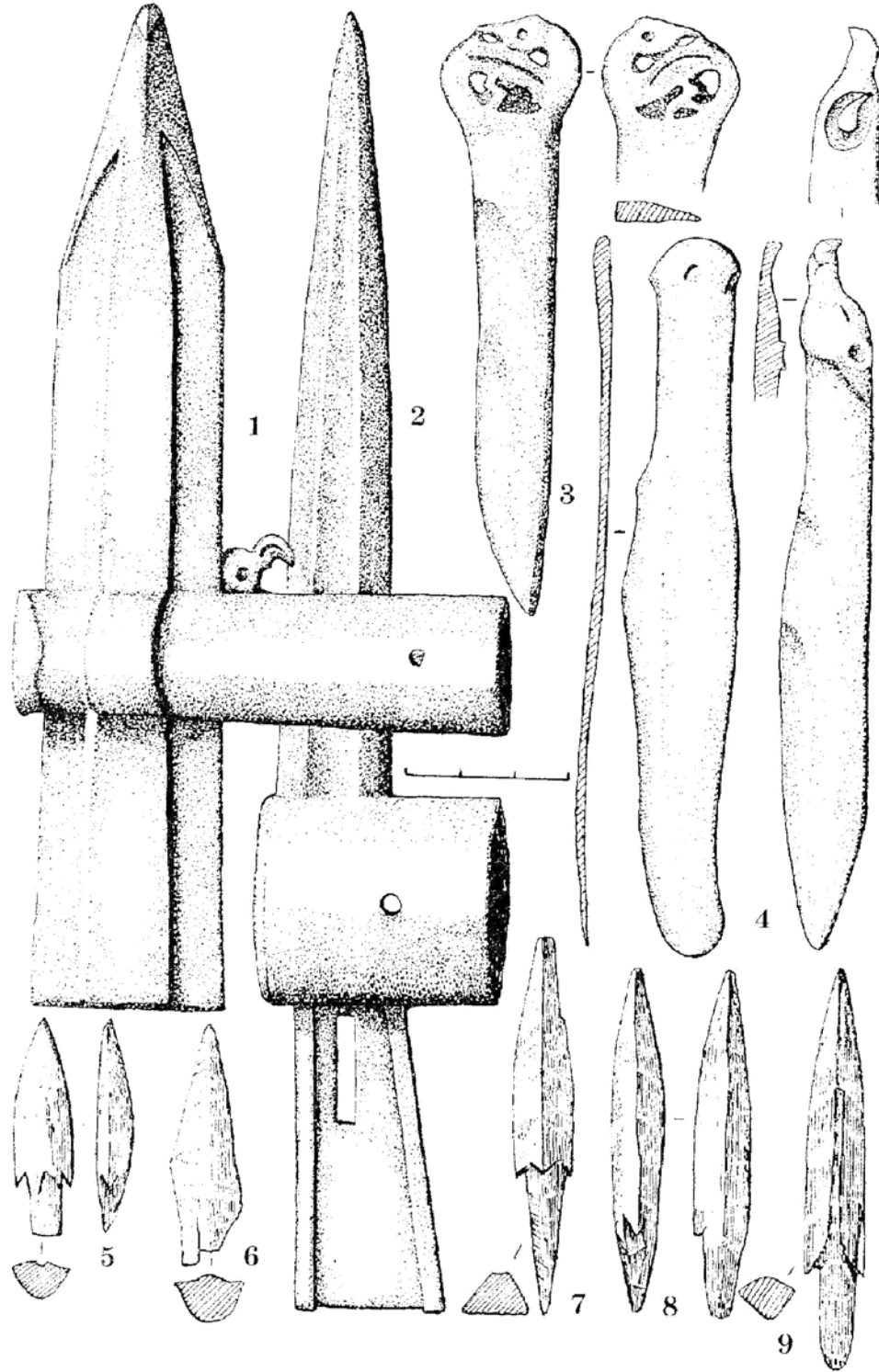

Рис. 64.

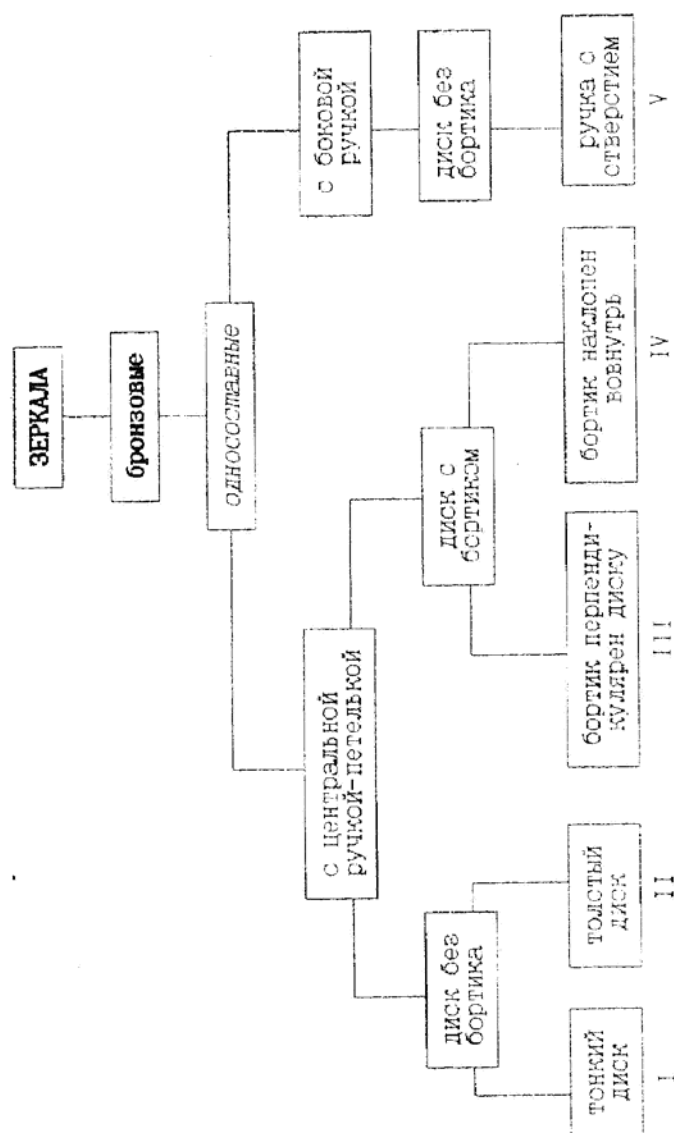

Рис. 65.

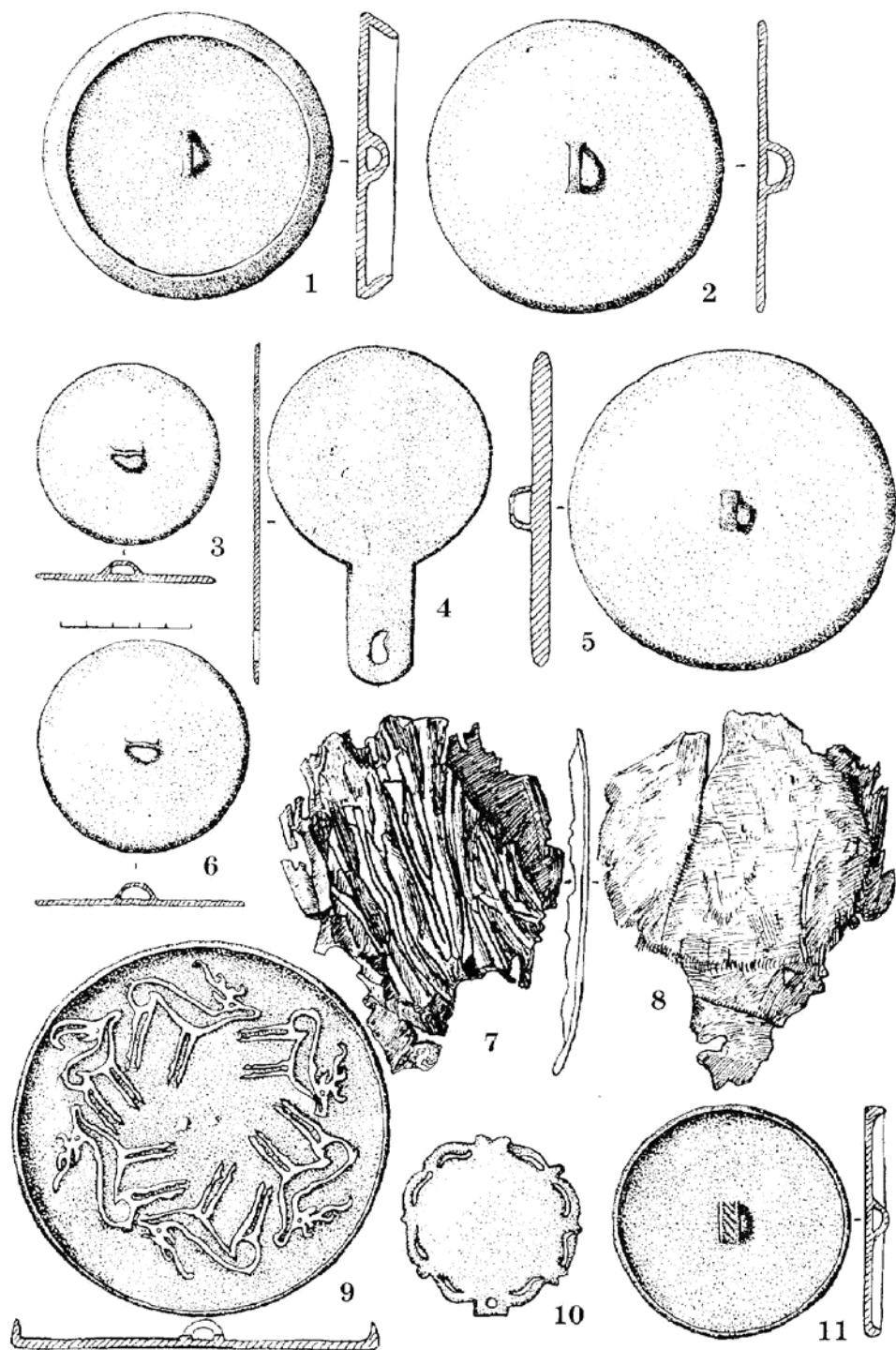

Рис. 66.

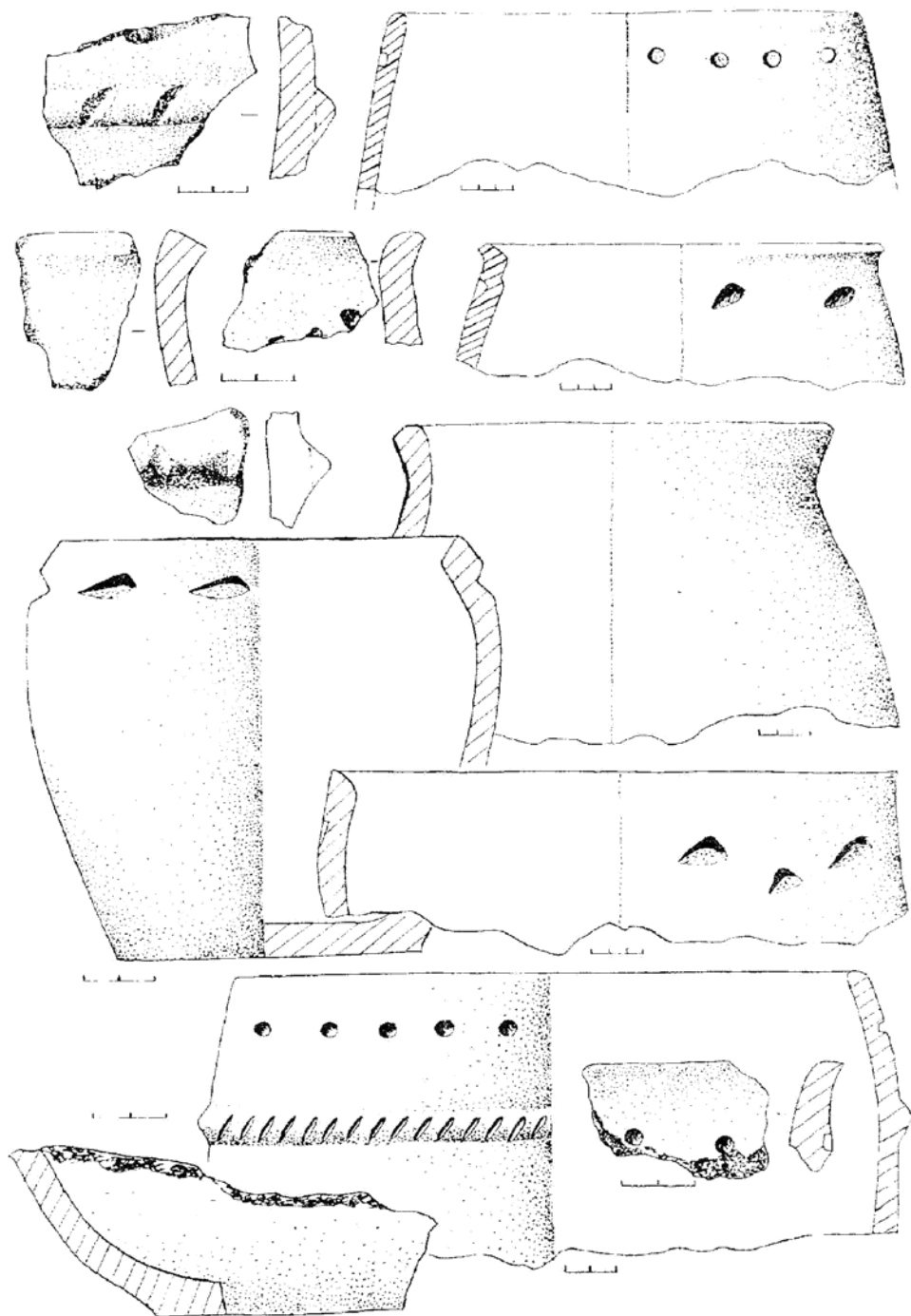

Рис. 67.

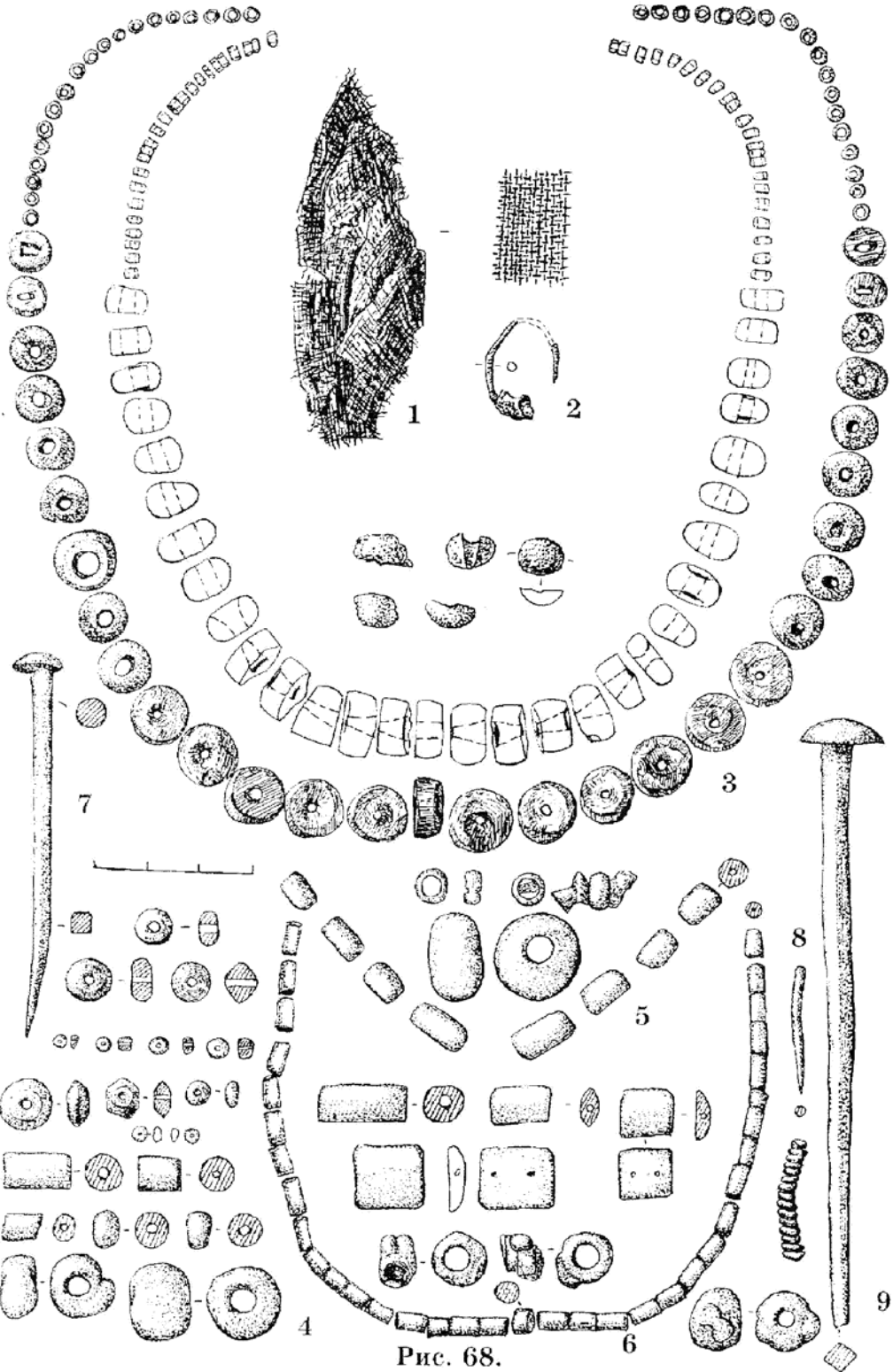

Рис. 68.

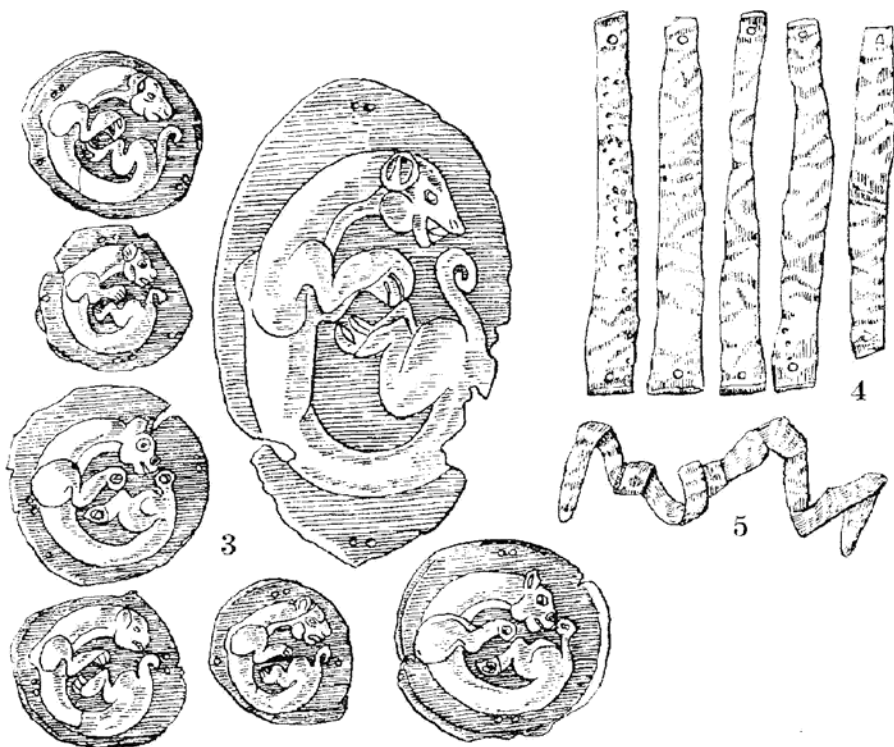
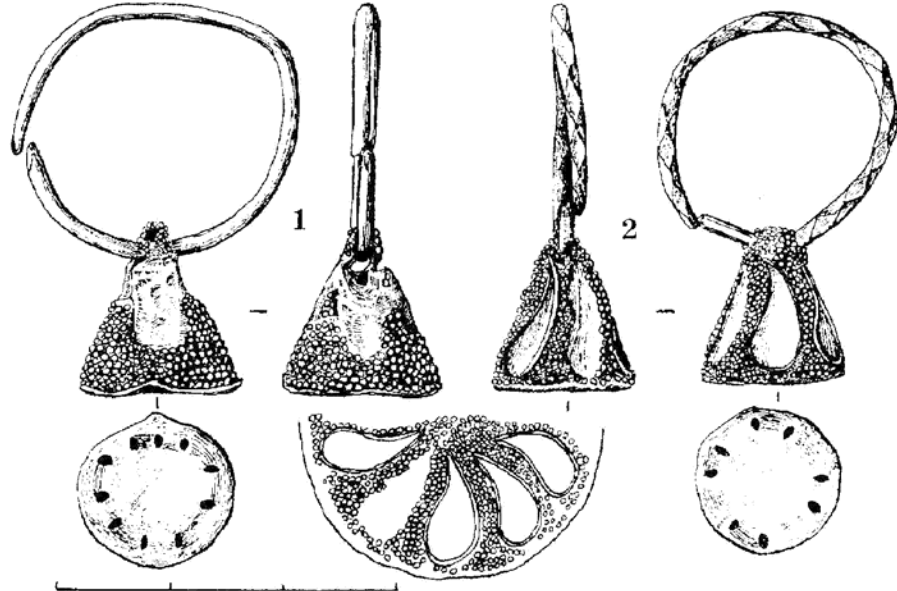

Рис. 69.

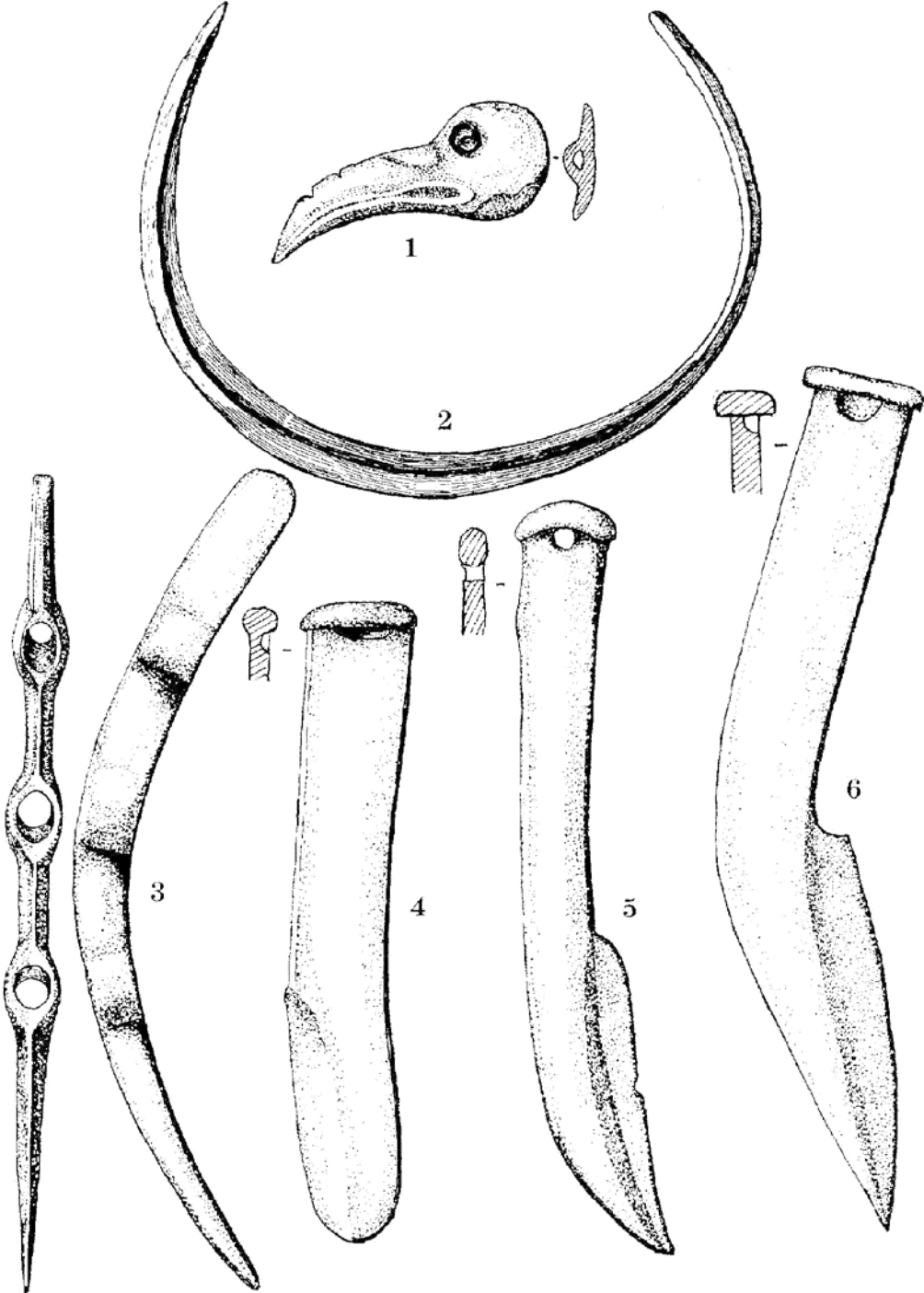

Рис. 70.

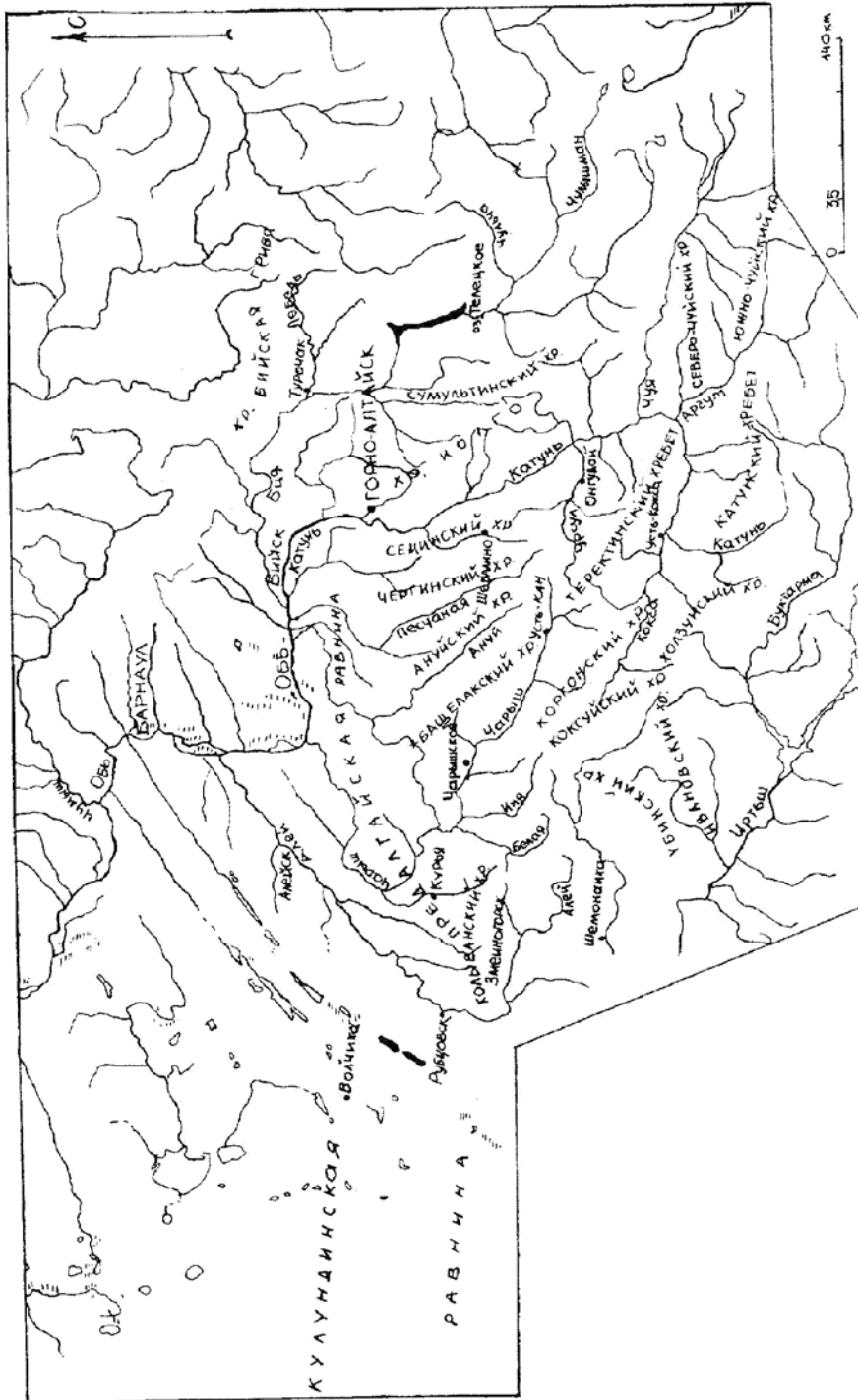

Рис. 71.

Рис. 1. Карта-схема расположения раскопанных на Алтае погребальных памятников раннескифского времени (нумерация объектов обозначена в соответствии с порядком их описания в главе II настоящей монографии).

Рис. 2. Результаты картографирования погребальных памятников раннескифского времени в районе бассейна р.Катунь.

Рис. 3. Тыткескень-I, курган 4. Погребальные сооружения.

Рис. 4. Тыткескень-I, курган 8. Погребальные сооружения.

Рис. 5. Тыткескень-I, курган 9 (1,2,3), курган 10 (4,5,6).

Рис. 6. Тыткескень-I, курган 11. Каменная насыпь и разрез по бровкам.

Рис. 7. Тыткескень-I, курган 11 (1,2), курган 12 (3,4).

Рис. 8. Тыткескень-I, курган 13 (1,2,3), курган 17 (4).

Рис. 9. План расположения курганных могильников Тыткескень-I и Тыткескень-VI.

Рис. 10. Тыткескень-VI, курган 26. 1 — насыпь и разрез кургана; 2 — могила; 3 — бронзовое зеркало; 4 — остатки кожаной сумочки; 5,6 — бронзовые колечки-пронизки; 7 — каменная застёжка; 8 — остатки ткани; 9 — остатки тростниковой подстилки.

Рис. 11. Тыткескень-VI. 1 — курган 55; 2 — фрагмент разреза кольцевой выкладки кургана 56.

Рис. 12. Тыткескень-VI. Курган 55: 1 — фрагмент каменной насыпи со стелой; 2 — каменная стела. Курган 51: 3 — каменный ящик и его разрез.

Рис. 13. Схема классификации погребальных сооружений Алтая раннескифского времени (группа I).

Рис. 14. Схема классификации погребальных сооружений Алтая раннескифского времени (группа II).

Рис. 15. Карасу-II, курган 1 (1) /по: Могильников В.А., 1986а/; Курту-II, кольцо 1 (2) и кольцо 3 (3) /по: Сорокину С.С., 1966б/; Семисарт-I, курган (4) /по: Марсадолову Л.С., 1992/.

Рис. 16. Бойтыгем-II. Курган 6 (1,2), курган 19 (3), курган 2 (4,5) /по: Абдулганеев М.Т., 1994/.

Рис. 17. Бийке. Курган 18 /по: Тишкин А.А., 1996ж/.

Рис. 18. Бийке. Курган 7. /по: Тишкин А.А., 1996ж/.

Рис. 19. Верх-Еланда-I. План расположения могильника (1), курган 2 (2,3) /по: Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990/.

Рис. 20. Верх-Еланда-I, курган 3 (1-3), курган 5 (4-6) /по: Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990/.

Рис. 21. Бийке. Курган 5 /по: Тишкин А.А., 1996ж/.

Рис. 22. Бийке. Курган 4 /по: Тишкин А.А., 1996ж/.

Рис. 23. Чоба-VII. Курган 3 (1) и курган 2 (2,3) /по: Ларин О.В., Суразаков А.С., 1994/.

Рис. 24. Элекмонар-II. Курган 1 (4) и курган 2 (1-3) /по: Степанова Н.Ф., 1996/.

Рис. 25. Бийке. Курган 8 (1) и курган 9 (2) /по: Тишкин А.А., 1996ж/.

Рис. 26. Машенка-I /по: Демин М.А., Шульга П.И., 1995/.

Рис. 27. Бийке. Курган 3. Погребальные сооружения /по: Тишкин А.А., 1996ж/.

Рис. 28. Бийке. Курган 17 (насыпь и разрез) (1) и курган 18 (разрез) (2) /по: Тишкин А.А., 1996ж/.

1996ж/.

Рис. 29. Бийке, курган 17. Погребение человека и захоронение лошади, разрез погребальных камер /по: Тишкин А.А., 1996ж/.

Рис. 30. Усть-Куюм. Курган 9 (1-4), план месторасположения памятника (5) /по: Марсадов Л.С., 1981а/.

Рис. 31. Каменные стелы из курганов могильника Бийке (1 — к.19; 2 — к.20; 3 - 17) /по: Тишкин А.А., 1996ж/.

Рис. 32. Каменная стела из к.24 могильника Бийке (1) /по: Тишкин А.А., Майчиков О.В., 1997/. Оленные камни из кургана Ак-Алаха-II /по: Полосьмак Н.В., 1993/.

Рис. 33. Схема классификации трехдырчатых псалиев.

Рис. 34. Схема классификации дырчато-шпильковых псалиев.

Рис. 35. Трехдырчатые псалии: 1 — Бийке, курган 6 /по: Тишкин А.А., 1996ж/; 2,3 — Усть-Куюм, курган 9 /по: Марсадов Л.С., 1981а/; 4 — Кор-Кобы-I, курган 24 /по: Ларин О.В., Суразаков А.С., 1992/; 5,6 — Элекмонар-II /по: Степанова Н.Ф., 1996/; 7 — Семисарт-I /по: Марсадов Л.С., 1985/.

Рис. 36. Трехдырчатые псалии: 1,2 — Курту-II /по: Сорокин С.С., 1966/; 3,4 — Карбан-I, курган 5 /по: Демин М.А., Гельмелъ Ю.И., 1992/. Детали и украшения конской упряжи из кургана 6 могильника Бийке (5-10) /по: Тишкин А.А., 1996ж/.

Рис. 37. Трехдырчатые псалии: 1 — Карбан-I, курган 26; 2 — Ак-Алаха-II. Детали и украшения конской упряжи из кости и бронзы: 3 — нижний клык кабана, Ак-Алаха-II /по: Полосьмак Н.В., 1993/; 4,5,6 — предметы из раскопок Адрианова А.В. /по: Руденко С.И., 1930/; 7,8,9 и др. — Карбан-I, курган 5 /по: Демин М.А., Гельмелъ Ю.И., 1992/.

Рис. 38. Трехдырчатые псалии: 1-3 (кость, рог) — Елбаны /по: Тишкин А.А., Медникова Э.М., 1993/; 8 (бронза) — Карбан-I, к.5. 7 — бронзовый дырчато-шпильковый псалий, случайная находка из Змеиногорска /по: Aspelin, 1887/; 4-6 — детали и украшения конской узды из кургана 5 могильника Карбан-I /по: Демин М.А., Гельмелъ Ю.И., 1992/; 9,11-13 — бронзовые изделия из Сальдьяра; 10 — бронзовые изделия из Бойтыгема-II /по: Абдулганеев М.Т., 1994/.

Рис. 39. Бронзовые трехдырчатые псалии: 1,2 — Бойтыгем-II /по: Абдулганеев М.Т., 1994/; 8, 9 — Черный Ануй-I /по: Молодин В.И., Петрин В.Т., 1985/. Удила: 3,4,5 — Ак-Алаха-II /по: Полосьмак Н.В., 1993/ и другие изделия из бронзы: 6 — Мельничная гора /по: Бородаев В.Б., 1986а/; 7,11 — из раскопок Адрианова А.В. /по: Руденко С.И., 1930/; 10 — Бойтыгем-II /по: Абдулганеев М.Т., 1994/.

Рис. 40. Элементы конской узды из бронзы: 1,7,9 — Кок-Су, к.42 /по: Сорокин С.С., 1974/; 2 — случайная находка из с.Узнесяз; 3 — случайная находка из Апшуехты /по: Соенов В.И., Эбель А.В., 1995/; 4 — Солонечный Белок /по: Руденко С.И., 1930/; 5 — Межелик-I /раскопки В.А.Кочеева/; 6 — Кызык-Телань-I /раскопки А.С.Суразакова/; 8,9 — Майма-XIX /по: Киреев С.М., 1992/; 10 — случайная находка близ г.Белокуриха.

Рис. 41. Бронзовые У-образные псалии: 1,2 — Солонечный Белок /по: Руденко С.И., 1930/ (рисунки этих и многих других вещей сделаны на основе изображений, данных в публикациях, поэтому не исключены некоторые детальные искажения); 3 — Мельничная гора /по: Aspelin, 1887/; 10 — случайная находка с Алтая /по: Грязнов М.П., 1947/ и другие изделия: 4 — Майэмир; 5 — Тыткескен-I, случайная находка; 6 — Березовка-I (Карамышево); 7,8 — Вакулиха-I /по: Бородаев В.Б., 1993/; 9 — Бойтыгем-II /по: Абдулганеев М.Т., 1994/.

Рис. 42. Бронзовые У-образные псалии: 1,2 — Березовка-I (Карамышево); 3,4 — Суртайка /по: Членова Н.Л., 1994/; 5,6 — Вакулиха-I /по: Бородаев В.Б., 1993/.

Рис. 43. Вакулиха-I. Бронзовые удила и псалии.

Рис. 44. Вакулиха-I. Детали конской сбруи из бронзы.

Рис. 45. Гилевский мост. Детали конской сбруи из бронзы.

Рис. 46. Схема классификации бронзовых удили.

Рис. 47. Бронзовые удила: 1 — Элекмонар-II /по: Степанова Н.Ф., 1996/; 2 — Бийке /по: Тишкин А.А., 1996ж/; 3 — Бойтыгем-II /по: Абдулганеев М.Т., 1994/; 4 — Корболиха-X /по: Могильников В.А., 1991/; 5 — Вакулиха-I /по: Бородаев В.Б., 1993/; 6 — Березовка-I (Карамышево); 7 — Карбан-I /по: Демин М.А., Гельмелъ Ю.И., 1992/; 8 — случайная находка близ с.Гуселетово /по: Ведянин С.Д., Тишкин А.А., 1995/.

Рис. 48. Бронзовые удила: 1 — случайная находка близ с.Фирсово; 2 — Карбан-I /по: Демин М.А., Гельмелъ Ю.И., 1992/; 3 — случайная находка из БКМа; 4 — Суртайка /по: Членова Н.Л., 1994/; 5 — Майэмир /по: Руденко С.И., 1930/; 6 — Черный Ануй-I /по: Молодин В.И., Петрин В.Т., 1985/; 7 — Мельничная гора /по: Бородаев В.Б., 1986а/; 8 — Кок-Су /по: Сорокин С.С., 1974/.

Рис. 49. Бронзовые удила: 1 — Машенка-I /по: Шульга П.И., 1996б/; 2 — Джолин-I /по: Кубарев В.Д., 1991/; 3 — находка с Алтая /по: Грязнов М.П., 1947б/; 4 — находка близ с.Козуль /по: Могильников В.А., 1994б/; 5 — Алагаил /по: Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985/.

Рис. 50. Элементы конской сбруи: 1 — бронзовые удила, находка с Алтая /по: Грязнов М.П., 1947б/; 2 — костяная проноза, Тыткескен-I, курган 11; 3 — трехдырчатый роговой псадий с Алтая, р.Чарыш /по: Шульга П.И., 1996б/; 5 — случайная находка /по: Грязнов М.П., 1947б/.

Рис. 51. Бронзовые изделия конской сбруи из кургана 1 могильника Элекмонар-II (1-5) /по: Степанова Н.Ф., 1996/. Бронзовые пряжки: 6,7 — Бойтыгем-II /по: Абдулганеев М.Т., 1994/; 8 — Сальдяр-I; 14 — случайная находка с Алтая /по: Степная полоса ..., 1992/. Застежки из камня и кости: 9,10 — Денисова пещера /по: Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994/, 11 — изделие из коллекции П.К.Фролова /по: Степная полоса ..., 1992/. 12,13 — подвески из Элекмонара-II /по: Степанова Н.Ф., 1996/.

Рис. 52. Бронзовые пряжки: 1,2 — Березовка-I (Карамышево); 7,8 — Бойтыгем-II /по: Абдулганеев М.Т., 1994/ и другие изделия: 3,4,9 (бронза), 5,6 (кость) — Бойтыгем-II /по: Абдулганеев М.Т., 1994/.

Рис. 53. Классификация подпружных пряжек.

Рис. 54. Бронзовые пряжки: 1,2 — Карбан-I /по: Демин М.А., Гельмелъ Ю.И., 1992/; 3,4 — Кок-Су /по: Сорокин С.С., 1974/; 5 — Солонечный Белок /по: Руденко С.И., 1930/.

Рис. 55. Бронзовые изделия: 1,2,3,4 — Вакулиха-I; 5 — Элекмонар-II /по: Степанова Н.Ф., 1996/; 6-9 — Чесноково-I /по: Шульга П.И., Казаков А.А. и др., 1997/.

Рис. 56. Каменные оселки: 1 — Бойтыгем-II /по: Абдулганеев М.Т., 1994/; 2 — Тыткескен-VI, курган 55; 3 — Солонечный Белок /по: Руденко С.И., 1930/. Каменное пряслице (4) из Березовки-I (Карамышево), остальные бронзовые изделия с Алтая /по: Членова Н.Л., 1995/.

Рис. 57. Схема классификации бронзовых ножей.

Рис. 58. Бронзовые ножи: 1 — Усть-Куом /по: Марсадоллов Л.С., 1981а/; 2,3 — случайные находки с территории северо-западных предгорий Алтая (Новенькое и Новосклюиха); 4 — Березовка-I (Карамышево); 5 — Бийке /по: Тишкин А.А., 1996ж/. Бронзовые наконечники стрел: 6 — случайная находка (Новенькое); 7 — случайная находка у с.Лаптев Лог; 8 — Яломанские ворота /по: Черемисин В.Д., 1993/; 9 — Кор-Кобы-I /по: Ларин О.В., Суразаков А.С., 1992/; 10 — Кызык-Телань /раскопки А.С.Суразакова/.

Рис. 59. Бронзовые ножи: 1-4 — Элекмонар-II /по: Степанова Н.Ф., 1996/; 5,6 — Денисова пещера /по: Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994/; 7 — случайная находка из Апшухты /по: Соенов В.И., Эбель А.В., 1995/. Наконечники стрел: 8-10 (костяные) и 11,12 (бронзовые) — Элекмонар-II /по: Степанова Н.Ф., 1996/; 13 (бронза) — Денисова пещера /по: Деревянко

А.П., Молодин В.И., 1994/; 14 (бронза) — Карасу-П /по: Могильников В.А., 1986а/. Обломок бронзового изделия (15) — Элекмонар-П /по: Степанова Н.Ф., 1996/.

Рис. 60. Бронзовые кинжалы: 1 — случайная находка из Терехты /по: Соенов В.И., Эбель А.В., 1995/; 4 — Шемонаиха, 5 — случайная находка с Алтая /по: Степная полоса ..., 1992/, ножи: 2 — Мельничная гора /по: Бородаев В.Б., 1986а/; 3 — Солонечный Белок /по: Степная полоса ..., 1992/, 7 — наконечник копьа из Змеиногорска /по: Aspelin, 1887/; наконечники стрел: 8, 10 — Тыткескень-VI, курган 56; 9 — поселение Малый Дуган /раскопки Н.Ф.Степановой/; 11-13 — случайные находки из ГАКМ и Ортомлыка /по: Кочеев В.А., 1995/; 14 — случайная находка на р.Карама /по: Ситников С.М., Шульга П.И., 1995/.

Рис. 61. Схема классификации бронзовых и костяных наконечников стрел.

Рис. 62. Бронзовые наконечники стрел из памятника Боровое-III (раскопки А.Л.Кунгурова).

Рис. 63. Бронзовый чекан из Новосклюихи; кинжал-меч из Аншуехты /по: Соенов В.И., Эбель А.В., 1995/.

Рис. 64. Бронзовые чеканы из с.Элекмонар (1), из с.Телеутская (2) и ножи из д.Кунгуровой (3), из собрания Н.С.Гуляева (4) /по: Членова Н.Л., 1995/. Костяные наконечники стрел (5-9) из Чесноково-I /по: Шульга П.И., Казаков А.А. и др., 1997/.

Рис. 65. Схема классификации бронзовых зеркал.

Рис. 66. Бронзовые зеркала: 1 — Кызыл-Джар-IX /по: Могильников В.А., 1986а/; 2,3 — Бийке /по: Тишкин А.А., 1996ж/; 4 — Тыткескень-VI, курган 26; 5 — Бойтыгем-II /по: Абдулганеев М.Т., 1994/; 6 — Новосклюиха /по: Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., 1996/; 9 — из коллекции П.К.Фролова, 11 — Солонечный Белок /по: Степная полоса ..., 1992/. 7,8 — остатки кожного чехла для бронзового зеркала из кургана 26 могильника Тыткескень-VI.

Рис. 67. Керамика из насыпей курганов раннескифского времени могильника Бийке /по: Тишкин А.А., 1996ж/.

Рис. 68. Украшения и предметы быта раннескифского времени Горного Алтая: 1 (ткань), 2 (бронзовая серьга), 3 (каменные бусы) — Бийке, курган 7 /по: Тишкин А.А., 1996ж/; 4,8 (бусы и другие изделия) — Карбан-I /по: Демин М.А., Гельмелъ Ю.И., 1992/; 5 (бусы из камня) — Бийке, курган 15 /по: Тишкин А.А., 1996ж/; 7 — (бронзовый гвоздь) — Ак-Алаха-II /по: Полосьмак Н.В., 1993/.

Рис. 69. Изделия из золота: 1,2 — Бойтыгем-II /по: Абдулганеев М.Т., 1994/; 3 — Майэ-мир /по: Степная полоса ..., 1992/; 4 — Ак-Алаха-II /по: Полосьмак Н.В., 1993/; 5 — Карбан-I /по: Демин М.А., Гельмелъ Ю.И., 1992/.

Рис. 70. Различные находки раннескифского времени с Алтая: 1 (бронза, золото) — Майэ-мир /по: Степная полоса ..., 1992/; 2 (золото) — Карбан-I /по: Демин М.А., Гельмелъ Ю.И., 1992/; 3 — находка бронзового псаля с Алтая /по: Грязнов М.П., 1947б/; 4,5,6 — случайные находки бронзовых ножей: близ с.Ябоган, с.Мендур-Соккон /по: Кочеев В.А., 1986/ и с.Улус-Черга /по: Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков В.Х., 1982/.

Рис. 71. Орографические особенности территории Алтая.

Y.F.Kiryushin A.A.Tishkin

SCYTHIAN EPOCH IN MOUNTAIN ALTAY CULTURE OF THE POPULATION IN EARLY SCYTHIAN TIME

*The preparation and edition of this book is carried out with financial support
of Russian Humanitarian Scientific Fund (projekt № 96-01-16228)*

INTRODUCTION

Each step of ancient history leaves various material results that reached us in form of archaeological sites, research and study of which allows to reconstruct different sides of culture of the population that lived in the certain time and place. Thus it is necessary to take into account dialectics of integration and differentiation processes that took place in human groups. It is important to have a sufficient database to make possible the reflection of the real forms of social, spiritual and economic activity of people.

The question about culture of the population of Mountain Altay in Early Scythian time was put repeatedly, however insignificant quantity of materials available at that time did not allow the researchers to present in necessary volume the level of its social development at the investigated stage. It did not prevent scientists from quite a number of cultural-chronological conceptions, but their main weak point was poor reflection of factual material. Such approach complicated the understanding of cultural processes that took place in real life, especially after reception of new materials and data about Early Scythian epoch in Altay. Therefore contradictions and unsolved problems appeared while interpreting the increased sources.

The topicality of this monographic research consists, first of all, in filling the culture of the population of Early Scythian time in Mountain Altay and Northwest foothills by concrete mass material, that enables to reflect various sides of existence and development of the society and its activity. Besides the data gathered in the last decade as a result of large-scale archaeological excavations require summarizing of researches in view of all former investigations, but on higher methodical level and considering study and interpretation of sources. It will lay the foundation for further studies and a more detailed development of the presented directions of interpreting the material of a major and little studied period of ancient history in Altay which territory represented an original cultural-economic area in Early Scythian time.

The main purpose of the work demanded to solve a number of problems, connected with the stages of generalizing archaeological research. More than 150-year history of studying Altay archaeological sites was considered in detail to determine a circle of sources, and also to present and analyse all the known cultural-chronological conceptions and the most important foundations of some researches. Besides we purposed to consider the role of M.P. Gryaznov, S.I. Rudenko, S.V. Kiselev and other researchers of Soviet period in formation of scientific views about Scythian culture in Siberia, thus precisely determining the sources of the basic directions of archaeological analysis.

On the basis of the most numerous sites (barrow cemeteries) the most effective approach of their study was developed to receive the necessary information for further interpretations. The main difficulty was that a lot of graves of Early Scythian epoch were destroyed. In this connection, the researched graves appeared to be the most significant and their classification served as a platform for fulfilment of one of the most important problems of our research -- reconstruction of funeral rite of Early Scythian time in Altay, its peculiarities and comparison with other funeral ceremonies in the nearest chronological and territorial borders. The semantics of interment complexes also has a place in the monography.

The most precise chronological parameters are the forms of goods used in the epoch. For their analysis

maximum quantity of objects accessible to the authors were involved. While analysing from all sides the goods of Early Scythian time we used the experience of our predecessors, as well as the modern classification systems of mass material analysis. Among the found products the most important are parts of saddle horse harness, as they determine the epoch and chronological borders.

The territorial frameworks of our research are determined by the fixed archaeological sites of Early Scythian epoch in Altay. However the borders are not rigid, they can be changed in future. Chronologically our research is determined by wide borders of the IXth — VIth centuries BC.

The monography in sphere of study and interpretation of sources is based on the results of excavations made by the authors during several field seasons from 1988 till 1994 on 4 barrow cemeteries (Biike, Titkesken-I, VI, Berezovka-I (Karamyshevo)) and one settlement (Sary-Bel), and also materials of more than 200 burial buildings, received from 41 barrow cemeteries and other archaeological objects investigated by M.T.Abdulganeev, A.V. Adrianov, Y.P.Alekhin, E.M.Bers, V.B.Borodaev, M.A.Demin, V.A.Kocheev, V.D.Kubarev, O.V.Larin, L.S.Marsadolov, V.A.Mogilnikov, V.A.Posrednikov, S.S.Sorokin, G.P.Sosnovskii, N.F.Stepanova, A.S.Surasakov, P.I.Shulga and some others. Besides, we used the data on excavations of settlements, materials from museum collections, archival documents, and the reports about field researches stored in various establishments of the following cities: Moscow, St.-Petersburg, Novosibirsk, Barnaul, Biisk, Gorno-Altaysk, Rubtsovsk, Zmeinogorsk. A certain group is made by materials published in different years.

The techniques of the research included traditional archaeological approaches: mapping, study of barrow cemeteries planigraphy, analysis and classification of material complex and burial buildings, method of dated analogies, comparison of the received data, some statistical methods and others. We also used various data based on osteological determinations of animals carried out by Galchenko, on use of sex-and-age parameters made by Kim, on results of technological analysis of ceramics made by Stepanova, study of analyses of ancient fabrics described by E.A.Mikolaichuk and T.N.Glushkova, on mineralogical definitions by G.Y.Baryshnikov, Y.L.Dzagoeva, N.N.Devnina, on researches by Y.N.Barmintsev, V.O.Vitt, V.I.Tsalkin about ancient and modern horses, on geographical characteristics, ethnological observations, paleoclimatic reconstructions and etc.. We must separately note S.S.Tur's work on study and interpretation of paleoanthropological material of Early Scythian epoch in Altay.

Chapter I

Research History of Archaeological Sites of Scythian Epoch in Mountain Altay

In this chapter stages of archaeological sites discoveries in Altay and the evolution of the cultural-chronological problems of the researched theme are presented.

The first paragraph reflects pre-revolutionary finds and results of excavations. The most detailed descriptions of the barrow on Melnichnaya Mountain near Zmeinogorsk excavated by a mountain engineer A.Ostermeir in the beginning of the 40's in XIX century were made for the first time. The activity and publications of the known researchers, such as I.R.Aspelin, V.V.Radlov, V.M.Florinskii, and also researchers of local lore, history and economy — S.I. and N.S.Gulyaev are considered. A special place in the monography is given to A.V.Adrianov's work in Altay.

The second paragraph is given up to archaeological reseach of material culture of the Altay population of the IX-VI th centuries B.C in Soviet time (1920-1970-s). The activity and the conceptions of S.I.Rudenko, M.P.Gryaznov, S.V.Kiselev, S.S.Sorokin are presented in detail. The works by G.P.Sosnovskii and E.M.Bers on the Ust-Kujum burial ground are marked as well.

The third paragraph reflects a new stage in accumulation and interpretation of archaeological material of Early Scythian time in Altay. It was connected with activity of the whole group of the researchers who carried out inspections and excavations of the sites of the studied historical period since the beginning of the 1980-s. L.S.Marsadolov, M.T.Abdulganeev, V.B.Borodaev, M.A.Demin, V.A.Kocheev, V.D.Kubarev, V.A.Mogilnikov, N.F.Stepanova, N.A.Bokovenko, A.S.Surasakov, P.I.Shulga and some other archaeologists presented new data on culture of Early Scythian epoch.

Summorizing the history of study of archaeological sites in Altay, we can determine three basic stages of accumulation and understanding of the materials of the named epoch.

The 1-st stage (from the beginning of the XIXth up to the beginning of the XXth century) is characterized

by activity of old time lovers (A.B.Ostermeier, V.M.Popov and others), local lore, history and economy-researchers (S.I.Gulyaev, N.S.Gulyaev, A.V.Adrianov and others), the known scientist V.V.Radlov, creation of the Barnaul Museum (1823), which became a place where archaeological data were accumulated and stored. As a result various finds were fixed, the barrow on Melnichnaya Mountain was excavated, the researches in the Upper Bukhtarma and other places of Western Altay were made. A part of found things and the results of the researches were published /Aspelin, 1877; Adrianov, 1916/. V.V.Radlov singled out four chronological epochs in material culture of ancient aborigines of Siberia. All this served to wake up interest for Altay, to form scientific conceptions and directions of work for the researchers in Soviet time.

The 2-nd stage is historically divided into two periods: from the beginning of the 20-s of our century up to the beginning of the Great Patriotic war and from 1945 up to the end of the 70's. These periods are connected with activity of such known scientists, as S.I.Rudenko, M.P.Gryaznov, S.V.Kiselev, S.S.Sorokin and others, it is characterized by significant archaeological discoveries, development of basic cultural-chronological conceptions, edition of generalizing monographies and a great number of articles. The works by M.P.Gryaznov were very important in developing the conceptions about early stages of Scythian culture in Siberia. At that stage a few directions of archaeological study of material remains of the ancient population of the region were founded.

The 3-rd stage is from the beginning of the 80's up to the present time. It is characterized by increasing volume of archaeological sources of the researched epoch, appearing of a number of cultural-chronological conceptions of existence of Scythian culture in Altay, some of them continue the previous developments of the leading researchers, but in a different interpretation /Marsadolov, 1985; Mogilnikov, 1986, etc. /, and some found other approaches to understand the received excavation results /Stepanova, 1986; Kocheev, 1992 etc. /. The amount of information and finds from northwest foothills of Altay was significantly increased. The professional level of archaeologists grew up. The complex approach in archaeological researches and at interpretation of the received results became a tradition.

Chapter II

Early Scythian Sites of the (IX) VIII-VIth centuries in Mountain Altay

In this chapter the description of sources of the monography is briefly submitted: barrow cemeteries (Agaphonov Log-III, Airydash-I,IV, Alagail and Baratal, Ak-Alakha-II, Berezovka-I (Karamyshevo), Biike, Boitygem-II, Bolshoi Yaloman-I, Verkh-Yelanda-I, Verkhniy Teltekhmen-IV, Kara-Koba-II, Karasu-I,II, Karban-I, Ker-Kechu, Kok-Su-I, Kor-Koby-I, Kosh-Tal-I, Kurai-III, Kurtu-II, Kysyk-Telan-I, Kyzyl-Jar-IX, Maiemir, Mashenka-I, Melnichnaya Gora, Nizhnii Tobotoi-I, Nizhnii Tyumechin, Partizanskaya Katushka, Pervii Mezhelik, Peschanaya-I, Pokrovskii Log-IV, Saldyar-I,II, Semisart-I, Solontchnii Belok, Togus Khan-I,IV, Tytkesken-I,VI, Us-Kuyum, Chernii Anui, Chesnokovo-I, Choba-VII, Elekmonar-II, Yalonskiye Vorota, sites, caves, chance finds, small settlement material.

Chapter III

Funeral Rite of the Population of Mountain Altay in Early Scythian Epoch

At study of archaeological sites in Altay the researchers, frequently, meet the problem of severe destructions of the sites, which prevents from high-grade analysis of funeral rite of that time. In this connection, various burial buildings left untouched, their design, and also the arrangement of barrows on the burial field become the most important source of information. It allows not only to restore a number of lost elements of the funeral rite resulting from comparison of investigated objects of the same epoch and on the same barrow, but also to reconstruct other (economical, social, ideological and etc.) parts of culture of the population of the studied ancient epoch.

Burial buildings, considered as the form of closed space for the dead person, are relatively steady attribute of funeral rite of certain people. The form of a burial building, in opinion of V.S.Olkhovskii /1991, p.16/, is much determined by prevailing religious-mythological conception and the influence of natural environment. Besides, to our mind, other sides of people's life influenced the form of burial building, among which a certain economic type had a significant influence on the character of the social-economic relations and mentality of social-kindred formations. We must not exclude the importance of practical possession of skills and methods of

various constructions (especially, dwellings), the skill to use and process necessary materials for the arrangement of burials. A significant role is played by organization of all burial processes, where the attitude to the dead based on traditional connections between the generations was reflected. Focusing on these facts a number of cultural peculiarities of the population, whose history we investigate by material remains can be more fully understood.

In the first paragraph of this chapter the types of burial buildings of the IX-VIth centuries B.C are presented. A detailed classification of burial buildings (BB) of Early Scythian epoch is an untouched sphere. However in a number of works there were some directions and basic characteristics of division or grouping of the investigated sites /Marsadolov, 1985, pp.11-12; Stepanova, 1986, p.80; Bokovenko, 1986; Kocheev, 1992, p.51/. The problem of the research consisted in putting in order the available information about the excavated barrows and considering in detail the parts of reconstructed funeral rite with their further interpretation. The study of existed traditions is impossible without comparisons. Therefore there must be a classification to reflect the most essential features and details of constructive peculiarities of BBs of Early Scythian epoch, to show their origin and traditions of construction, a classification that could be universal and would allow to use it at further accumulation of materials. For creation of such classification we used theoretical and practical works of some researchers /Gryaznov, 1969; Klein, 1991; Kyzlasov, 1983; Neverov, 1992 etc./. Each classificational unit included the characteristic of attributes depending on the degrees of their universality for the chosen category. To reveal the forms of BB the criteria determining the relations of the most significant and fixed attributes of inner barrow constructions were worked out, which characterize the investigated burials of the studied interval of time. It allowed to carry out taxonomical grouping, based on construction of precisely differentiated features in hierarchy of indicative levels and as a result of that the most complete description of BB of the epoch was presented. The analysis is based on the research of 163 barrows fixed on 35 burial grounds. Some graves were not analysed as they had not the complete set of the necessary parameters. As a result of the classificational work 33 forms of BB of Early Scythian epoch in Altay were revealed, and on their basis general characteristics of funeral rite parts were given.

The differences in traditions of BB constructions of Early Scythian epoch in Altay are connected with chronological reasons, and the ritual peculiarities of specific local-territorial groups of the population. Besides we can not exclude some BBs of other cultures, or constructions built as a result of contacts with different cultures. It is considered that BB variety is a result of weakening of blood relations and strengthening of social relations. Other reasons are not excluded.

In the following paragraph the burial orientation and position of Early Scythian people in Altay are considered. Orientation of the dead people is one of the important attributes of funeral rite. To determine the ancient traditions of cardinal points orientation of the dead people of Early Scythian time in Altay we used the method worked out by V.V. and V.F.Gening /1985, pp.136-152/. The following results were received: orientation of the dead people of Early Scythian time in Altay was based on determination of the cardinal points by the sunrise; the prevailing fixed orientations of the buried people are northwestern and western, it suggests that burial procedures were fulfilled mainly in winter and in spring; one more orientational tradition was discovered; the complex approach applied to the orientation results demands to use the presumable data as well, based on determination of BB directions built for people's and animals' burial; the used technique allows to reveal the basic tradition, characteristic of certain population or group of people, and also to establish the presence of other traditions, or other cultures and other parameters of the examined phenomenon; rather exact fixing of magnetic direction of the cardinal points enables not only to reconstruct the ancient customs, but also to reveal a number of demographic processes and the processes connected with religious and other notions; all the intermediate orientations are seasonal deviations from four cardinal points and cannot be treated as independent /Gening, Gening, 1985, p.152/. Flexed position of the buried predominates. Semantics of such custom is diverse: it imitates an embryo pose in mother's womb, expressing the idea about second revival / of Rybakov, 1987, p.73/, it is similar to «galloping rider»; it reflects sign of worshipping somebody or something (adoration) and others /Shylov, 1995/. Supine position existed alongside with the prevailing flexed. It is considered, that it demonstrates the opposition of one to the other. B.A.Rybakov /1987/ believes, that supine position is connected with dream notions, and presence of things with awakening notions. Fixed positions on left and right sides can be explained by the fact that, for example, many peoples understand the right side as connected with heaven, with light beginning, and the left — with the hereafter world, with chthonic forces /Shylov, 1995/.

p.61/. The received information about sex and age and other paleoanthropological data characterize the people who lived in Altay in Early Scythian time. In the investigated series Mongoloid component prevails, which, in turn, is heterogeneous and includes North-Asia and North-China types. The craniological materials are characterized by prevalence of dolihocranial or dolihomesocranial form of skull. The intact female skull from Mashenka-I burial ground is the brightest example of North China mongoloid type.

The third paragraph of this chapter describes the peculiarities of Early Scythian funeral rite in Altay and contiguous territories. The funeral rite is characterized basing on the most general features revealed during analysis of the material. Semantics of tradition of construction of stone boxes on the level of ancient horizon is interpreted as expression of idea of womb and revival, as association with an egg or a rock, as symbolics of life beyond the grave /Shylov, 1995, pp.504-526/, as imitation of a cradle, a burial vehicle and others. The main supervision is that the ancient people while understanding man's place in the course of natural transformations, realized death as elimination, disappearance of an individual from real life into the other but similar world, where the dead could realize their further existence. Therefore the stone BB must be considered as an opportunity of transition to the other world, as a symbol of a border with the other world and durability of its basis. Thus, the stone boxes are a kind of gates into chthonic underground world, that close after the death of the person. If we look at the investigated burial constructions, this idea has a real reflection and shows the transition from one condition (life on the ground) into the other (life in hereafter world).

The decision of the problem of interpretation of the barrow arrangement on the burial field and their internal arrangement leads to the understating that realization of funeral rites imitated the existed dwellings and the planning of the settlements of certain territorial-local groups of the population.

In this paragraph the peculiarities that are not fixed everywhere during studing of barrows on the researched territory are reflected. Among them there are fixed stelae, balbals, querns, alcoves and others. A special place in the burial grounds is occupied by a form of horse burial and separate parts of its carcass, which can be explained differently: as a gift for the repose of soul, food for the dead, the remnants of the clan meal, supply by a necessary means of conveyance, a personal horse, an imitation of a horse and etc.. Semantics of horse worship is connected with a certain economic type of the epoch, with customs formed by herdsman's life and their ideas about life in the other world where a person must be equipped by everything he/she used to have. Various human burials with a horse were considered as well as found remains of such animals as sheep and goat.

At the end of the chapter the basic regions of localization of Early Scythian population in Altay were determined, ways of migration of groups to different regions, as well as a number of some peculiarities of the examined archaeological sites connected with the found things were pointed out. Besides it was marked, that the most probable base for the fixed funeral rite formation was in the Northwestern regions of Mongolia, close to the border with Tuva and Altay, and then with further migration of culture carriers it accepted the contents, which we notice in different regions of Asia. It is proved by data from investigated sites of the contiguous territories /Volkov, 1965; Novgorodova, 1989; Grach, 1980 etc. /.

Chapter IV

Material Complex of Early Scythian Epoch in Altay

Among the whole complex of the finds the most numerous are the parts of horse harnesses, that are one of the main chronological and cultural parameters of the description of the named epoch. The first paragraph of the chapter is devoted to the horse equipment. In the beginning the previous researches are summed up /Marsadolov, 1985; Bokovenko, 1986/, the approaches to the analysis of the finds' categories are determined, problem of an origin of the term «cheek-piece» and its use is reflected, and then on the basis of the classifications the majority of found parts of harness are analysed.

46 cheek-pieces from more than 20 sites were investigated, they made 16 types, reflecting variety of forms, ways of fastening and the use of the main element of horse equipment with bits and harness belts.

The following category of considered products were bits. General description of bits' design and usage was given. For the analysis 29 whole products and 1 separate part fixed on 20 archaeological sites of Altay were submitted. The whole complex of attributes, describing such a device for management as bits, formed the basis for the classification of this category of things.

All the cases about joint finds of bits and cheek-pieces are considered, the characteristics of harness types in Early Scythian epoch in Altay are designated, and also the stages of their development are briefly submitted. The use of soft bits along with three-hole cheek-pieces of different types, made of horn, reflect the earliest (first) stage. Such variant still existed, when bronze bits became widely used (the second stage), and it did not disappear on the late stages of development of the studied harness parts. The second stage was marked by the combination of bronze bits and horn cheek-pieces and also by separate use of the bronze bits, it was not for long though the development of technology of manufacturing and the introduction of bronze cheek-pieces required certain time. The following stage in harness development was the appearance and usage of special bronze bits and cheek-pieces alongside with traditional kinds of completion. This period is characterized by variety of product forms, ways of their fastening and applications, unification and specialization of the main harness parts. This stage reflected the heyday in development of the examined harness components.

In the first paragraph all available harness components are considered: forehead plates, horse nose ornaments, pendants and many other things. The found quantity of saddle-girth buckles allowed to classify in detail the given category form. The singled out types of saddle-girth gave an opportunity not only to analyze distinctive attributes of the products, but also to determine combinations of pair or separate use.

At the end of the paragraph chronological questions of horse equipment in Altay examined by some researchers /Marsadolov, 1985; Bokovenko, 1986 etc./ are reflected. On the basis of the previous work and on the basis of the analysed material the following spaces of time, reflecting the stated above stages of formation of harness traditions are given: end of the IXth —beginning-middle of the VIIIth century BC; beginning-middle of the VIIIth —VIIth century BC; the VIIth — beginning-middle of the VIth century BC. The suggested conditional division, reflecting the appearance of new features in harness formation can be considered as a continuous epoch phenomenon only in the frameworks of Early Scythian epoch, it was indirectly pointed out by N.A.Bokovenko /1986/ and was reflected on the diagram by L.S.Narsadolov /1985/. The products found in Altay, related to horse equipment find the analogies in Tuva, Kazakhstan and Mongolian sites, and some things are close not only typologically, but also in the details /Stepnaya polosa ..., 1992/.

The second paragraph of the fourth chapter characterizes in detail the fixed tools and arms, among which many things are casual finds or sites. Classification of bronze knives of Early Scythian epoch in Altay after the already worked-out plan, allowed not only to analyze the basic types of things, but also to present the process of change, specialization and variability of attributes on different levels. In this connection the definitions were given to all basic characteristics of such categories of finds as knives: hilt, blade, butt, cutting edge, stop-pidge, point, slant of butt and etc.. Types of knives are singled out, their chronological frameworks, analogies and variants are determined. Attention was paid to other instruments: touchstones, querns and others.

The fact of small number of the found subjects of arms speaks for itself. Alongside with other data it reflects peace penetration and existence of the population of Early Scythian epoch in Altay.

While there were a lot of works, that studied the complex of arms in Early Scythian time the research based on the materials of Mountain Altay only begins. In this connection, the work by G.Y.Ivanov /1995/ is important, where the materials about arms and military business of the territory close to Mountain Altay are reflected.

In the monography the classification of more than 20 arrow heads was submitted. The data on the examined category of products (daggers, chekans and others) were characterized and on its basis the following conclusions were made: a widespread kind of weapon of distant fight was a complex (without bone brackets) bow of small size with arrows, on which there were bronze or bone heads; use of spears and chekans was a rare phenomenon; among the weapon of close fight prevailed daggers and acinaces of various forms (though these products remind or copy Karasuk and Kazakhstan samples, nevertheless they have their originality); an army could be formed from lightly armed riders; weapon is a rather reliable guiding line for the study of communications between peoples living on different territories; peculiarities of mountain relief did not allow to construct military structures; the development of arms is an essential parameter characterizing the culture of the population and certain chronological frameworks of its existence and also the change of the public relations; the whole complex of not numerous finds assumes rather a peaceful living of people in Altay in period from the IXth up to the VIth century BC; the mass finds of Scythian epoch, representing already another level of military business and arms development show the change of the situation in the second part of the VIth — Vth centuries BC.

In the third paragraph the analysis of ceramics, objects of toilet, clothes and ornaments, and also things made in animal style was made. At the research of Early Scythian barrows in Altay there was not found a single ceramic vessel near the dead person in the grave chamber yet. Such situation is commented from different positions and with attraction of the available data. Among the characteristic things, such as objects of toilet, bronze mirrors are rather widespread products of Early Scythian epoch in Altay. The classification of bronze products is submitted, the interpretation of the finds of similar sort is given, analogies, chronological determinations and peculiarities of usage are brought. Besides, the whole group of different things: three-grooves buckles, pendants, earrings, golden products, beads and others, are analysed. As for not numerous images on different things, they are rather peculiar and are results of development of protoscythian (after G.N.Kurochkin) style, arisen in Central Asia.

At the end of the chapter the results of study of material complex of Early Scythian epoch in Altay were briefly summed up.

Chapter V

Economic Activity of the Population of Early Scythian Time in Altay

The analysis of existing natural conditions allows to open many sides of economic activity of the people of Early Scythian epoch, because since that very time the researched regions of Altay have the same geological-geographical characteristics and peculiarities, which are observed now. The first paragraph of the chapter is about this problems. The peculiarity of the examined territory consists, first of all, in its position in the place of joined natural zones with various landscape regions. Altay is an extensive mountain country formed by relief categories of various age and origin. The border of Altay mountains goes from the lower reaches of the Biia to the west in the direction of Zmeinogorsk and then turns to the south-west in the direction of upper reaches of the Irtysh /Kambalov, 1955, p.20/. It is presented both by gradual passages and sharp spurs. Gradual passages are found along all the western and northwestern outskirts of Altay, therefore the border of the mountains can be planned here conditionally /Petrov, 1952, p.167/. The width of the foothills is small and varies from 40 up to 80 kms. On the west the Altay mountains are adjoined by the spurs of Tyan-Shan and the steppe of Kazakhstan, on the north — by Kulunda Steppe, Salair mountain-ridge and Kuznetskii Alatau, on the east — by Western Sayan and mountain systems of Tuva /Sobanskii, 1988, p.6/.

In the surface structure of Mountain Altay the following regularities were marked: prevalence of two directions in extension of the ridges; general increase of heights from the northwest to the south-east; asymmetry of slopes; terraced mountain system, expressed in substitution of low mountains by middle mountains, and then by high mountains. These orographical peculiarities of Altay determined its tectonic structure. The marked regularities allowed to divide Altay into separate areas — Southern, Eastern, Central, Northwestern and Northeastern Altay /Petkevich, 1971, p.46/. Investigated archaeological sites of Early Scythian time were found and investigated, mostly, in Central and Northwestern Altay. The greatest concentration of barrow cemeteries is marked in the Katun basin. From the sources up to the mouth of the Koksa the Katun in a greater part resembles a mountain flow. This site has the name of the Verkhnyaya (Upper) Katun and from ancient times it was poorly populated. A site between the rivers of Koksa and Sumulta has the name of the Srednyaya (Middle) Katun /Kambalov, 1955, p.71/. From the Sumulta the Nizhnyaya (Lower) Katun begins.

In the first paragraph the following was examined: top-soil of Mountain Altay and its foothills, climatic peculiarities, vegetative cover, animal world, useful minerals, results of paleoclimatic researches.

In Central Altay there are several isolated areas — massifs of island steppes. The height of snow cover in winter makes 20-30 cm. Inside the limits of this region climatic contrasts of northern and southern slopes are distinctly expressed. The southern slopes lack moisture owing to their early spring warming up, high summer temperatures, and also quick flows of atmospheric precipitation from the slopes. These conditions prevents normal development of forest and meadow vegetation, but for the herdsmen of Mountain Altay the given circumstance is a positive factor, since on such areas domestic animals in winter and early spring are pastured /Soils of Mountain-Altay Region ..., 1973, p.46/. On the territory of the border between the Middle and Lower Katun, in connection with constant blowing winds, some open sites of steppe terraces of the river valley almost all winter do not have snow cover and in such places cattle is fed. Northern slopes receive most of atmospheric precipitation and almost everywhere are covered by wood and magnificent grassy vegetation.

The variety of natural conditions in Mountain Altay promoted the development of certain kinds of economic activity of the population of Early Scythian epoch.

The second paragraph of this chapter is devoted to cultivation and usage of domestic animals. As materials of excavations testify, the basic animal in the researched time was a horse, which was used not only as food, but also as the basic means of conveyance. Basing on the data, received in course of study of osteological remains of horses from archaeological sites, it is possible to restore and reconstruct many sides of processes of cultivation and operation of these animals by ancient herdsmen, and also to see a picture of individual variability of separate types and individuals /Vitt, 1952; Tsalkin, 1952; Galchenko, Tishkin, 1993 etc. /.

In Early Scythian time in Mountain Altay there existed herd horse-breeding /Tishkin, 1996/. With all the conditions — both natural and biological promoting it. The last fact is reflected in a complex of adaptation and herd reflexes, inherited from wild forbears /Barmintsev, 1958, pp.104-106/. Large expenses are not needed for such kind of horse breeding, therefore the form of horse-breeding that existed in Early Scythian time in Mountain Altay has found its reflection in the subsequent epochs and was kept till now without changes /Yalbakov, Bakhtushkin, 1984/. Herd horse-breeding required a certain organization of all the processes of keeping, feeding and reproduction of the animals. Except horses there were sheep in the economy of the population. There were less opportunities for breeding of such animals as sheep and goats under the open sky in Mountain Altay in comparison with horses. Nevertheless sheep breeding was rather necessary to get raw material used in different kinds of home manufacturing, which gave vitally important materials. For example, only from sheep wool it is possible to make felt /Novgorodova, 1989/. The wool was used for manufacturing of woolen threads of fabrics and etc.. About existence and breeding of goats, and also of cows we can only guess.

The analysis of materials from burial complexes of barrow cemeteries and settlements enables to characterize the economic activity of the population using the investigated sites of Early Scythian epoch. It is doubtless, that the basic occupation was cattle-breeding, that suggests a mobile mode image of life. In this case the type of economy can be defined as considering height-geographical zones of the mountains, characteristic of Altay, Tuva, Tyan-Shan, Pamir — the regions based on cattle breeding adapted to particular ecological conditions of mountains and mountain valleys, based on seasonal migrations /Martynov, 1986/. The economy of the population of Early Scythian epoch in Mountain Altay had a few directions, the main of them was herd horse-breeding with certain traditions of breeding and use of horses. Herdsmen type of economy and its optimum organization allowed to provide the guarantee of worthy existence of the people. It promoted increase of population, development of home manufacturing and other occupations, which the third paragraph of the chapter describes.

A special place in home manufacturing, that is processing of raw materials in the same economy which extracts them /Gavrilyuk, 1989/, was occupied by sheep shearing and processing of the wool. For reception of high quality woolen yarn it was necessary to shear sheep in May-June. The samples of ancient fabrics found in the barrows and the analyses received after their research allowed to reconstruct partially types of home manufacturing, connected with manufacturing of clothes and other things. The received results were compared with the similar data from barrow Arzhan, and also barrows of Pazyryk culture and from other places. Thus, the received and analysed samples of fabric, found in the burials of Early Scythian time allowed to assert that the population of this period breded sheep, sheared them for wool, then the wool was cleaned, spinned, painted and weaved, and the received fabric was used to sew clothes, bags and other necessary things. There were certain traditions and ways of manufacturing of textile products, based on the enumerated branches of home economy.

Breeding of domestic animals, as well as hunting for wild animals, promoted the development of various kinds of home manufacturing, which consisted in preparation of meat and, probably, of dairy food, manufacturing of skins, sewing of clothes, manufacturing of capacities and etc..

A certain place in life of the researched period was occupied by home crafts, connected with manufacturing of tools, ornaments and etc., though existence of any craft centres (metallurgical, jewellery and others) is not excluded.

At further accumulation of the materials on the examined theme there will appear an opportunity for the most complete revealing of the designated sides of culture of the population of Early Scythian epoch.

In the conclusion the results of the research are given. Now it is perfectly clear, that in the examined period of time there existed a bright and original culture, distinguished from the well-investigated Pazyryk culture. The questions of the origin of this phenomenon remain open, though it is clear, that it had not the local roots and beginning of Early Scythian culture formation occurred beyond frameworks of the studied territory. The most probably, the roots of the examined traditions are to be searched to the South-south-East from Central Altay. In this direction the researches in Northwestern Mongolia and nearby regions of China are very promising. The first penetrations of carriers of Early Scythian culture occurred, probably, already in the IXth century BC and in the beginning of the VIIIth century BC, this phenomenon acquired mass character. D.G.Savinov /1991, p.94-95/ considers, that migrations of ancient people can be connected with specific well dated historical event: the end of the state of Western Chzhou under pressure of nomadic tribes from Central Asia in 770 BC.

Herdsman economic type, mobile mode of life formed certain way of life (food, clothes, dwellings), original complex of things, norms and rules of behaviour, kinds of occupations, skills, organization of labour, and world-outlook. It was reflected in the realization of funeral rite, partially known thanks to burial buildings, remains of dead people and equipment. The complex approach to the study of all the available data with use of modern opportunities for reception of extensive information on the basis of other sciences developments and methods of historical reconstructions allow to restore a lot of what was lost by time. Comparison of results of researches of Early Scythian and Pazyryk epoch sites witnesses about the break of genetic development, that occurred not later than in the second — third quarter of the VIth century BC, what is synchronized with certain historical events /Marsadolov, 1985, Savinov, 1991 etc. /. The carriers of the former culture, probably, were partially destroyed, some moved to other regions of Altay, some were subordinated and existed for a while in frameworks of old traditions, but then were assimilated. Advancement of Pazyryk people was accompanied by defilement, robbery and destruction of ancestors' graves of the subdued people.

Along the whole research the name and the definition of the investigated culture of Early Scythian time, which existed in Altay for more than 200 years were never mentioned. It is connected with the fact that the most widely used word «maiemirskii» was discredited by different fillings of its contents, what was described in detail in the first chapter. Besides, sketchy attributes of local variants of that very culture by V.A.Mogilnikov /1986/ do not prove to be true, though, basically, such relative differentiation of archaeological sites is quite possible. All these circumstances complicated the process of cultural-chronological understanding of the received materials. Therefore a question was put to rename the culture of Early Scythian time in Altay and to determine the stages of its development. For this purpose it is suggested to lead a conference or a seminar of all the researchers, studying Altay archaeological problems, with the purpose of development of uniform opinion on the accumulated problems of Early Scythian epoch studies. Up to the final reasonable decision it is possible to use the term «Early Scythian time» in the publications. Such approach as allocation of certain types of sites within the framework of the examined period has the right to exist. It will allow to reflect peculiarities of the researched archaeological objects, and also chronological, territorial and clan-tribal parameters of existence of the ancient population in Altay in Early Scythian time. For a basis of conditional periodic division of development of the culture it is suggested to use the stages of formation of horse equipment complex and to single out three chronological spaces: early (end of the IXth — middle of the VIIIth centuries BC), middle (middle of the VIIIth — beginning-middle of the VIIth century BC), late (middle of the VIIth — second — third quarter of the VIth century BC). The investigated culture finds the greatest similarity in the sites of the near regions, what confirms the character of epoch processes, and also possible cultural — genetic connections and mutual influence. All the completed work allowed to fill in the blanks of Altay ancient history.

Translated by O.M.Kazakova

Сведения об авторах

Кирюшин Юрий Федорович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета (АГУ), автор более 190 научных публикаций и и соавтор четырех монографий по проблемам древней истории Западной Сибири. Родился 13 января 1946 года в г.Бердске Новосибирской области. Окончил Томский государственный университет в 1969 г. В 1997 году был избран ректором АГУ.

Тишкин Алексей Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и источниковедения АГУ, автор более 50 научных публикаций. Родился 5 сентября 1963 года в с.Новосклюиха Рубцовского района Алтайского края. Окончил Алтайский государственный университет в 1989 г.

